

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

2

1 9 5 2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

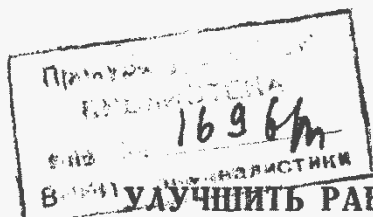
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

29-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 2

ФЕВРАЛЬ
1 9 5 2

УЛУЧШИТЬ РАБОТУ НАРОДНЫХ СУДОВ ПО ОХРАНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

С. Бордонов

Блестящие победы, одержанные в нашей стране в послевоенный период во всех сферах государственной, общественной и культурной жизни, свидетельствуют о новом замечательном расцвете материальных и духовных сил советского народа, уверенно расширяющего, под руководством партии Ленина — Сталина, фронт борьбы и побед.

Решающая роль в построении коммунизма в нашей стране принадлежит Советскому государству, обеспечивающему правильное и успешное решение задач, стоящих перед советским народом.

Многогранна деятельность Советского государства по охране социалистической собственности.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство придавало большое значение борьбе за укрепление социалистической собственности. В историческом декрете о суде № 1, изданном Советом Народных Комиссаров РСФСР 24 ноября 1917 г., указывалось, что для борьбы против контрреволюционных сил, а также для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников и чиновников учреждаются рабоче-крестьянские трибуналы.

В последующие годы Советское Правительство не раз возвращалось к вопросу о мерах борьбы с хищениями социалистической собственности. Об этом свидетельствуют, в частности, и другие декреты, изданные Правительством уже в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Так декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. органам ЧК в местностях, объявленных на военном положении, предлагалось применять суровые меры наказания к лицам, виновным во взломе «советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения». В декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогах и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» указывалось на то, что Особый Ре-

волюционный трибунал при рассмотрении этих дел не связан какими-либо формами судопроизводства, а обязан руководствоваться «исключительно интересами революции».

Советское правительство настоятельно подчеркивало важность усиления борьбы с должностными лицами, попустительствующими расхищению социалистической собственности. В этом отношении характерен декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям». Декрет устанавливал строгие меры наказания для должностных лиц, виновных в хищении товаров, незаконном отпуске товаров и непринятии мер к воспрепятствованию хищений.

Первые декреты Советского правительства составили фундамент, на базе которого формулировалась ответственность за хищение социалистической собственности в соответствующих статьях Уголовного кодекса РСФСР и других союзных республик.

На более широкой основе была поднята деятельность нашего государства по охране социалистической собственности в период социалистической индустриализации страны.

К этому периоду относятся исторические указания товарища Сталина, данные им на активе Ленинградской партийной организации 13 апреля 1926 г.

Товарищ Сталин говорил о необходимости создать вокруг воров и расхиателей «...атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики. Эта мера состоит в том, чтобы поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхиателей народного добра...» (Соч., т. 8, стр. 136—137).

Классово-враждебные элементы, пытаясь затормозить и сорвать социалистическое строительство в нашей стране, направили свою преступную деятельность против экономической основы советского строя — социалистической собственности.

Охрана социалистической собственности стала острым фронтом классовой борьбы.

В своем докладе на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшемся 7 января 1933 г., товарищ Сталин раскрыл жизненную необходимость всемерного усиления борьбы с ее расхиателями. Товарищ Сталин говорил: «Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли. Допускать воровство и хищение общественной собственности, — все равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной, — и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу» (Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 393).

Выдающую роль в борьбе за охрану социалистической собственности сыграл закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности». Закон от 7 августа 1932 г. нанес решительный удар классово-враждебным элементам, пытавшимся при помощи воровства и хищений ослабить мощь Советского государ-

Ул
ства.
на п
соци
ствен
I
ному
творч
листи
I
лизм
циали
лятьс
студе
осное
произ
I
дач
сти
СССР
госуд
вым
соци
4 ию
госуд
I
спечи
совет
I
дов с
ных
ческо
госуд
I
но не
суда
C
кажд
обезу
рука
с дей
При
фаши
войне
E
ловск
власт
прояв
(Соч.
E
суд,
строи
гущес
Особ
бе за
ные
I*

ства. Закон от 7 августа 1932 г. действовал около пятнадцати лет, на протяжении которых он составлял важное начало в осуществлении социалистического правосудия в области охраны социалистической собственности.

В послевоенный период, когда советский народ приступил к мирному строительству, с новой силой сказалась поистине грандиозная и творческая деятельность Советского государства по укреплению социалистической собственности.

Наша страна вступила в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму. Функция Советского государства по охране социалистической собственности стала все больше расширяться и углубляться. Да это и понятно. Социализм и коммунизм являются двумя ступенями одного и того же общественного строя. Их экономическая основа является общей — социалистическая собственность на средства производства.

Для успешного решения стоящих перед нашим государством задач в области дальнейшего укрепления социалистической собственности большое значение имеет указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Указ этот отвечает новым условиям и отражает заботу Советского государства об охране социалистической собственности. С момента выхода в свет указа от 4 июня 1947 г. значительно сократились преступные посягательства на государственное и общественное имущество.

В системе органов социалистического государства, призванных обеспечить охрану социалистической собственности, важную роль играет советский суд и его основное звено — народный суд.

Прошедшие в декабре 1951 года очередные выборы народных судов содействовали дальнейшему улучшению их работы. Выборы народных судов явились яркой картиной подлинного торжества социалистической демократии, на началах которой советский народ строит свою государственную жизнь, борется за мир и безопасность во всем мире.

Глубоко народный характер деятельности советского суда особенно нагляден на фоне фашистско-террористической политики и практики суда США и других империалистических государств.

Своими приговорами суды современных США обрушиваются на каждого, кто выступает против кровавых планов финансовых акул и обезумевших атомщиков. Являясь послушным и коварным орудием в руках поджигателей войны, американский суд не только не борется с действительной преступностью, а, наоборот, всемерно ее расширяет. При помощи своего суда заправилы с Уолл-стрита ускоряют процесс фашизации всей политической жизни страны и подготовку к новой войне.

В своей замечательной лекции о государстве, прочитанной в Свердловском университете 11 июня 1919 г., Ленин указывал, что «...нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке» (Соч., т. 29, стр. 449).

В противоположность судам капиталистических стран советский суд, содействуя выполнению грандиозных планов коммунистического строительства, вносит свой вклад в дело дальнейшего укрепления могущества социалистической родины, укрепления мира во всем мире. Особенно важное значение имеет деятельность народного суда по борьбе за охрану социалистической собственности. Рассматривая конкретные дела о хищениях государственного и общественного имущества,

народный суд наносит меткие удары врагам народа, поживившимся за счет государства. Народные суды ведут борьбу с лицами, не сообщающими соответствующим органам о достоверно известных им фактах хищения социалистической собственности. Советское государство не может мириться с явно антиобщественным поведением человека, знающего о совершении столь опасного и враждебного акта по отношению к социалистическому государству, каким является посягательство на экономическую основу СССР, но не содействующего разоблачению преступника.

Глубоко вникая в содержание каждого дела о хищениях социалистической собственности, народные суды выясняют все обстоятельства, при которых оно совершено, устанавливают формы и методы преступной деятельности. Это позволяет народным судам повышать бдительность советских людей.

Нельзя не отметить творческой деятельности советского народного суда в улучшении работы органов управления, на обязанности которых лежит обеспечение охраны социалистической собственности. При рассмотрении дел о хищениях народные суды принимают меры к устранению причин и условий, способствующих этим преступлениям. В частности, народные суды реагируют на факты неправильного подбора кадров, которым доверяется государственное и общественное имущество, на плохое состояние контрольно-ревизионной работы, неудовлетворительное состояние учета материальных ценностей и т. д.

Эта работа народного суда, имеющая своей целью предупредить хищения социалистической собственности, — большой вклад в улучшение деятельности местных органов.

Практика рассмотрения дел о хищениях раскрывает вдумчивый подход многих народных судов к исследованию всех обстоятельств совершенного преступления. Народные суды, используя накопленный опыт по борьбе за охрану социалистической собственности, должны неустанно улучшать и совершенствовать работу.

Однако нельзя не подчеркнуть серьезных недостатков, имеющих место в работе многих народных судов при рассмотрении дел данной категории.

Нередко мы еще встречаемся с фактами волокиты, допускаемыми отдельными народными судами при рассмотрении дел, предусмотренных указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Такие недопустимые явления отмечены, в частности, в работе некоторых судов Калининградской области. Здесь некоторые дела о хищениях не рассматривались по месяцу и более. Подобное негосударственное отношение к делу снижает эффективность борьбы со столь опасным преступлением, каким является хищение социалистической собственности.

К числу недостатков работы значительного числа народных судов следует также отнести их безразличное отношение к фактам волокиты, допускаемым в ряде случаев при расследовании хищений. Нередко народные суды при обобщении своей практики выявляют нарушение установленных законом сроков следствия, однако на это обстоятельство они не реагируют. Между тем прямой служебный и партийный долг народного судьи — своевременно ставить перед местными руководящими органами вопросы, вытекающие из его повседневной работы.

Известно, что для успешной борьбы с хищениями социалистической собственности важно добиться положения, при котором учреждения и предприятия немедленно передавали бы материалы о растратчиках в соответствующие органы. Но это элементарное требование зачастую нарушается. В следственные и судебные органы материалы попадают

чер
не
сле

тра
уст
ни

дел
нос
ют
при
тог
сти
По
сам

ств
вил
ког
го

ды
сти
обс
эти

то,
спос
щес
рых
сма

АСС
зна
мин

пас
и та
шир
в э
возм
гаш

ния
ким
прес
В с
пра
стве

«Оч
ший
Лени
учет
сотн
непр
дарс

через полгода, а то и больше, после растраты. Народные судьи не всегда должным образом реагируют на такие нарушения закона и, следовательно, не выполняют своих обязанностей.

Успешная борьба за действительную ликвидацию хищений и растрат повелительно требует более решительной и настойчивой борьбы за устранение всех условий, способствующих отдалению момента вынесения приговора от момента совершения преступления.

До сих пор имеет место благодушное отношение со стороны отдельных народных судов к расхитителям социалистической собственности. Некоторые приговоры, вынесенные по делам о хищениях, являются мягкими и не отвечают требованиям закона. Такие неправильные приговоры были отмечены в отдельных судах Туркменской ССР. Более того, неосновательное снижение мер наказания расхитителям социалистической собственности допускали даже некоторые областные суды. Подобные нетерпимые явления в практике судов должны быть изжиты самым решительным образом.

Благодушное отношение к лицам, виновным в хищении государственного и общественного имущества, иногда проявляется в неправильной квалификации состава их преступления. Не единичны случаи, когда присвоение должностным лицом государственного и общественного имущества квалифицировалось по ст. 109 УК РСФСР.

Нет сомнений в том, что в последнее время многие народные суды несколько усилили борьбу с покровителями расхитителей социалистической собственности. Уделяется должное внимание установлению обстановки, в которой было совершено преступление. Но вместе с этим было бы неправильным, да и недопустимым закрывать глаза на то, что кое-где еще недооценивается борьба за устранение условий, способствующих преступному посягательству на государственное и общественное имущество, не выявляются конкретные лица, по вине которых не были приняты меры охраны материальных ценностей. Так, рассматривая дела о хищении, некоторые народные суды Мордовской АССР не придали значения обстоятельствам, имеющим существенное значение для объяснения причин несвоевременного реагирования администрации отдельных торгов на выявленные растраты. Подобная пассивность народных судов не совместима с интересами государства и таит серьезную опасность для борьбы с хищениями. Суд обязан расширять горизонт, установленный предварительным следствием, если в этом есть необходимость. Наибольшая активность в раскрытии всех возможностей для установления материальной истины творчески обогащает не только судебную, но и следственную практику.

Говоря об улучшении работы народных судов по борьбе с хищениями и растратами, необходимо затронуть такой важный вопрос, каким является проблема возмещения государству ущерба, нанесенного преступным посягательством на социалистическую собственность. В самом деле, нельзя примирить с нашим общественным сознанием практику, при которой многие тысячи рублей государственных и общественных средств остаются в руках жуликов и воров.

Здесь уместно вспомнить указания Ленина, данные им в работе «Очередные задачи Советской власти». Требуя организовать строжайший учет материальных ценностей и контроль над их расходованием, Ленин писал: «...Организуйте учет над производством, организуйте учет и контроль над потреблением и сделайте то, чтобы мы не бросали сотни миллионов денег из-под печатного станка, и ни одна сторублевка, неправильно попавшая в чьи-либо руки, не миновала бы назад государственной казны» (Соч., т. 27, стр. 269).

Эти указания Ленина полностью применимы и к рассматриваемому нами вопросу о возмещении ущерба, нанесенного растратами и хищениями.

Надлежит принять действенные меры, обеспечивающие возвращение хозяйственным органам всех похищенных у них средств. В связи с этим необходимо указать на то, что в ряде мест (Саратовская, Астраханская области) некоторые народные суды проявляют недостаточную инициативу в ограждении государственных интересов. Они, например, не решают вопроса о взыскании с виновных расхищенных сумм, если по делу не был заявлен гражданский иск заинтересованной организацией. Это неправильно. Народный суд не может находиться в плену бюрократических извращений, допускаемых тем или иным учреждением.

Но бывает и так, что суд, действуя в соответствии с законом, постановляет взыскать в пользу хозяйственного органа похищенные у него средства, однако инертность при исполнении судебных решений превращает их в пустую формальность, лишенную практического смысла. В ряде судов Ленинградской области месяцами не реализуются судебные акты, по которым необходимо взыскать в пользу органов государственной торговли и потребительской кооперации похищенные у них средства. Народные судьи и управления министерств юстиции должны постоянно заботиться о повышении активности судебных исполнителей в обеспечении государственных интересов.

Для того чтобы работа народных судов по борьбе за окончательное искоренение растрат и хищений была более целеустремленной, они должны осмысленно и конкретно подходить к изучению условий, способствующих преступному посягательству на социалистическую собственность. Народные суды, рассматривая то или иное дело, обобщая судебную практику, обязаны устанавливать наиболее типичные недостатки в работе организаций отдельных ведомств (государственная торговля, потребительская кооперация, колхозы и т. д.) и через местные руководящие органы принимать меры к их оздоровлению.

Министерства и управления юстиции должны более вдумчиво организовывать свою работу по оказанию помощи народным судам. Ревизии, совещания и другие формы повышения уровня деятельности народных судов должны заключать в себе меры, имеющие своей целью усиление борьбы за охрану социалистической собственности. Больше заботы об улучшении работы основного звена судебной системы — народного суда должны проявлять областные, краевые и верховные суды союзных республик.

Наиболее должна быть усилена методическая работа со стороны органов министерств юстиции, обязанных своевременно информировать народные суды по важнейшим вопросам, возникающим на практике.

Дело чести всех органов юстиции максимально усилить всестороннюю помощь народным судам в выполнении стоящей перед ними центральной и важнейшей задачи — решительным образом улучшить работу по охране социалистической собственности, экономической основы СССР.

В
мещен
гериал
т. Риг
ны в
нятия
деяте
М
советс
ствит
ется
ствени
судия
истин
ной н
С
шей
бенис
понят
деяте
но не
прим
в сои
ности
как
в его
прим
и сл
объе
знач
мар
риал
о то
суде
рит
исти
возм
сол
ност
Ред

ПОНЯТИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ¹

В журнале «Социалистическая законность» № 11 за 1951 год помещена статья кандидата юридических наук А. Ривлина «Понятие материальной истины в Советском уголовном процессе». В этой статье т. Ривлин освещает два вопроса: о самом понятии материальной истины в советском уголовном процессе и о возможности применения понятия абсолютной и относительной истины в судебной и следственной деятельности при разрешении уголовных дел.

Можно согласиться с т. Ривлиным в том, что в системе принципов советского уголовного процесса принцип материальной истины действительно занимает самое важное место. Правильно и то, что он является руководящим во всей деятельности советских судебных и следственных органов, направленной на осуществление советского правосудия. Вполне понятно, почему разрешение проблемы материальной истины имеет чрезвычайно важное значение в советской процессуальной науке.

Однако никак нельзя согласиться с тем разрешением этой важнейшей и сложной проблемы, которое т. Ривлин дает в своей статье. Особенно нельзя поддержать его точку зрения на возможность применения понятия абсолютной и относительной истины в судебной и следственной деятельности. Эта точка зрения является, на мой взгляд, принципиально неправильной. Тов. Ривлин неосновательно исключает возможность применения философского понятия абсолютной и относительной истины в советском уголовном процессе, в судебной и следственной деятельности.

Я не ставлю себе задачи освещения этой сложной проблемы, так как она достаточно полно освещена и разрешена акад. А. Вышинским в его книге «Теория судебных доказательств в советском праве».

В чем заключаются ошибки т. Ривлина, отрицающего возможность применения понятия абсолютной и относительной истины в судебной и следственной деятельности? Этих ошибок несколько.

Во-первых, т. Ривлин, видимо, неправильно уяснил себе понятие об объективной, абсолютной и относительной истинах в философском их значении и поэтому неправильно делает выводы из учения классиков марксизма-ленинизма о познании.

Во-вторых, он видимо, не совсем разобрался в понятии о материальной истине в уголовном процессе, хотя и правильно говорит о том, что основная особенность истины, устанавливаемой в советском суде, заключается в том, что она объективна по своей природе.

В-третьих, он не разобрался в том, что акад. А. Вышинский говорит о возможности применения понятия абсолютной и относительной истины к судебной и следственной деятельности.

Постараемся разобрать эти ошибки т. Ривлина, чтобы отстоять возможность и необходимость применения философского понятия абсолютной и относительной истины в судебной и следственной деятельности.

¹ Статьи т. Кукарова и т. Малхазова печатаются в порядке обсуждения. Редакция.

Делая ссылку на гениальный труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», т. Ривлин приходит к выводу, что понятие абсолютной и относительной истины применяется марксистско-ленинской теорией лишь в области науки, т. е. к познанию закономерностей в развитии природы и человеческого общества, и, так как советский суд не призван устанавливать какие-либо закономерности в развитии природы и общества, то к нему и не применимо понятие абсолютной и относительной истины.

Такой вывод можно сделать только при условии, если отрицать советский уголовный процесс как науку, а судебную и следственную деятельность рассматривать с идеалистических позиций или ничего не понимать в марксистско-ленинской теории познания.

Заблудившись в понятиях объективной, абсолютной и относительной истин в философском их значении, т. Ривлин почему-то не сослался на то утверждение об объективной, абсолютной истине, которое делает Ленин в указанном труде.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней». (Соч., т. 14, стр. 123).

Академик А. Вышинский говорит следующее по поводу этих слов Ленина: «Эти глубоко мудрые слова Ленина применимы к любой области исследования. Они применимы к судебной области с учетом, конечно, тех специфических особенностей, которые присущи судебной деятельности. Если марксизм признает относительность всех наших знаний, а он признает это, то относительный характер имеют и заключения, получаемые судом в процессе судебной работы. Но относительность эта — та же диалектическая относительность — не в смысле, как учит марксизм-ленинизм, отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности приближения наших знаний к этой истине». (Теория судебных доказательств, изд. 1950 г., стр. 198—199).

Несколько ранее тов. Вышинский пишет:

«Известно, что многие выдающиеся представители буржуазной науки процессуального права приходят к выводу о неспособности суда установить абсолютную истину, это, в сущности говоря господствующее в буржуазной юриспруденции направление» (там же, стр. 196).

Не ясно ли теперь, куда клонит т. Ривлин в своей статье? Не ясно ли, что т. Ривлин, говоря на стр. 43 журнала о материальной истине, как объективной истине, устанавливаемой в советском суде, пришел далее к отрицанию этой объективной истины. «К истине, устанавливаемой в советском суде, ни при каких условиях не может быть применено то соотношение между относительной и абсолютной истинами, которое с точки зрения марксистской диалектики является для них самым характерным» (стр. 49 журнала).

Вот почему я считаю ошибкой т. Ривлина то, что он неправильно уяснил себе понятие об объективной, абсолютной и относительной истинах в философском их значении. Он неправильно понимает соотношение абсолютной и относительной истин в теории познания.

К соотношению истины абсолютной и относительной он подходит с позиций релятивизма. А ведь известно, что материалистическая диалектика не отрицает относительности, но она не сводится к релятивизму.

Ленин учит:

«Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — включает в себя

мо
ля
ло
ет
но
ни

тел
вид
отн
отн
И
абс

Пус
нел
вод

кот
дав

абс
это

При
как
стас
вое

теор
мы
раз
ной

эти
нели
тис
лени
в п

разс
разс
и в
зна
пис
исти
про

цесс
связ

рене
суде
хани
цесс

момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» (Соч., т. 14, стр. 124).

Тов. Ривлин в вопросе о соотношении истин абсолютной и относительной не понял диалектического единства и противоположности. Это видно из того, как т. Ривлин на стр. 50 журнала пишет: «В самом деле, относительная истина — это истина неполная, приблизительная, лишь относительно правильно отражающая объективную действительность». И дальше: «Абсолютная истина — это истина полная, истина целиком, абсолютно правильная».

Выходит по Ривлину, что относительная истина неправильная. Пусть простит меня т. Ривлин, но ведь это чепуха! В теории познания нельзя бросаться так легко словечками. Такая легкомысленность приводит к идеализму, именно, к субъективному идеализму.

По Ривлину выходит, что истина похожа на отчеканенную монету, которая может быть дана в готовом виде, и поэтому в одном месте подавай ему относительную истину, а в другом абсолютную.

Тов. Ривлин не понял марксистско-ленинского учения о том, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин, при этом не механически, а диалектически.

Относительная истина есть ступень познания абсолютной истины. При этом абсолютная истина относится к относительной истине так, как целое к части. И это отношение целого к части не есть здесь простая арифметическая сумма частей, а большее, ибо целое здесь есть новое качество.

Итак т. Ривлин не разобрался в вопросах марксистско-ленинской теории познания. А не разобравшись в этом, нельзя разрешить проблемы материальной истины в советском уголовном процессе и нельзя разрешить проблемы об относительной и абсолютной истинах в судебной и следственной деятельности. С таким направлением в разрешении этих проблем, которое дает т. Ривлин, можно прийти лишь к такому нелепому выводу, к какому пришел т. Ривлин, говоря о том, что понятия абсолютной и относительной истины применяются в марксистско-ленинской теории познания только в области науки и не применимы в процессе, в судебной и следственной деятельности.

Вторая ошибка т. Ривлина заключается в том, что он не совсем разобрался в материальной истине в уголовном процессе. Если бы он разобрался в вопросах о материальной истине в уголовном процессе и в марксистско-ленинском учении об объективной истине в теории познания, т. е. в основной посылке философского материализма, то он не писал бы о том, что философский вопрос об абсолютной и относительной истинах лишь примыкает к вопросу о материальной истине в советском процессе.

Вопрос об абсолютной и относительной истинах в советском процессе не примыкает к вопросу о материальной истине, а органически связан с ним.

Тов. Ривлин, пытаясь критиковать тех, кто механически хочет перенести философские категории абсолютной и относительной истин в судебную и следственную деятельность, сам повторяет их ошибку, механически, а не диалектически применяя эти понятия в уголовном процессе.

Тов. Ривлин пишет: «Суд установил в приговоре, что А. в течение

1950 года занимался скупкой и перепродажей по повышенным ценам мануфактуры, за что осудил его по ст. 107 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. Какую истину установил в этом деле суд, — абсолютную или относительную». Какие вообще закономерности в природе или обществе открыл суд в этом деле? — заканчивает изложение примера т. Ривлин.

С приведения таких примеров начинали все те, кто механически, а не диалектически пытались перенести философские категории абсолютной и относительной истин в судебную и следственную деятельность. Приводить такие примеры в поисках абсолютной и относительной истины в судебной и следственной деятельности это значит не замечать и смешивать разные понятия и говорить о разных вещах.

Разобрался ли он в словах акад. А. Вышинского о том, что при постановке таких примеров и вопросов речь идет о разных понятиях и о разных вещах? Мне кажется, не разобрался, хотя уже и пора было бы разобраться, применяя диалектически, а не механически понятие абсолютной и относительной истин к судебной и следственной деятельности.

При постановке таких примеров речь идет о том, что установление объективной, абсолютной истины в теории познания — это одно, а требовать от суда, чтобы он в своей практической работе открывал абсолютные истины — это другое, так как такое требование с точки зрения марксистско-ленинской теории познания в большинстве случаев нереально и невозможно не только в уголовном процессе, не только в деятельности судебных и следственных органов, но и в любой отрасли науки, в любой практической деятельности человека.

Чтобы не смешивать эти разные понятия, следует коснуться еще одного очень важного марксистско-ленинского учения о конкретности истины и о роли практики в познании истины.

Абстрактной истины нет, все зависит от условий, времени и места. Об этом учении о истине нельзя забывать, ибо оно является новым принципом в философии, до которого поднялся только марксизм-ленинизм. О конкретности истины нельзя забывать при разработке любой проблемы в науке, в любой практической деятельности, в том числе и в советской процессуальной науке и в практической деятельности судебных и следственных органов.

И дальше. Практика является отправным пунктом теории познания диалектического материализма. Правильность наших знаний об объективности, абсолютности истины проверяется практикой. Доказательством того, что человеческое познание верно отражает объективный мир, объективную реальность, — учит Ленин, — является практика.

«Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» (Ленин, Соч., т. 14, стр. 177).

Теперь т. Ривлин может задать мне вопрос: а в какой мере это учение Ленина относится к практической деятельности судебных и следственных органов? Ответим на этот вопрос. Если подходить к применению абсолютной и относительной истин в практической судебной и следственной деятельности не механически, а диалектически, то это учение Ленина к этой деятельности относится в полной мере.

Все наши знания относительны, они относительны и у судей и следователей и у всех людей в их практической деятельности. Но относительность эта диалектическая, т. е. относительность не в смысле отри-

цания (ности)

С относит ганов, точки ние суд ст. 107 ют отри ходится ности. отрица историч т. е. э

Пр циалис водите в поли Вся со в теори делите. (Соч.,

По ной, а ную и людей, критер науке, и отно работн ную, а

А дебной не ме при ви этих т задача го с т единст маркс

Ч буется ление ствите ветств ным, и внов

К вается абсоли устанс истини вопро судейс созна

цания объективной, абсолютной истины, а в смысле исторической условности приближения наших знаний к этой истине.

С точки зрения марксистско-ленинского учения нужно признать относительный характер всех заключений судебных и следственных органов, получаемых в судебной и следственной деятельности. С этой точки зрения диалектически имеет относительный характер и заключение суда в приведенном т. Ривлиным примере с А., осужденным по ст. 107 УК к десяти годам лишения свободы. С этой точки зрения имеют относительный характер и все приговоры и решения, которые приходится выносить суду при осуществлении своей практической деятельности. Но нельзя забывать, что эта истина относительна не в смысле отрицания объективной, абсолютной истины, она относительна в смысле исторической условности приближения наших знаний к этой истине, т. е. это относительность диалектическая.

Практическая деятельность людей очень многогранна. В нашем социалистическом государстве люди занимаются материально-производительной деятельностью, строят, изобретают, принимают участие в политической жизни страны, создают коммунистический быт и т. д. Вся совокупность этих сторон общественной практики людей входит в теорию познания «... и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку», — учит Ленин (Соч., т. 32, стр. 72).

Поняв всю глубину марксистско-ленинского учения об объективной, абсолютной и относительной истинах и беря практическую судебную и следственную деятельность в совокупности деятельности всех людей, а не в отрыве, не изолированно от общественной практики как критерия истины, нельзя отказаться от применения в процессуальной науке, в судебной и следственной деятельности от понятия абсолютной и относительной истин. Нельзя потому, что судебные и следственные работники, как и все мыслящие люди правильно отражают объективную, абсолютную истину, правильно отражают действительность.

А что это значит в осуществлении непосредственных задач в судебной и следственной деятельности, если подходить к этому вопросу не механически, а диалектически? Это, конечно, не значит, чтобы суд при вынесении приговоров и решений открывал абсолютные истины; этих требований суду нельзя предъявлять, не только потому, что эта задача не выполнима в деятельности суда, она не реальна прежде всего с точки зрения марксистско-ленинского учения о диалектическом единстве истин относительной и абсолютной, между которыми, как учит марксизм-ленинизм, не существует непроходимой грани.

Что же требуется от суда при вынесении приговора? От него требуется установление материальной истины по делу, то-есть «...установление фактических обстоятельств дела в точном соотношении с действительностью, установление роли в этом деле обвиняемого и той ответственности, которую он должен нести, в случае признания его виновным, или освобождения от ответственности, в случае признания его невиновным» (А. Я. Вышинский, там же, стр. 196).

Каким образом в судебной и следственной деятельности устанавливается материальная истина, которая связана с соотношением истин абсолютной и относительной в уголовном процессе, и может ли она быть установлена при отрицании понятия абсолютной и относительной истины? У акад. А. Вышинского мы находим ясный ответ и на этот вопрос: «Воспринимаемые судьями факты преломляются через призму судейской идеологии, мирозерцания, частью которого является правосознание» (там же, стр. 179).

А в основе социалистического правосознания судей лежит марксистско-ленинский диалектический метод. «Именно метод марксистско-философского материализма открывает путь к познанию вещей, явлений и отношений такими, какими они являются в действительности, учит пониманию и разрешению противоречий, которыми сплошь да рядом бывают чрезвычайно осложнены исследуемые судом события, обеспечивает в максимальной степени безошибочность принимаемых по судебным делам решений, т. е. обеспечивает установление материальной истины» (стр. 182), «Система философских, политических, правовых взглядов судьи играет важнейшую роль в его отношении к действительности, в восприятии и оценке тех или других фактов» (там же, стр. 181).

Каков вывод из моей статьи? Применять философское понятие абсолютной и относительной истины в уголовном процессе, к судебной и следственной деятельности нужно и необходимо. Отрицание этого понятия в уголовном процессе крайне вредно для советского правосудия.

Отрицание соотношения абсолютной и относительной истин в советском уголовном процессе так или иначе приводит к отрицанию материальной истины, объективной истины в уголовном процессе, т. е. к отрицанию основного принципа советского уголовного процесса.

Не случайно академик А. Вышинский называет юридическими полами буржуазных ученых-процессуалистов, отрицающих возможность установления в уголовном процессе объективной или материальной истины, несомненно абсолютной истины.

Отрицание применения понятия абсолютной и относительной истины в судебной и следственной деятельности грозит превращением советской процессуальной науки в схоластику. Это отрицание грозит применению в судебной и следственной деятельности основного метода, обеспечивающего правильное отправление советского социалистического правосудия, марксистского диалектического метода.

Однако философское понятие абсолютной и относительной истины нужно не механически переносить в уголовный процесс, а применять диалектически, поняв глубокое значение соотношения абсолютной и относительной истины в теории познания, как объективной истины, являющейся основной посылкой марксистского философского материализма.

Диалектическое применение этого понятия к судебной и следственной деятельности должно означать предъявление суду требований о том, чтобы выносимый им приговор основывался на охвате всех возможных в данных условиях фактов, чтобы не оставалось абсолютно никаких сомнений в том, что приговор соответствует действительности.

Выполнение этих требований в судебной и следственной деятельности и будет означать установление в уголовном процессе материальной, или объективной, абсолютной истины.

Вот в этом направлении и должно идти разрешение проблемы материальной истины в советском уголовном процессе и проблемы соотношения абсолютной и относительной истин в судебной и следственной деятельности.

Помощник прокурора Западной железной дороги
А. Кукаров

Тов. Ривлин начал свою статью с утверждения, что проблема материальной истины в советском уголовном процессе, занимающая очень важное место, не получила сколько-нибудь исчерпывающего освещения в советской процессуальной науке и мало разработана. Считая, что

пробл
очевидно,
са св
важны
относи
решен

Р
солют
проса
линым
сказа

Н
т. Рив
науке
приго
гает д
общес
ных с

Б
матери
ствите
стов.
процес
мое е

С
ствую
нам н
только
 догово
в бур

То
цессуа
кроме
не пом
привед

Ре
являет
устано
вовой
универ
менты,
уголов
ны, т.
полити
рабоче
ного н.
ступле
стически
указан
они ме

Пр
из-за р
должен
шедши

проблема нуждается в многостороннем освещении, т. Ривлин решил, очевидно, восполнить существенный пробел в науке уголовного процесса своей статьей. Статья т. Ривлина претендует на разрешение двух важных вопросов: об определении понятия материальной истины и об относительной или абсолютной истине, устанавливаемой судом при разрешении конкретных дел.

Рассуждения т. Ривлина по поводу вопроса об относительной и абсолютной истине возражений не вызывают. В касающейся данного вопроса части статьи т. Ривлин ничего нового не сказал. Даваемая т. Ривлиным трактовка представляет по существу повторение давно уже высказанных по этому поводу мыслей акад. А. Вышинского.

Новшеством является определение материальной истины, даваемое т. Ривлиным. Его не удовлетворяет принятое в нашей процессуальной науке понимание материальной истины как соответствие судебного приговора фактам объективной действительности. Тов. Ривлин предлагает дополнить это понимание указанием на правильную оценку судом общественно-политической сущности и правового значения установленных судом фактов.

Беспокоит т. Ривлина также и то обстоятельство, что определение материальной истины как соответствия выводов суда объективной действительности можно встретить у некоторых буржуазных процессуалистов. Вследствие этого т. Ривлин находит, очевидно, что в советской процессуальной науке задача состоит в том, чтобы определение, даваемое ею, не совпало с определением, даваемым в буржуазной науке.

Стремление т. Ривлина является похвальным, если оно соответствующим образом мотивировано. Не следует, однако, полагать, что нам нужно в каждое определение включать любые новые элементы только ради того, чтобы устранить сходство формулировок. Так можно договориться до полного отрицания всякого положения, установленного в буржуазной науке, если даже это положение является правильным.

Тов. Ривлин задался целью совершить переворот в советской процессуальной науке по вопросу о материальной истине. Однако ничего, кроме путаницы, из этой попытки не получилось. При этом т. Ривлину не помогли ни необоснованные ссылки на акад. А. Вышинского, ни приведенные им примеры из судебной практики Верховного суда СССР.

Решающим недостатком концепции, предлагаемой т. Ривлиным, является то, что он смешал два разных вопроса — вопрос об объективно установленных фактах и вопрос об их общественно-политической и правовой оценке. По этой именно причине материальная истина стала у него универсальным понятием, включающим в себя по существу все элементы, составляющие уголовное правосудие в целом. Осуществление уголовного правосудия заключается: в установлении объективной истины, т. е. фактического состава происшедших событий; в общественно-политической оценке преступного поведения с точки зрения интересов рабочего класса и всего советского народа; в применении определенного наказания, соответствующего степени общественной опасности преступления и преступника, в целях защиты советского строя и социалистического правопорядка от преступных посягательств. Каждый из указанных элементов имеет, однако, самостоятельное значение хотя все они между собою тесно связаны.

Приведем для иллюстрации простейший пример: Иванов совершил из-за ревности убийство Петрова. Судебный приговор по делу Иванова должен основываться на установлении определенных событий, происшедших во внешнем мире, составляющих главный факт и доказатель-

ственные факты, а также факты, выявляющие мотивы совершения Ивановым преступления. В соответствии с требованиями ст. 320 УПК приговором должно быть установлено, имело ли место деяние, приписываемое Иванову, совершил ли он это деяние и по каким мотивам. (материальная истина). Но этого недостаточно. Приговор должен дать правовую оценку деяния Иванова, т. е. ответить на вопрос, содержит ли деяние состав преступления и какой именно, а также разрешить вопрос о назначении соответствующего наказания, т. е. дать общественно-политическую оценку поведения Иванова, являющуюся критерием при определении меры наказания. Если суд правильно, в соответствии со стоящими перед ним общеполитическими задачами, разрешит всю совокупность указанных вопросов, то он тем самым осуществит конкретный и необходимый акт правосудия. В противном случае приговор окажется неправильным.

Не затрагивая иных аспектов вопроса, мы должны признать, что материальная истина в уголовном процессе составляет самостоятельное процессуальное понятие, не сливающееся с иными процессуальными понятиями, хотя и тесно с ними связанное. Это очевидно из текста закона. Именно это понятие имеет в виду ст. 15 Закона о судостроительстве, говорящая об обоснованности приговора, а также ст. 413, п. 1, и ст. 414 УПК, определяющие что следует понимать под недостаточным и неправильно проведенным следствием.

Самостоятельное процессуальное значение, как это видно из ст. 15 Закона о судостроительстве и ст. ст. 413, п. 3, и 416 УПК, имеет вместе с тем правильная квалификация преступления, а также соответствие наказания совершенному преступлению (ст. 413, п. 4, и ст. 417 УПК).

Можно ли утверждать, что установление фактических данных, составляющих предмет события, квалификация этого события и назначение соответствующего наказания совпадают. Никакого совпадения здесь нет, и все эти элементы, вместе взятые, но имеющие самостоятельное значение, составят в конечном счете осуществление правосудия.

Вернемся к примеру с Ивановым. Предположим, что суд в приговоре, основанном на фактическом материале, с бесспорностью и очевидностью констатировал факт совершения Ивановым убийства по мотивам ревности, однако неправильно квалифицировал действие Иванова. Как поступит по этому делу вышестоящая инстанция и отменит ли она приговор ввиду его необоснованности или за недостаточностью и неправильностью проведенного следствия, т. е. вследствие несоответствия приговора материальной истине? Если бы кассационная инстанция поступила таким образом, то любой, даже не посвященный в тонкости юриспруденции здравомыслящий человек сказал бы, что мотивы отмены приговора не соответствуют действительности, ибо в приговоре суда фактический состав получил правильное отражение. Если же в определении кассационной инстанции будет указано, что суд, правильно установив факты действительности, допустил ошибку в квалификации преступления, то такое определение, являясь правильным, не может вызвать возражений.

Та или иная концепция может быть признана правильной лишь в том случае, если она выдерживает испытание, будучи доведена до логического конца. Утверждение кассационной инстанции, что приговор по делу Иванова не соответствует материальной истине потому, что преступление Иванова неправильно квалифицировано, внесло бы лишь путаницу в головы практических работников и, несомненно, осталось бы непонятным. Практика вышестоящих судов никогда к такого рода утверждениям в подобных случаях и не прибегает.

При
соответс
нию, есл
этом слу
истину.
ществен
установл

Если
к выводу
но входя
влияние
ние фор
новке, у

Уста
обоснов
преступл
и общес
деятельн
сит и в
Тов.

ной исти
ная ква
наказани
ступлен
приговор
лишенно
Сме.

ности пр
меньшей
На
Тов. Рие
цессе, н
поставле
истины

прокуро
УПК. М
говоре с
числе и
недостат
основани
или общ
ки зрени
в процес
не устан

По
пытка т
ке пони
ствие п
неудачн

Приговор по делу Иванова может быть отменен также ввиду несоответствия назначенного судом наказания совершенному преступлению, если такое несоответствие имеет место. Очевидно, однако, что и в этом случае нельзя утверждать, что суд не установил материальную истину. Погрешность в данном случае заключается в неправильной общественно-политической оценке преступления, но не в неправильном установлении материальной истины.

Если следовать рекомендациям т. Ривлина, то логически придется к выводу, что и существенное нарушение форм судопроизводства должно входить в понятие материальной истины, так как и оно оказывает влияние на правильность приговора. Между тем очевидно, что нарушение форм судопроизводства никакого отношения к фактической обстановке, условиям и мотивам совершения преступления не имеет.

Устанавливая материальную истину, суд обращается к фактам, обосновывающим определенное событие, включающее в себе состав преступления с его различными элементами. Даваемая судом правовая и общественно-политическая оценка преступления есть последующая деятельность суда и никаких изменений в происшедшие факты не вносит и внести не может.

Тов. Ривлин спутал два различных вопроса — вопрос о материальной истине с вопросом о правильности приговора в целом. Неправильная квалификация судом деяния подсудимого или несоответствие наказания совершенному преступлению в случае, если само событие преступления отражено в приговоре правильно, колеблют не установленную приговором материальную истину, а правильность самого приговора, лишённого необходимых для его правильности реквизитов.

Смещение вопроса о материальной истине с вопросом о правильности приговора в целом теоретически не оправдано, а практически по меньшей мере бесполезно.

На практике точка зрения т. Ривлина способна принести даже вред. Тов. Ривлин говорит о материальной истине в советском уголовном процессе, но сводит вопрос лишь к деятельности суда, обедняя тем самым поставленную им проблему. Между тем к установлению материальной истины направлена деятельность не только суда, но и следственно-прокурорских органов. К этому обязывают, в частности, ст. ст. 111—114 УПК. Материальная истина должна устанавливаться не только в приговоре суда, но и в процессе расследования по уголовным делам, в том числе и делам, прекращаемым за отсутствием состава преступления, за недостаточностью улик для предания обвиняемого суду и по другим основаниям. Но в этих случаях нет ни судебного приговора, ни правовой или общественно-политической оценки фактов, даваемой судом. Из точки зрения т. Ривлина логически следует, что по всем прекращаемым в процессе предварительного расследования делам материальная истина не устанавливается, с чем невозможно согласиться.

По всем указанным соображениям нужно прийти к выводу, что попытка т. Ривлина опровергнуть принятое в нашей процессуальной науке понимание материальной истины в приговоре только как соответствие приговора суда фактам объективной действительности является неудачной.

Старший преподаватель Ростовского университета им. Молотова

И. Малхазов

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ИЗ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВРЕДА

*Студент 4-го курса юридического факультета
Одесского университета П. Стависский*

В своей статье «Великий почин» Ленин еще в 1919 году писал: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достоящихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик» (Соч., т. 29, стр. 394).

В наши дни — это уже жизнь. Сохранение социалистической собственности стало всенародным делом. Советские люди совершали в годы Великой Отечественной войны и совершают ныне замечательные подвиги во имя сохранения и спасения всенародной собственности.

Статья 131 Сталинской Конституции указывает на святую обязанность советского гражданина: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Люди, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Новые отношения дружбы и сотрудничества сложились в нашем обществе между людьми. Помочь другому в беде, выручить, спасти, даже рискуя собственной жизнью, стало неписаным законом социалистического общежития. Тяжелые годы военного времени наглядно продемонстрировали невиданное сплочение советских людей.

Однако, спасая социалистическую собственность, предотвращая вред, угрожающий жизни или личной собственности советского гражданина, лицо часто терпит ущерб в здоровье или имуществе.

Анализируя это положение, проф. С. Ландкоф высказал мысль о возникновении в советском гражданском праве обязательства из предотвращения вреда, угрожающего социалистической собственности¹. Проф. Ландкоф основывался на фактах, опубликованных в печати, и на рассмотренном Верховным судом СССР известном деле Марцинюка, который, добровольно приняв участие в тушении пожара, возникшего в составе поезда, потерпел ущерб в здоровье и одежде. Иск Марцинюка к железной дороге о возмещении ущерба был удовлетворен Верховным судом СССР².

После появления статьи проф. Ландкофа, не нашедшей до последнего времени отклика в нашей печати, в Верховном суде СССР прошло дело Бычкова, харьковского инженера, который погиб, спасая имущество спортивного общества «Динамо» во время пожара на стадионе. Верховный суд СССР удовлетворил иск жены Бычкова о возмещении спортивным обществом ежемесячно разницы между частью заработка

¹ С. Ландкоф, Новая категория обязательств в советском гражданском праве. «Юридический сборник Киевского государственного университета» 1948 г. № 3.

² «Советская юстиция» 1940 г., № 22, стр. 41—42.

Бычко
пенсие

Т

жизне

О

вопрос

жающ

пород

тельнс

летний

хался.

Н. И.

ре час

Конон

заболе

С

враща

нии с

циали

ниям

режит

Э

С

и исто

расте

вание

нима

ской

социа

Совет

цесса,

разви

ствен

указа

Г

собст

В эт

дела

указа

«

а в и

обяза

дани

руков

охра

стить

Г

отно

бурж

А по

зрел

Это м

1

2

3

Бычкова, приходящегося на содержание жены и ребенка, и получаемой пенсией¹.

Таким образом, судебная практика подтвердила актуальность и жизненность поставленного проф. Ландкофом вопроса.

Однако, проф. Ландкоф не поставил с достаточной твердостью вопроса о том, что получение ущерба при предотвращении вреда, угрожающего личности и личной собственности другого лица, тоже должно породить обязательство возмещения ущерба. Между тем жизнь настоятельно подсказывает такое решение вопроса. Вот факт из жизни. Двухлетний мальчик Юра Емельянов заболел дифтерийным круппом, задыхался. Крупп осложнился воспалением легких. Юра умирал. Врач Н. И. Кононов, рискуя жизнью, в течение семи дней, каждые три-четыре часа отсасывал через трубку инфекционные пленки и гной. Врач Кононов спас Юру ценой собственного здоровья; на восьмой день он заболел и проболел три месяца².

Самая постановка вопроса о возмещении ущерба лицам, предотвращавшим вред, говорит о колоссальных сдвигах, происшедших в сознании советских людей. Благодаря политике большевистской партии, социалистическому строительству, приведшему к коренным преобразованиям в нашем обществе, постепенно изживаются капиталистические пережитки в сознании людей, создается новый моральный облик человека.

Это делает особенно интересным рассмотрение указанных вопросов.

Социалистическая собственность — основа нашего государства и источник благосостояния трудящихся. Забота об общественном добре растет вместе с ростом и развитием социалистического сознания, с изживанием капиталистических пережитков. Чем дальше, тем все глубже понимают советские люди, что с сохранением и умножением социалистической собственности связано их личное благосостояние, укрепление социалистического государства и быстрее построение коммунизма. Советское гражданское право не может остаться в стороне от этого процесса, оно призвано, как и другие отрасли советского права, укреплять, развивать и поощрять социалистическое отношение граждан к общественной собственности, к всенародному добру, руководствуясь при этом указанием ст. 131 Конституции СССР.

Гражданин, потерпевший ущерб при спасении социалистической собственности, должен получить возмещение понесенного им ущерба. В этом смысле высказался Верховный суд СССР в определениях по делам Марцинюка и Бычкова, несмотря на отсутствие в законе прямых указаний.

«Марцинюк действовал в данном случае не в личных интересах, а в интересах охраны государственной социалистической собственности, обязанность беречь и укреплять которую составляет долг каждого гражданина, согласно ст. 131 Конституции СССР. Поэтому суд должен был, руководствуясь ст. 4 ГПК, возложить на железную дорогу, в целях охраны имущества которой действовал Марцинюк, обязанность возместить Марцинюку понесенный им личный и имущественный вред»³.

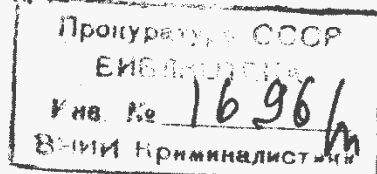
Нет ни малейшего сомнения в том, что для регулирования данного отношения не подходит ни институт неосновательного обогащения, ни буржуазный институт деятельности в чужом интересе без поручения. А поскольку в нашем законодательстве нет соответствующих норм, назрел вопрос о создании нового обязательства из предотвращения вреда. Это можно доказать следующим фактом.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г., № 10, стр. 27.

² «Литературная газета» 25 марта 1950 г.

³ «Советская юстиция» 1940 г., № 22.

² Социалистическая законность, № 2

В 1949 году при тушении пожара на 1-й Торговой нефтебазе в г. Одессе погиб, задохнувшись в парах бензина, один из рабочих, который добровольно вызвался заделать трещину в огромном резервуаре с горючим. Когда же семья этого рабочего обратилась в одну из юридических консультаций с вопросом о том, имеет ли она право на получение с предприятия разницы между пенсией и заработной платой, то получила отрицательный ответ со ссылкой на отсутствие закона.

Фактом, порождающим обязательство из предотвращения вреда, угрожающего социалистической собственности, является совершение лицом действий, направленных на предотвращение вреда, и понесение им при этом ущерба. Ущерб должен быть причинно связан с действиями по предотвращению вреда.

Действия лица должны иметь целью предотвращение вреда и могут заключаться в самой разнообразной деятельности: участие в тушении пожара, сохранение социалистической собственности от разграбления и захвата, предотвращение крушения поезда и т. п. Однако эти действия могут быть только фактическими действиями. Юридические действия лица, неизбежно включающие элемент представительства, не могут служить основанием возникновения данной категории обязательств в отношении социалистической собственности.

Вследствие особого значения социалистической собственности, важности в данном случае момента сознательности, того, что само по себе стремление спасти социалистическую собственность должно всячески поощряться, что это имеет воспитательное воздействие на массы, ущерб, понесенный при спасении социалистической собственности должен быть возмещен независимо от успешности действий и от конечного результата. Проф. Ландкоф пишет: «Право требования должно, по нашему мнению, принадлежать потерпевшему независимо от положительных материальных результатов и эффективности его действий».

Юридические отношения возникают по данному обязательству между социалистической организацией и лицом, предотвращавшим вред. Не имеет значения, присутствовал или не присутствовал представитель данной организации, призывал ли он на помощь или нет. Обязательство не должно возникать, если лицо, предотвращающее вред, действует в силу возложенных на него служебных обязанностей или определенного общественного поручения. Деятельность должна быть добровольной.

Лицо, предотвращающее вред, ответственно за умысел и грубую неосторожность. Оно не должно получить возмещение, если преследовало свои корыстные цели, а также если действовало, спасая свое личное имущество или жизнь.

Благодаря системе социального страхования потерпевшее ущерб лицо получит определенное возмещение в виде пособия по временной нетрудоспособности, пенсии по инвалидности и т. п. Поэтому лицам застрахованным возмещение ущерба должно производиться с учетом получаемой пенсии или пособия. Возмещение может выплачиваться единовременно или в виде регулярных выплат самому потерпевшему или его семье, если он погиб при спасении. Размер возмещения должен определяться размером ущерба и целесообразностью действий потерпевшего при данных обстоятельствах. Риск целесообразности действий лежит на лице, которое действует. Если лицо изберет менее удачный способ действий и из-за этого потерпит больший ущерб, риск ответственности за неразумные действия лежит на этом лице. Это обстоятельство будет уменьшать размер возмещения, которое в таких случаях будет

произ-
ства

Т
угрож
Е

щего
то во
отвра

С
литика
никну

вого,
в духе
помочи

советс
ных, с
пресле

Со
капита
челове

дей. Ч
отврат
дебнос

Со
жизни
кто-ни

сенного
что гр
добрал

получи
нии. Н
с одно

спасени
попал,
питыва

ских ли
быть и
чило б

наших
Да

дательс
тельнос
менены

ные де
либо де
Ни оди

объекте
же о п
рода да

Ста
правила
или уве

мой на
осуждае
ему пом

произведено не в полном размере. Правда, выяснение этого обстоятельства доставит определенные трудности суду.

Таков краткий анализ обязательства из предотвращения вреда, угрожающего социалистической собственности.

Если вопрос об обязательстве из предотвращения вреда, угрожающего социалистической собственности, в некоторой степени освещался, то вопрос о необходимости возмещения ущерба, понесенного при предотвращении вреда, угрожающего личности, почти не подымался.

Самым ценным капиталом в нашей стране являются люди. Вся политика Советского правительства, все советское законодательство проникнуты заботой о человеке. Партия и Правительство требуют заботливого, чуткого отношения к человеку. Советский человек воспитывается в духе товарищеской взаимопомощи, он считает для себя обязанностью помочь другому в беде. Известно большое количество случаев, когда советские люди под огнем спасали раненых, выхаживали тяжело больных, спасали из лап дикого зверя, в дни временной оккупации прятали преследуемых фашистами советских людей и т. д.

Совершенно иное положение в капиталистическом обществе. Для капиталиста жизнь и здоровье трудящегося человека — ничто. Спасение человека — предмет торговли и спекуляции. Капитализм уродует людей. Частнособственнический мир порождает и культивирует среди них отвратительные черты: индивидуализм, своекорыстие, равнодушие, враждебность друг к другу.

Советский человек самоотверженно идет на жертвы ради спасения жизни или здоровья другого советского человека. И поэтому едва ли кто-нибудь будет отрицать необходимость возмещения ему ущерба, понесенного при спасении. Едва ли кому-нибудь вздумается доказывать, что гражданин, который добровольно, быть может, рискуя жизнью, подобрал больного человека, ухаживал за ним, выходил его, не должен получить возмещения тех затрат, которые он произвел при уходе и лечении. Несомненно, он должен получить возмещение этих затрат, так как с одной стороны, данный гражданин тратил свои личные средства для спасения другого лица в связи с тем тяжелым положением, в которое тот попал, а с другой стороны, — это возмещение явится определенным воспитывающим стимулом. Советское право должно воспитывать в советских людях чувство взаимной поддержки и дружбы. Конечно, не может быть и речи о вознаграждении за спасение, за труд, — это противоречило бы всем моральным устоям нашего общества, всем принципам наших людей.

Данное обязательство также не регламентировано в нашем законодательстве. Институт неосновательного обогащения и институт деятельности в чужом интересе без поручения не могут быть применены в данном случае, так как они предполагают определенные действия в отношении имущества, но никак не касаются каких-либо действий, направленных на физическое лицо непосредственно. Ни один из известных нам авторов не упоминает о человеке, как об объекте действия без поручения. Едва ли можно серьезно говорить также о применении обязательства из неосновательного обогащения. Природа данного обязательства совсем иная.

Статья 130 Конституции СССР обязывает граждан СССР уважать правила социалистического общежития. Спасение человека от смерти или увечья является обязанностью каждого гражданина, накладываемой на него правилами социалистического общежития. Наш народ осуждает тех людей, которые оставляют в беде другого, не оказывая ему помощи. В наше время равнодушие к человеку, попавшему в беду,

перестало быть просто отрицательным качеством, незначительным недостатком. Сейчас, когда мы стоим на пороге коммунизма, равнодушные — такой же пережиток капитализма в сознании людей, как корыстолюбие или стяжание. Советские люди привыкли жить и трудиться в атмосфере товарищеского взаимопонимания, дружеской поддержки.

Фактами, порождающими обязательство, является предотвращение лицом вреда, угрожающего личности, и понесение им при этом ущерба имущественного или в здоровье. Сама природа этого обязательства указывает на то, что вред должен быть возмещен независимо от результатов предпринятых действий, иначе говоря, независимо от того, удалось или не удалось предотвратить вред. Так человек может утонуть прежде, чем подоспеет помощь, больной может умереть несмотря на принятые меры. Действия лица могут быть как фактическими, так и юридическими.

Для возникновения обязательства должна быть цель предотвращения вреда по отношению именно к данной личности. Право требования возникнет независимо от того, призывало ли на помощь лицо, находящееся под угрозой, или нет, желало ли оно помощи, или нет. Больше того, обязательство должно наступить даже и в том случае, если лицо, которому угрожает вред, сопротивляется спасению (душевнобольные, самоубийцы и т. п.).

Право требования не возникает, если лицо, предотвращая вред, угрожающий другому лицу, одновременно устраняет угрозу для своей жизни или здоровья.

Угроза наступления вреда должна быть реальной и притом такой, что лицо само не в состоянии с ней справиться. Для наступления обязательства отношения требуется, чтобы лицо производило действие добровольно, а не в силу служебных обязанностей (например, пожарные, работники службы спасания на водах и т. п.).

Размер возмещения в данном случае должен зависеть от размера ущерба, целесообразности предпринятых действий и имущественного положения обеих сторон. Необходимость учета имущественного положения вытекает из духа нашего законодательства (ст. ст. 406, 411, 415, 219 ГК РСФСР). В результате понесения ущерба здоровью и имущественное положение лица, которому угрожал вред, могут настолько ухудшиться, что взыскание с него возмещения в пользу спасавшего его лица, достаточно обеспеченного, может оказаться явно неразумным. Это еще более наглядно в том случае, если лицо, которому угрожал вред, гибнет, несмотря на действия спасавшего его лица, и семья, допустим, остается без кормильца. В подобных случаях суд, признав право действовавшего лица на возмещение ущерба, может освободить ответчика от уплаты возмещения полностью или частично.

Вопрос о действиях, направленных на предотвращение вреда, угрожающего личной собственности граждан, уже в определенной степени разработан в советской цивилистической литературе. Но авторы, высказавшиеся по этому поводу¹, не смогли отрешиться от влияния традиции и благородные действия советских людей втискивали в рамки буржуазного института деятельности в чужом интересе без поручения.

Термин «чужой интерес», рожденный в обществе, где люди разделены частной собственностью, нельзя переносить в наше право, регулирующее отношения дружбы и взаимопомощи. Необходимо резко под-

¹ См., например, Рясенцев, Ведение чужого дела без поручения, «Ученые записки МГУ» 1946 г., вып. 116; см. также Шкундин, Советское гражданское право, учебник для юридических школ, 1951.

черкнуть
ния вред
без пору

Бур
отыскать
ствуя до
знать се

Лени
в буржу
принцип
ты работ
ты раб.

зать, с
тие — ли
служащи
заботитс
(Соч., т.

Сов
людей в
сотрудни
плуатац

Сов
которое
ственнос

При
именова
тем бол
из пред
ется гор
в чужом
бя деяте
стихийн
ние иму
ния иму

В.
циально
состав,
и рассл
«ведени
ние «ч
как, —
листочк
родстве

Вес
имушес
в смыс
ства.)
возникн
внимо
ко след
ствует
должно
волю, н
сам хоз
дима; 3

черкнуть совершенно иную природу советского института предотвращения вреда (от буржуазного института деятельности в чужом интересе без поручения).

Буржуазные юристы долгое время мудрствовали над тем, чтобы отыскать побуждения, из которых исходит человек их общества, действуя добровольно в интересе другого, однако вынуждены были признать себя бессильными решить этот вопрос.

Ленин дал прекрасную характеристику взаимоотношений людей в буржуазном обществе: «Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет». (Соч., т. 31, стр. 269).

Совершенно иначе воспитывается советский человек. Отношения людей в социалистическом обществе — это «...отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников». (История ВКП(б) краткий курс, стр. 122).

Советское гражданское право обязано защитить интересы лица, которое понесло ущерб, предотвращая вред, угрожавший личной собственности гражданина.

Природа выдвигаемого обязательства не позволяет называть его наименованием, заимствованным из лексикона буржуазного права. Это тем более ясно, что фактический состав обязательства, возникающего из предотвращения вреда, угрожающего личной собственности, понимается гораздо шире и многограннее, чем обязательство из деятельности в чужом интересе без поручения. Предотвращение вреда включает в себя деятельность самого различного характера: спасение имущества при стихийном бедствии, сбережение имущества от разграбления, сохранение имущества, совершение юридических действий с целью сохранения имущества и т. д.

В. Рясенцев и И. Новицкий, в основном верно определяя социальную природу рассматриваемого обязательства и его фактический состав, все-таки употребляют старую терминологию буржуазного права и рассматривают фактический состав этого обязательства с позиций «ведения чужих дел без поручения», перенося центр тяжести на ведение «чужих» дел, на «отсутствие поручения» и т. д. «Тогда как, — указывает проф. Ландкоф, — по существу, центр тяжести социалистического института — в советском патриотизме, в советском благородстве и в конституционных обязанностях советского человека».

Весьма интересен вопрос о присутствии или отсутствии хозяина имущества при предотвращении вреда. (Термин «хозяин» употребляется в смысле собственника или иного законного владельца имущества.) Общий ответ может быть только один: обязательство должно возникнуть независимо от присутствия или отсутствия хозяина и независимо от того, участвует ли сам хозяин в предотвращении вреда. Однако следует различать несколько возможных случаев: 1) хозяин отсутствует или не может выразить свою волю, — обязательство возмещения должно возникнуть; 2) хозяин присутствует и может выразить свою волю, но ее не выражает, — обязательство возникает в том случае, если сам хозяин не в состоянии справиться с угрозой, т. е. помощь необходима; 3) хозяин присутствует и запрещает другому лицу действовать, —

обязательство не возникает, так как хозяин имущества вправе запретить вмешательство других лиц в его имущественную сферу.

Исходя из духа и природы института личной собственности и руководствуясь принципом ст. 1 ГК РСФСР, следует указать, что если имущество, которое подвергается опасности, является особо ценным и имеет определенное общественное значение (строение, скот и т. п.), то обязательство по возмещению ущерба возникает независимо от запрещения хозяина при условии совершения лицом действий по предотвращению вреда.

Гражданин может распоряжаться объектами своей личной собственности, но, поскольку в сохранении этих объектов заинтересовано все общество, постольку гражданин обязан сохранить их.

Размер возмещения должен зависеть от следующих факторов — размера ущерба, целесообразности действий, имущественного положения сторон.

Таким образом, следует прийти к выводу, что обязательства из предотвращения вреда могут возникнуть не только при спасении социалистической собственности, но и при спасении человека и личной собственности. Иначе говоря, в советском гражданском праве появилось новое основание возникновения обязательств: действия по предотвращению вреда. Обязательство это должно войти в систему других внедоговорных обязательств советского гражданского права. Оно будет способствовать осуществлению цели окончательного изживания капиталистических пережитков в сознании людей, укреплению товарищеского сотрудничества советских людей и усилению охраны социалистической собственности.

Представляется более удобным объединить в одном правовом институте обязательства из предотвращения вреда как в отношении социалистической собственности, так и в отношении личности и личной собственности, несмотря на некоторое различие в фактическом составе этих обязательств. Следует учесть одни и те же социалистические корни благородных действий советских граждан независимо от того, на какой объект они направлены. А различие в фактическом составе и способах возмещения следует предусмотреть в отдельных статьях закона.

Исходя из изложенного, следовало бы выделить в будущем Гражданском Кодексе СССР раздел под названием: «Обязательства, возникающие из действий по предотвращению вреда», и поместить в главе раздела статью общего характера следующего содержания: «Лицо, потерпевшее ущерб или понесшее расходы, предотвращая вред, угрожающий социалистической собственности, личной собственности или личности, имеет право на возмещение понесенного им при этом ущерба и расходов». Затем следовали бы статьи, уточняющие элементы фактического состава данного обязательства.

Здесь не вносятся предложения по содержанию этих статей, так как данная работа не преследует цели полного анализа всех элементов фактического состава предлагаемого обязательства.

С
на их
тизы,
ется с
либо
РСФС
дит те
терски
при т
щее,
знани
разъя
нии ф
Т
судеб.
излия
не бу
чения
ное в
точеч
ются
тела.
о при
З
позна
быть
только
ний, с
с кот
врач
о хар
ности
вой р
Эти и
лежат
ствую
специ
стрел
допро
Е
зует д
галте
ные, с
полне
суд С
чении

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ЗАДАЧ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА

Проф. М. Чельцов

Судебный процесс, закон, наша судебная практика и выработанная на их основе процессуальная теория точно определяют сущность экспертизы, роль эксперта и содержание его заключения. Эксперт приглашается следователем и судом в тех случаях, когда для решения каких-либо вопросов дела необходимы специальные познания (ст. 63 УПК РСФСР). Именно на основе этих специальных знаний эксперт производит то или иное исследование, которое называется экспертизой (бухгалтерской, химической, криминалистической, медицинской). Полученные при таком исследовании факты эксперт подводит под определенное общее, так называемое опытное положение, установленное в той отрасли знания, представителем которой является эксперт. Таким образом он разъясняет следователю и суду значение обнаруженных при исследовании фактов.

Так, производя вскрытие трупа для определения причины смерти, судебный медик обнаруживает на слизистой желудка точечные кровоизлияния. Он отмечает этот факт в протоколе вскрытия. Но следователь, не будучи специалистом в судебной медицине, не уяснит себе его значения до тех пор, пока эксперт не подведет этот факт под установленное в судебной медицине опытное положение, согласно которому эти точечные кровоизлияния, так называемые «пятна Вишневого», являются постоянным признаком при наступлении смерти от охлаждения тела. Со ссылкой на это опытное положение эксперт дает заключение о причине смерти.

Заключение эксперта должно основываться именно на специальных познаниях эксперта. Этим определяется круг вопросов, которые могут быть решены с помощью эксперта. Судебный медик может решать только медицинские вопросы, например, о тяжести телесных повреждений, о характере оружия, которым причинено ранение, о расстоянии, с которого произведен выстрел. Но никоим образом не может судебный врач давать заключение о том, кто именно совершил преступление, о характере вины обвиняемого, т. е. об умышленности или неосторожности преступного действия, или о том, является ли потерпевший жертвой разбойного нападения или налицо имеется симуляция нападения. Эти и им подобные вопросы являются вопросами юридическими и подлежат поэтому решению следователя и суда. Материалами для соответствующего решения будут служить не только заключение эксперта по специальному вопросу (о направлении удара, дальности расстояния выстрела и пр.), но и ряд фактических данных, получаемых при помощи допроса обвиняемого и свидетелей, осмотра документов и т. д.

Если же эксперт — судебный медик, бухгалтер, инженер — использует для своего вывода, кроме фактов чисто медицинского, чисто бухгалтерского или чисто технического характера, иные фактические данные, он выходит за пределы своей компетенции, принимая на себя выполнение функций следователя. Во всех подобных случаях Верховный суд СССР отменяет приговор, основанный на таком порочном заключении эксперта,

В одном из недавних определений Верховного суда СССР мы читаем: «Бухгалтерская и техническая экспертизы проведены с грубым нарушением закона... По содержанию своего заключения экспертиза вышла далеко за пределы своих функций и прав, присвоив себе функции следственных органов. Так, эксперты, производившие техническую экспертизу, указали в своем заключении: «На основании вышеизложенных рассуждений экспертиза приходит к выводу, что железо, потребное на эти изделия, нелегально приобретено Садовым у сотрудников порта путем махинаций... Таким образом, факт расхищения государственных средств путем махинаций со строительными материалами экспертиза считает доказанным... Вникая глубже в суть дела, чтобы выявить степень соучастия каждого из них, а также стоимость расхищенных материалов, уясняем из той же таблицы нижеследующее...» Бухгалтерская экспертиза в своем заключении записала: «Попов, пользуясь своим служебным положением..., в целях личной наживы организовал группу расхитителей, ставившую своей целью присвоение значительных сумм государственных средств, втянув в это дело... инженера Садова и Кротова» (определение Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР 11 октября 1950 г. по делу Попова и др.).

Советские следователи и судьи вправе рассчитывать на то, что специалисты в области судебной медицины, привлекаемые в качестве экспертов для содействия советскому правосудию, хорошо знают пределы своих процессуальных полномочий.

Большинство советских экспертов различных специальностей правильно понимает свои обязанности и пределы компетенции и, давая обоснованные данными своей специальности заключения, помогает органам советского правосудия в решении его задач.

Однако, к сожалению, в течение десятилетий среди группы специалистов по судебной медицине упорно культивируются неправильные взгляды на задачи судебных медиков, приглашаемых к производству экспертизы и на их взаимоотношения с органами суда и следствия. Это — так называемая школа заслуженного деятеля науки, профессора М. И. Райского.

Представители этой школы утверждают, что эксперт — судебный медик не может ограничиваться в своем заключении решением чисто медицинских вопросов, а должен делать выводы в отношении ряда чисто юридических вопросов.

Наиболее подробно в последнее время обосновал этот взгляд проф. Ю. С. Сапожников: «Кто же может наилучшим образом разобраться в происшедшем в тех случаях, когда объектом преступления является человек? Конечно — врач-эксперт... Врач-эксперт скорее всех и лучше всех сможет, в конечном итоге, определить, имело ли здесь место убийство, самоубийство или несчастный случай»¹.

В советской процессуальной и криминалистической литературе за последние годы не один раз подвергались критике эти неправильные взгляды судебных медиков.

Так проф. Винберг подверг критическому разбору статью проф. Червакова, в которой утверждалась обязанность эксперта — судебного медика давать заключение по вопросам о виновности лиц, заподозренных в совершении самоповреждений².

¹ Ю. С. Сапожников, О правовом положении эксперта. Научные записки Киевского университета (Юридический сборник), 1948, стр. 142.

² А. Винберг, Основные принципы советской криминалистической экспертизы, Госюриздат, 1949, стр. 61.

До
Ю. С.
Дс
М. Рай
всего г
циальн
экспер
шую в
ская э
рой по
заключ
В
ская э
цессуа
вием г
та Ми
являет
мощь
ственн
М
книги.
ного и
ственн
судебн
предст
П
возлож
«С
ставит
ц и а л
своими
И дал
ранти
дение
ствию
Со
речисл
гражд
на их
А
ным м
дан во
П
занием
ствию
не ме
жения
перела
1
цессе, 1
2
советск
3
Государ
тиза об

Доцент Рахунов показал ошибочность аналогичных взглядов Ю. С. Сапожникова¹.

Доцент Никифоров основательно раскритиковал взгляд проф. М. Райского, что переход от медицинских данных к правовой трактовке всего происшествия, или, короче, — переход от биологического к социальному — и есть то, что составляет сущность судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, В. М. Никифоров подробно разбирает вышедшую в 1946 г. в Киеве книгу проф. А. М. Гамбург «Судебно-медицинская экспертиза саморанений» (краткое пособие для врачей), в которой последовательно проводится взгляд проф. Райского на сущность заключения судебно-медицинского эксперта².

В 1948 г. вышла новая работа того же автора «Судебно-медицинская экспертиза обвиняемого», до сих пор не отмеченная в нашей процессуальной литературе³. Эта книга снабжена хвалебным предисловием проф. Ю. С. Сапожникова, главного судебно-медицинского эксперта Министерства здравоохранения Украинской ССР: «Настоящий труд является руководством для врачей-экспертов и окажет действительную помощь криминалистам при производстве сложных и весьма ответственных экспертиз».

Мы не будем здесь касаться чисто медицинской стороны этой книги. Книга интересует нас только как пример наиболее бесцеремонного и далеко идущего вторжения судебного медика в область следственной работы и попыток обосновать столь широкое понимание задач судебно-медицинского эксперта, до которого не доходил еще ни один представитель судебной медицины.

Посмотрим, прежде всего, какие задачи, по мнению проф. Гамбург, возложены на экспертов — судебных медиков?

«Советский суд перед нами, судебно-медицинскими экспертами, ставит почетную и ответственную задачу: стоять на страже социалистической законности (?), быть бдительными и всеми своими знаниями помогать расследованию преступлений» (стр. 10). И дальше: «...обязанностью эксперта перед трудящимися является гарантирование их от неосновательного обвинения и в то же время ограждение общества от социально-опасных элементов путем помощи следствию в деле выявления преступников» (стр. 18).

Советские юристы, да и все советские граждане считают, что перечисленные здесь задачи — охрана социалистической законности и прав граждан — являются задачами органов прокуратуры, уполномоченных на их выполнение Сталинской Конституцией.

А вот проф. Гамбург внушает своим слушателям, молодым судебным медикам, что охрана социалистической законности и прав граждан возложена советским судом на судебно-медицинских экспертов.

Правда, последняя из приведенных фраз автора заканчивается указанием, что эти задачи выполняются экспертами «путем помощи следствию в деле выявления преступников». Однако это добавление ничего не меняет в утверждениях автора, так как из всего дальнейшего изложения видно, что проф. Гамбург именно на судебных медиков-экспертов перелагает основные функции следственных органов.

¹ Р. Д. Рахунов, Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1950, стр. 18—19.

² В. М. Никифоров, О пределах компетенции эксперта (сборник «Вопросы советской криминалистики» М., 1951, стр. 14—25).

³ А. М. Гамбург (заведующий кафедрой судебной медицины Киевского Государственного института усовершенствования врачей), Судебно-медицинская экспертиза обвиняемого, Госмедиздат, Киев, 1948.

Чего стоит хотя бы такая фраза, в которой автор провозглашает необходимость взаимопонимания между судебными медиками и следователями. «Если судебно-медицинский эксперт должен быть сведущим в криминалистике, то не менее важно знакомство следственного работника с судебно-медицинскими вопросами и, в частности, с вопросами, касающимися обнаружения преступника» (стр. 12).

Здесь прямо провозглашается, что обнаружение преступников, которое советские юристы до сих пор считали функцией прокурорско-следственных органов, относится к вопросу судебной медицины.

На протяжении всей книги проф. Гамбург неоднократно подтверждает этот тезис. Для иллюстрации приведем несколько конкретных высказываний. «Одним из необходимых звеньев экспертизы преступника-членовредителя или симулянта служит его поведение в период госпитализации. Проследить за этим поведением, дать ему правильную судебно-медицинскую и криминалистическую оценку... могут только специалисты, обладающие достаточным опытом и знаниями в соответствующей области» (стр. 17). Проф. Гамбург обрывает свое положение на самом интересном месте.

Невольно возникает вопрос, на основании каких полномочий судебный медик будет производить указываемые им криминалистические, а в сущности, психологические наблюдения и какими документами он будет их оформлять?

Кстати, проф. Гамбург и проф. Сапожников вводят своеобразную терминологию: следователя они называют «криминалистом», криминалистическая оценка у них обозначает следственную оценку.

Для проф. Гамбург бесспорным является то, что вопрос об умысле должен быть решен экспертом — судебным медиком. «... для решения вопроса об умышленном самоповреждении необходимо сопоставить показания свидетельствуемого с механизмом имеющихся ранений, предложить ему восстановить положение руки в момент ранения и указать направление удара...» (стр. 88).

«Следует обязательно, если это возможно, исследовать и место происшествия, чтобы сопоставить точно показания свидетельствуемого и данные исследования» (стр. 90).

В книге проф. Гамбург приведен ряд дел, по которым судебно-медицинские эксперты давали заключения. Как правило основанием для выводов эксперта явились не только факты судебно-медицинского порядка, но и другие обстоятельства дела, устанавливаемые путем осмотра, следственного эксперимента, допроса и иных следственных действий. И выводы, к которым приходила проф. Гамбург или цитируемые ею авторы, как правило, относились к чисто юридическим вопросам, к наличию убийства или самоубийства, к наличию или отсутствию умысла при саморанениях и т. д.

Из своей практики автор приводит случай саморанения в левую руку, которое потерпевший объяснил выстрелом, происшедшим случайно при ударе винтовки об утоптаный снег. Проф. Гамбург описывает далее результаты экспериментов, проведенных для проверки возможности спуска курка при падении винтовки, а также данные осмотра места происшествия. «Все данные позволили сделать вывод об умышленном членовредительстве» (стр. 117).

Очевидно, что вывод этот должен был сделать на основании результата ряда следственных действий только следователь, но отнюдь не судебный медик.

В
тылочно
куда о
вели э
зультат

Ме
Гамбург
носит ч
самора
ных, та
ленност
и возм
менени
ственны
как под

Пр
процесс
медици
тив тог
и реш
знать, —
кают е
человек
следова
нять бу
за доля
она не
всегда

Пр
что име
тельств,
тет про
лозунг
товке в
циально
эксперти

Пр
уклонно
эксперти
специал
техник
квалифи
рактор,
нием в

Нел
бург. До
чивалис
Проф. Г
жению
и истори
обнаруж
лениниз

Ци
ловном

В другом случае говорится: «Наличие огнестрельного ранения затылочной доли головного мозга, нахождение револьвера под подушкой, куда он не мог быть положен самоубийцей после такого ранения, привели эксперта к заключению, что смерть мужчины последовала в результате убийства» (стр. 112).

Можно было бы увеличить число примеров, взятых из книги проф. Гамбург, но мы ограничимся лишь тем общим выводом, который преподносит читателям проф. Гамбург в конце своей работы. «При экспертизе саморанений задачей эксперта и является, исходя из медицинских данных, там, где это, конечно, возможно, установить или исключить умысленность саморанения». «Экспертиза эта исключительно ответственна и возможна лишь при условии тщательного изучения всего дела и применения всех научных методов исследования. Обстоятельства дела, следственный эксперимент и свидетельские показания используются при этом как подтверждение медицинских данных» (стр. 180).

Проф. Гамбург, как она сама об этом пишет, знает, что и советские процессуалисты и такой крупнейший представитель советской судебной медицины, как проф. М. И. Авдеев, категорически высказываются против того, чтобы в заключении судебно-медицинских экспертов ставились и решались юридические вопросы (стр. 170). «Врачу необходимо знать, — говорит проф. Авдеев, — что органы военной юстиции привлекают его в процессе расследования только потому, что он врач, т. е. человек, обладающий специальными знаниями, которыми не обладают следователь, прокурор, судья. Расследование ведет следователь, обвинять будет прокурор, решать вопрос о виновности будет суд. Экспертиза должна быть обоснованной, строго научной и объективной, иначе она не нужна суду. Эти элементарные истины, к сожалению, не всегда известны не только врачам, но и юристам»¹.

Проф. Гамбург знает эту истину, но не признает ее. Она считает, что именно эксперт должен производить расследование всех обстоятельств, относящихся к телесному повреждению. Опираясь на авторитет проф. Сапожникова и проф. Райского, она вновь провозглашает лозунг последнего — «...переход от медицинских данных к правовой трактовке всего происшествия, или короче, переход от биологического к социальному, и есть то, что составляет сущность судебно-медицинской экспертизы» (стр. 180).

Проф. Гамбург не считает с тем, что Верховный суд СССР неуклонно проводит в своей разъяснительной практике то положение, что эксперты приглашаются для дачи заключения лишь по вопросам своей специальности и что всякая попытка эксперта, будь то судебный врач, техник или бухгалтер, взять на себя решение вопросов о виновности, квалификации преступления и других, имеющих чисто юридический характер, является превышением со стороны эксперта его прав и вторжением в компетенцию органов следствия, прокуратуры и суда.

Нельзя обойти молчанием еще одну особенность книги проф. Гамбург. До сих пор представители защищаемого ею направления ограничивались все-таки вопросами, связанными с проведением экспертизы. Проф. Гамбург сочла возможным предпослать непосредственному изложению предмета своей работы несколько общих положений о сущности и историческом развитии уголовного процесса, и в этих вопросах она обнаруживает полное незнание с основными положениями марксизма-ленинизма о государстве и праве.

¹ Цитировано по книге доц. В. М. Никифорова, «Экспертиза в советском уголовном процессе», стр. 110.

Как известно из классических трудов Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», И. В. Сталина «Об историческом и диалектическом материализме», только с распадом первобытно-общинного строя появилось государство и его органы, в частности, суд, осуществляющий государственное принуждение.

Проф. Гамбург ревизует это положение и утверждает совсем другое.

«До образования государства уголовный процесс носил в себе зачатки позднее развившегося обвинительного процесса, возмездие за преступление носило частный характер, и потерпевшему предоставлялось право самому наказать обидчика. Позднее при возникновении государства преступление уже стало наказуемым. Однако и здесь применялась месть, с той лишь разницей, что она являлась не правом, а обязанностью, лежащей на обиженном и всем его роде» (стр. 8).

Таким образом, у проф. Гамбург право появляется еще до образования государства, т. е. в общинно-родовом строе, что противоречит основным положениям исторического материализма.

Дальнейшее изложение истории процесса у проф. Гамбург представляет собой беспорядочное смешение цитат из работ академика Вышинского и буржуазного профессора Случевского, у которого тщетно обнаружить хотя бы намек на классовую природу суда и процесса и зависимость их форм от исторических типов государства.

Приходится удивляться тому, что высококвалифицированные представители судебной медицины, тесно связанные в своей практической работе с органами суда и следствия, до такой степени беспечны к основным вопросам теории советского государства и права, в частности, к теории уголовного процесса. Приходится удивляться, как издательство печатает мнимо-научные высказывания проф. Гамбург, представляющие открытую ревизию положений исторического материализма, знание которых обязательно для студентов первого курса всех советских вузов.

Очевидно, проф. Гамбург забыла указание товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) о том, что «...есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,— это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма».

В текущем году исполняется тридцать лет со дня издания первого уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который положил конец претензиям судебных медиков быть «научными судьями фактов» и контролю действия следователя и суда в области экспертизы.

Мы думаем, что пора покончить с довольно живучей среди профессоров судебной медицины тенденцией приписывать экспертам — судебным медикам несвойственные им функции следователя, идя при этом вразрез с процессуальным законом и практикой Верховного суда СССР.

ПРИ

В
читель
листик
теории
чев пи
ты, он
сейчас
цент
време
ло по
С.
стов с
шом д
ботни
низма
обобш
лей п
Научн
зом к
экспер
следст
теории
минал
сы кр
прихо
надум
ски п
лекти
но сп
Т
росов
следс
раскр
в это
качес
Проку
Г
строт
следс
метод

1
ность»
2
закон
3
началь

ПРЕОДОЛЕТЬ ОТСТАВАНИЕ В РАЗРАБОТКЕ ВОПРОСОВ СОВЕТСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Кандидат юридических наук В. Колмаков

В советской юридической литературе неоднократно отмечалось значительное отставание в разработке важных вопросов советской криминалистики. Прежде всего, это отставание относится к общим вопросам теории советской криминалистики. Кандидат юридических наук С. Митричев писал, что криминалисты слабо обобщают опыт следственной работы, они недостаточно разрабатывают актуальные проблемы, стоящие сейчас перед следственно-прокурорскими и судебными органами¹. Доцент П. Тарасов-Родионов правильно указывал, что до недавнего времени криминалистика была оторвана от следственной практики, мало помогала повышению качества следствия².

Следует признать, что эти упреки по адресу советских криминалистов совершенно справедливы: советская наука криминалистики в большом долгу перед нашими судебными и прокурорско-следственными работниками, выполняющими важные задачи в борьбе за победу коммунизма в нашей стране. В научных работах по криминалистике еще слабо обобщается богатый опыт деятельности передовых советских следователей по искоренению и особенно по предупреждению преступлений. Научные работы монографического характера относятся главным образом к вопросам техники, в частности, к технике криминалистических экспертиз. Между тем вопросы общей методики следствия, тактики следствия, методики расследования отдельных видов преступлений, теории и практики экспертизы освещаются недостаточно. Когда же криминалисты пытались разрабатывать теоретические и тактические вопросы криминалистики, они допускали серьезные ошибки. В связи с этим приходится напомнить, что сам автор настоящей статьи допустил ряд надуманных построений в вопросе о методе криминалистики, механически перенес и неправильно истолковал применение марксистского диалектического метода к криминалистике, за что был подвергнут резкой, но справедливой критике в «Социалистической законности».

Теоретическая путаница и иные недостатки в решении важных вопросов советской криминалистики крайне отрицательно отражаются на следственной практике, на практическом применении научных методов раскрытия и предупреждения преступлений. С нашей точки зрения, в этом нужно искать причину того, что у нас еще имеет место низкое качество следствия по отдельным делам, как это отметил Генеральный Прокурор СССР Г. Сафонов³.

Повышение качества следственной работы, ее эффективности, быстроты и наступательности стоит в прямой зависимости от овладения следственно-прокурорскими и судебными работниками современными методическими и тактическими приемами и средствами, как разработан-

¹ С. Митричев, Задачи советской криминалистики, «Социалистическая законность» 1951 г., № 6, стр. 10.

² П. Тарасов-Родионов, Советская криминалистика, «Социалистическая законность» 1951 г., № 7, стр. 6.

³ Выступление Генерального Прокурора СССР Г. Н. Сафонова на совещании начальников отделов кадров (см. «Социалистическая законность» 1951 г., № 2).

ными советской криминалистической наукой, так и выработанными практикой, но теоретически еще не обобщенными.

Научная разработка проблем советской криминалистики должна исходить прежде всего из требований следственно-прокурорской и судебной практики. Приемы советской криминалистики должны обеспечить в первую очередь высокое качество следственной работы — этого важнейшего участка борьбы по искоренению преступности. Это значит, что разрабатываемые новые приемы и методы советской криминалистики должны быть практически необходимыми в деятельности следствия и суда, а не голыми абстракциями, лишенными жизненного содержания. Для этого необходимо сосредоточить внимание и усилия советских криминалистов на разработке таких проблем, которые в настоящий момент являются решающими в деле улучшения качества предварительного и судебного следствия. Не всегда это требование соблюдается.

Как можно, например, говорить о практической необходимости темы, над которой работал кандидат юридических наук Н. Зюскин и которую он доложил на конференции по судебному почерковедению? Работа его называется: «Криминалистическое исследование стенографических текстов»¹. Опыт следственной, судебной и экспертной работы показывает, что ни одного случая криминалистического исследования стенографической записи в практике не было и, видимо, не будет. Чего же ради тратил время на эту тему криминалист Н. Зюскин? На этой же конференции была доложена работа т. Яблокова: «Изменения признаков почерка при письме шариковой ручкой». Если считать, что признаки почерка изменяются в зависимости от пишущего инструмента, на чем же тогда основывается отождествление личности по почерку? Изменения, конечно, имеются, но не в признаках почерка, а в толщине и окраске штрихов. Что же дает следственной практике работа т. Яблокова? С нашей точки зрения ее значение ничтожно.

Общеизвестно, что экспертиза документов по делам о хищениях государственного и общественного имущества имеет сейчас исключительно важное значение. Между тем этому вопросу на конференции был посвящен всего один доклад доц. Б. Шевченко — об исследовании подписей, являющихся самым распространенным объектом графической экспертизы. На конференции не было ни одного вопроса, посвященного предупреждению подделки документов по делам о хищениях. Такие же недостатки имели место и на научных конференциях Харьковского и Киевского научно-исследовательских институтов судебной экспертизы. Приемы криминалистической профилактики еще не привлекли внимания криминалистов. Разрабатываемые советской криминалистикой приемы следует подчинить определенным требованиям, направляющим развитие этой науки во всех ее частях.

Первым требованием, которому должны быть подчинены разрабатываемые приемы и методы криминалистики, является их практическая необходимость.

Для осуществления этого требования прежде всего необходимо покончить с бессистемностью планирования тематики научных работ по криминалистике. Планирование научных работ осуществляется нередко в отрыве от задач следствия. Каждое ведомство исходит из своих интересов. Криминалистические учреждения Министерства юстиции СССР — институты и лаборатории — планируют тематику, исходя из узкотехнических интересов криминалистической экспертизы. Министерство юсти-

¹ См. «Научная конференция по советскому почерковедению», Тезисы Докладов, М., 1951, стр. 15.

ции СССР вопросам в юридическом, утверждающего, так мер, в качестве «ставка». управления меди свою узкую

С на наблюдае мета кри в котором та, которе этих опре прокурорс и методов бе научнь ских и су.

Всесо Прокурату который н ие важн статьи ещ методичес рый бы об разработку всех юрид

На на институту вание науч ми опреде практики.

Прием нию тольк отврати могут отве ответственн их, основ имеют про норм, ими

Рассм: права (А. рущую сво мы и мето, варительно рабатываем объективно этим углом в криминал не все из следствия, отвергнуты

¹ См. «К

нии СССР исключает из планов этих учреждений темы, посвященные вопросам тактики и методики следствия. Криминалисты, работающие в юридических институтах, избирают темы из примерного перечня, утвержденного Министерством высшего образования СССР и содержащего, так сказать, избитые темы, мало связанные с практикой. Например, в качестве темы кандидатской диссертации рекомендуется «Очная ставка». Планы научной работы Института криминалистики Главного управления милиции, криминалистических отделений институтов судебной медицины и судебно-медицинских лабораторий предусматривают свою узкую тематику.

С нашей точки зрения этим же объясняется то разноречие, которое наблюдается среди криминалистов и по вопросу об определении предмета криминалистики. Криминалисты, в зависимости от ведомства, в котором они сотрудничают, стремятся дать такое определение предмета, которое больше соответствует профилю их работы. Притом из всех этих определений выпадает главное — деятельность следственно-прокурорских и судебных органов по применению научных приемов и методов расследования и предупреждения преступлений. Сами по себе научные приемы и методы вне деятельности следственно-прокурорских и судебных органов — голая абстракция.

Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР не стал еще тем объединяющим научным центром, который направлял бы всю научно-исследовательскую работу на решение важнейших проблем советской криминалистики. Автор настоящей статьи еще в 1941 году внес предложение о создании единого научно-методического центра криминалистики при Прокуратуре СССР, который бы обобщал достижения следственной практики, координировал разработку научных проблем криминалистики и преподавание ее во всех юридических учебных заведениях без различия ведомств¹.

На наш взгляд пора Всесоюзному научно-исследовательскому институту криминалистики Прокуратуры СССР взяться за координирование научной работы всех криминалистов страны, поставить перед ними определенные задачи, вытекающие из потребностей следственной практики.

Приемы советской криминалистики будут отвечать своему назначению только в том случае, если применение их будет обеспечивать неотвратимость раскрытия преступлений. Достижению этой задачи могут отвечать такие приемы советской криминалистики, которые соответствуют принципам советского уголовного процесса, вытекают из них, основываются на них. Приемы и методы советской криминалистики имеют процессуальную основу, находятся в границах процессуальных норм, ими определяются.

Рассматривая советскую криминалистику как отрасль судебного права (А. Я. Вышинский), следовательно, как науку юридическую, берущую свои истоки из уголовного процесса, следует сказать, что приемы и методы криминалистики вытекают из основных положений предварительного следствия в советском уголовном процессе. Поэтому разрабатываемые криминалистикой приемы должны отвечать требованиям объективности, всесторонности, полноты и быстроты следствия. Если под этим углом зрения рассмотреть некоторые приемы, рекомендованные в криминалистической литературе, то необходимо сделать вывод, что не все из них соответствуют основным положениям предварительного следствия, а некоторые даже противоречат им и потому должны быть отвергнуты.

¹ См. «Революционное право» 1941 г., № 6, стр. 21—22.

В качестве примера несоответствия приемов криминалистики требованиям объективности предварительного следствия можно назвать некоторые приемы фиксации следов на месте происшествия. Так, М. Богатырев рекомендует при расследовании автомобильных происшествий фиксировать следы автомашины посредством зарисовки на стекло с помощью «специального карандаша»¹. Такой же прием рекомендует М. Е. Евгеньев для фиксации поверхностных следов ног². Описание этого приема самими авторами показывает несостоятельность, неточность его. Зарисовка не передает и не может точно зафиксировать те мелкие индивидуальные детали, на которых главным образом, основывается идентификация. Такой прием, как зарисовка, целиком зависит от способностей к рисованию, — следовательно, он субъективен. Между тем соблюдение требований объективности предварительного следствия обеспечивается, в частности, применением таких точных приемов фиксации, которые отражают без искажений следы на месте происшествия. Советский следователь имеет в следственном чемодане такое совершенное средство фиксации, как фотоаппарат. Он может зафиксировать следы посредством изготовления гипсового слепка, достаточно точно передающего все детали следов. Зарисовка, рекомендуемая Богатыревым и Евгеньевым, является примитивным и устаревшим приемом, применение которого было рекомендовано около сорока лет назад Трегубовым, к тому же только «при отсутствии фотографического аппарата»³.

Характерно, что зарисовка была впервые рекомендована немецким криминалистом Кнорре. Для буржуазного криминалиста, заинтересованного в фальсификации доказательств, этот прием удобен, но рекомендовать зарисовку, этот несовершенный и неточный прием фиксации следов, в настоящее время, при высокой технической вооруженности советского следователя, совершенно недопустимо.

Приемы советской криминалистики должны также отвечать требованиям оперативности (быстроты) следствия. В этом отношении заслуживают полного одобрения такие приемы, которые являются точными и в то же время отличаются простотой, доступностью, не требуют большой затраты времени на их применение в практике. Однако в криминалистической литературе рекомендуются отдельные технические приемы, которые не отвечают требованиям оперативности следствия. Так, доц. М. А. Кравцов для фиксации следов колес автомашины рекомендовал делать гипсовый слепок, «равный окружности шины»⁴ автомобиля, то есть длиною до трех метров. При этом предлагалось разводить гипс в миске и ложкой заливать его в след. Можно себе представить, сколько потребуются сил, времени и гипса на изготовление такого слепка? Как можно сделать слепок длиною в три метра? Можно утверждать, что такой слепок технически невозможно изготовить, к тому же он и не нужен. Достаточно сделать слепки с тех участков следов, где имеются характерные детали.

В литературе встречаются высказывания о применении таких технических приемов, использование которых в практике повлечет за собой волокиту в расследовании и утрату важных вещественных доказательств.

¹ М. Богатырев, Вещественные доказательства по делам об автомобильных происшествиях, Сборник «Криминалистика и научно-судебная экспертиза», Киев, 1948, стр. 12.

² М. Евгеньев, Методика и техника расследования преступлений, Киев, 1940, стр. 79.

³ С. Трегубов, Основы уголовной техники, П., 1915, стр. 94.

⁴ М. Кравцов, Расследование аварий на автотранспорте, диссертация, 1947, стр. 116.

Изве
следствен
Однако с
что плани
в статье
ствиях»¹
ствий» по
происше
автомоби
просами,
4. Допро
расследов
действия
ся реком
безуспеш
чальным,
происше
пило сооб
истине М
сообщени
плана рас
ствительн
ство при
Кроме то
места про
или буду
ется и т.

Посл
няться за
чего прис
ложных с
прос нал
сомненно,
образом
вым, про
медлитель

Не о
дваемые п
товки и
в моногра
пертизы».
в отрыве

А. И
стической
весь мате
учрежден
к себе э
его научн
допросы
Нам

¹ Сбор

² С. М
законность»

³ А. Е
гизе, М., 19

3 Социалист

Известно, что планирование расследования призвано к тому, чтобы следственные действия выполнялись оперативно, целеустремленно. Однако отдельные криминалисты в этом отношении заходят так далеко, что планирование превращают в канцелярщину. Например, М. Богатырев в статье «К вопросу о расследовании дел об автомобильных происшествиях»¹ рекомендует такой «порядок проведения следственных действий» после получения следователем сообщения об автомобильном происшествии: «1. Составление плана расследования. 2. Выезд на место автомобильного происшествия. 3. Ознакомление со специальными вопросами, знание которых необходимо для дальнейшего расследования. 4. Допрос свидетелей» и т. д. Прежде всего нельзя составление плана расследования и изучение специальных знаний относить к следственным действиям. Однако, если оставить в стороне этот вопрос и придерживаться рекомендаций М. Богатырева, то расследование неизбежно окажется безуспешным. Каждый следователь и криминалист знает, что первоначальным, неотложным следственным действием является осмотр места происшествия, куда необходимо немедленно выехать, как только поступило сообщение об этом происшествии. Вопреки этой элементарной истине М. Г. Богатырев считает, что следователь должен, по получении сообщения о происшествии, засесть у себя в кабинете за составлением плана расследования происшествия, еще не зная, что произошло в действительности, какие имеются следы на месте и т. д. Такое сочинительство приведет к составлению никому не нужной абстрактной схемы. Кроме того, пока следователь будет выдумывать эту схему, обстановка места происшествия и следы на нем могут измениться, следы исчезнут или будут повреждены, преступник, располагая автотранспортом, скроется и т. д.

После осмотра, как пишет М. Богатырев, следователю нужно приступить за изучение специальных вопросов автомобильной техники, после чего приступить к допросу свидетелей. Известно, что одним из неотложных следственных действий по делам этой категории является допрос наличных свидетелей. Запоздание с допросом этих свидетелей, несомненно, отрицательно скажется на собирании доказательств. Таким образом тактические приемы расследования, изложенные М. Богатыревым, противоречат целям оперативного следствия и ведут к волоките, медлительности, по существу, — к провалу следствия.

Не отвечают также требованиям оперативности следствия рекомендации проф. А. Винбергом организационно-тактические приемы подготовки и назначения криминалистической экспертизы, изложенные им в монографии «Основные принципы советской криминалистической экспертизы». В печати уже отмечалось, что эта монография написана в отрыве от прокурорско-следственной и судебной практики².

А. И. Винберг рекомендует такой порядок назначения криминалистической экспертизы: «Следователь, назначив экспертизу, направляет весь материал в прокуратуру по месту нахождения криминалистического учреждения. Работники прокуратуры, получив этот материал, вызовут к себе эксперта из криминалистического учреждения, осведомятся об его научной подготовке, предупредят эксперта об его ответственности, допросят эксперта по получении его заключения»³.

Нам представляется, что не следует применять такие, в сущности,

¹ Сборник «Криминалистика и научно-судебная экспертиза», Киев, 1949, стр. 106.

² С. Митричев, Задачи советской науки криминалистики, «Социалистическая законность» 1951 г., № 6, стр. 10).

³ А. Винберг, Основные принципы в советской криминалистической экспертизе, М., 1949, стр. 77.

³ Социалистическая законность, №

канцелярские правила, поскольку применение их неминуемо повлечет за собой удлинение сроков расследования. Кроме того, такой порядок потребует для выполнения указанных действий создания специального аппарата в прокуратуре того города, где имеется криминалистическое учреждение. Ничего, кроме волокиты, это не принесет. Таким образом порядок, рекомендуемый А. Винбергом, противоречит требованиям оперативности следствия и должен быть отвергнут.

Одним из важнейших требований советской криминалистики является подлинная научность ее приемов и методов. Советской криминалистике чужды всякого рода приемы, не основанные на достижениях передовой советской науки, не проверенные экспериментальным и практическим путем. Буржуазная криминалистика является «наукой» о фальсификации доказательств, насыщена антинаучными и реакционными приемами следствия. Советская криминалистика решительно отбросила антинаучные измышления буржуазных криминалистов. Тем не менее в ряде случаев некоторые криминалисты рекомендуют такие приемы, которые научно несостоятельны и, значит, вредны для нашей следственной практики. Вот некоторые из них.

В литературе, посвященной экспертизе оружия и боеприпасов, неправильно именуемой «судебно-баллистической экспертизой», до последнего времени рекомендуется развертка оболочки пули по так называемому «методу Беру». Суть этого приема заключается в том, что коническая часть пули спиливается, стачивается ее доньшко, затем выплавляется ее сердечник, а оставшийся цилиндр — оболочка пули — разрезается по оси. После этого оболочка с помощью деревянного молотка выпрямляется в плоскость. Этот прием уничтожает пулю как вещественное доказательство, превращает ее в пластинку, при этом происходит деформация микроскопических следов от полей нарезов, ведущая к искажению картины следов.

Несостоятельность этого приема очевидна, однако А. Глассон¹ до недавнего времени рекомендовал такой порочный прием буржуазного криминалиста Беру. В советской экспертной практике оправдали себя такие приемы, как исследование пуль с помощью отечественного сравнительного микроскопа, прокатка пули по легкоплавкому металлу, изготовление отпечатков пули на окрашенных пленках.

В учебнике по криминалистике для юридических школ А. Винберг рекомендует несостоятельный и порочный «графический метод» исследования пули². Указанный метод заключается в том, что посредством иглы, приспособленной на специальном аппарате, ощупывается вся окружность пули, причем игла, углубляясь в царапины на пуле, регистрирует их в виде кривого графика. Порочность «графического метода» заключается в том, что сравниваются не следы, их взаиморасположение, особенности, а графическая кривая, не отражающая объективно картины следов и их индивидуальных признаков. Этот метод был рекомендован буржуазным криминалистом Кордонье, который впоследствии отказался от него. В советских криминалистических учреждениях этот метод никогда не применялся и не применяется. Однако А. Винберг рекомендует его, умалчивая, впрочем, что упомянутый метод предложил Кордонье.

Можно привести еще и такие примеры. В Харьковском институте судебной экспертизы был применен казавшийся вначале оригинальным

¹ А. Глассон, Тезисы сообщения «К вопросу о применении метода Беру при идентификации огнестрельного оружия по стрелянным пулям» на конференции криминалистов при ВИЮН 1946 г.

² См. «Криминалистика», учебник для юридических школ, М., 1950, стр. 129.

способ
нейшей
стков, и
жения
ния да
в канал
ве немн
его нес
эксперти
чает все

В у
(1950 г.
века и
си путе
оружие
для под
вопросы
нет. Сов
ка може
практик

В э
мов, опи
тическом
прос о в
ной пра

При
к вывод
ницах р.
кримина.
этих кри
дования

Нам
немисли
ботку вс
советской
стью, по
разработ
ствия д
и основн

Исх
положен
лизовать
и методъ

1. Т
вильно у
криминал
стической

¹ С. 1

Сборник «1

² А. 1

М., 1947, с

³ См.

⁴ «Со

⁵ П. 1

законность

способ фотографирования пули по сегментам (участкам)¹. При дальнейшей проверке этого способа оказалось, что сравнение отдельных участков, изображенных на снимке, не дает общей картины взаиморасположения следов. Доц. А. Коган (Одесса) рекомендовал способ определения давности выстрела по наличию нитритов в нагаре, имеющемуся в канале ствола после выстрела². Выводы А. Коганом сделаны на основе немногих опытов. Применение этого способа на практике показало его несостоятельность. Сотрудниками Киевского института судебной экспертизы был применен указанный способ, и оказалось, что он исключает возможность решения вопроса о давности стрельбы³.

В упомянутом учебнике криминалистики для юридических школ (1950 г.) говорится, что по следам зубов можно «определить пол человека и некоторые заболевания» (стр. 60), «определить давность рукописи путем анализа чернил» (стр. 106), идентифицировать огнестрельное оружие «по пыжам, дробу и пороху» (стр. 132). Где научные основания для подобных утверждений? Какие методы позволяют решать такие вопросы? Проверенных научных данных для решения этих вопросов нет. Совершенно правильно указывает С. Митричев, что криминалистика может «оперировать только такими данными, которые проверены практикой и имеют под собой научную основу»⁴.

В этом смысле следовало бы пересмотреть ряд положений и приемов, описанных в криминалистической литературе, подвергнуть их критическому рассмотрению и после строгой научной оценки решить вопрос о возможности применения этих приемов в следственной и экспертной практике.

Приведенные данные относительно некоторых приемов приводят к выводу о том, что несостоятельные приемы могли появиться на страницах работ по криминалистике в результате забвения некоторыми криминалистами принципов советского уголовного процесса, отрыва этих криминалистов от основных требований предварительного расследования и следственной практики.

Нам представляется, что развитие советской науки криминалистики немыслимо без тех принципиальных основ, которые определяют разработку всех приемов и методов научного следствия. Как любая отрасль советской науки, советская криминалистика характеризуется партийностью, политической направленностью, прогрессивностью. Вместе с тем разрабатываемые советской криминалистикой научные приемы следствия должны отвечать принципам советского уголовного процесса и основным положениям предварительного расследования.

Исходя из принципов уголовного процесса, в частности, основных положений советского предварительного расследования, можно сформулировать следующие требования, которым должны отвечать приемы и методы советской криминалистики:

1. Требование законности приемов и методов криминалистики. Правильно утверждает П. Тарасов-Родионов: «разрабатываемые советской криминалистикой научные приемы расследования зиждятся на социалистической законности»⁵.

¹ С. Цион, Фотографический способ фиксации следов канала-ствола на пуле, Сборник «Проблемы криминалистики и судебной экспертизы», Харьков, 1948.

² А. Коган, Нитриты в нагаре после выстрела, «Проблемы криминалистики», М., 1947, стр. 65.

³ См. Сборник «Криминалистика и научно-судебная экспертиза» М., 1950, стр. 23.

⁴ «Социалистическая законность» 1951, № 6, стр. 11.

⁵ П. Тарасов-Родионов, Советская криминалистика, «Социалистическая законность» 1951, № 7, стр. 9.

Значительная часть приемов советской криминалистики непосредственно предусмотрена действующими УПК союзных республик. Таковы приемы допроса, обыска, осмотра. Дальнейшая разработка этих приемов должна идти в строгом соответствии с уголовно-процессуальным правом. Определенная часть приемов советской криминалистики, не предусмотренная УПК, санкционирована подзаконными актами, изданными компетентными на то органами. Соответствующими приказами регламентированы порядок розыска, регистрации преступников, порядок собирания материалов для криминалистической экспертизы, правила применения следственного чемодана и т. д.

В связи с этим следует возразить П. Тарасову-Родионову, который считает, что деятельность эксперта-криминалиста носит чисто технический характер¹. Выполняя задания следственно-прокурорских и судебных органов, эксперт прежде всего выполняет возложенный на него законом долг. Результаты своего специального исследования он излагает в акте экспертизы, который является процессуальным документом. Соответствующими приказами, инструкциями и положениями об институтах судебной экспертизы и криминалистических лабораториях предусмотрены порядок, компетенция и даже методика экспертного исследования. Таким образом все приемы советской криминалистики как в области следствия, так и криминалистической экспертизы должны отвечать задачам борьбы следственно-прокурорских и судебных органов с преступностью, соответствовать букве и духу социалистической законности, общему ее содержанию, вытекать из нее.

2. Требование практической необходимости и целесообразности приемов криминалистики. Следует разрабатывать такие приемы научного следствия, в которых нуждается практика, которые помогают следственно-прокурорской и судебной практике в искоренении преступности. Осуществление этого требования возможно в том случае, если криминалисты будут тесно связаны с практикой и будут обобщать ее богатый опыт.

3. Требование точности приемов и методов криминалистики. Каждый прием, разрабатываемый криминалистикой, выполнит свою роль только в том случае, если он позволит точно зафиксировать и исследовать доказательства.

4. Требование оперативности приемов криминалистики. Несомненно, что все приемы советской криминалистики должны отвечать требованиям быстроты следствия и исключать непроизводительную затрату времени следователя, судьи, прокурора, эксперта. Оперативность достигается, когда эти приемы просты и доступны любому следователю.

3. Требование научности приемов и метода криминалистики. Научность приемов советской криминалистики обуславливается тем, что ее методом является подлинно научный метод — диалектический материализм. Исходя из этого, советская криминалистика отвергает всякие антинаучные приемы. Вместе с тем каждый новый прием, разрабатываемый криминалистами, может быть рекомендован следственно-прокурорской и судебной практике только в том случае, если он научно обоснован и проверен практикой.

Названные нами требования должны рассматриваться не изолированно, а в их единстве. Каждый прием советской криминалистики должен соответствовать всем этим требованиям, на них основываться. Если какой-нибудь прием криминалистики не отвечает упомянутым требованиям, он теряет свое значение и не может применяться в деятельности следственно-прокурорских и судебных органов.

¹ «Социалистическая законность» 1951 г., № 7, стр. 11.

Юр
нию по
всячески
того, чт
стически
всему С
Как
тролиру
упорядс
В э
консуль
деловых
ми в су
ных жа.
с ведени
Вре
даваемь
записей,
но, нере
вильных
Для
ческих и
те други
отрицат
Как
является
ситуаци
шить то
силь тол
чаще сп
А в гра
же стан
спрашив
ключаюи
ст. 418
А в
ду, таку
декрет
куляр Н
прав на
ления п
отсутстви
комиссар
рядке ре
поселках
Встр
клиенту

КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ РАБОТА АДВОКАТУРЫ

Адвокат Д. Голубовский

Юридические консультации адвокатов дают массу советов населению по всем отраслям права. Они же составляют большое количество всяческих исковых заявлений, жалоб и иных деловых бумаг. Не будь того, что очень многие советы по ряду причин не записываются, статистические данные о числе советов по любой области, республики и по всему СССР в целом выглядели бы куда внушительнее.

Каково же качество этой консультационной работы и как она контролируется в большинстве коллегий адвокатов, каковы пути к ее упорядочению и улучшению?

В этой статье идет речь лишь об организации и качестве устной консультационной работы и о составлении исковых заявлений и иных деловых бумаг, не требующих предварительного ознакомления с делами в судах, ибо вопрос об улучшении качества кассационных и надзорных жалоб уместнее рассматривать при разработке проблем, связанных с ведением адвокатами судебных дел.

Время от времени во всех коллегиях проводится проверка записей даваемых советов и по этим записям делаются выводы. Даже из этих записей, когда и самый вопрос записывается совершенно бесконтрольно, нередко видно, что ответ дан неправильно. А сколько дается неправильных советов, которые не регистрируются!

Для иллюстрации остановимся на консультационной работе юридических консультаций г. Тулы. Несомненно, что консультационной работе других краев и областей в той или иной мере присущи подобные же отрицательные черты.

Как известно, одним из сложнейших разделов гражданского права является законодательство о наследовании. Здесь столько сложных ситуаций, что даже знающий и опытный юрист порой затрудняется решить тот или иной казус. Редко тот или иной гражданин придет спросить только о том, кто является наследником по закону. Но зато куда чаще спрашивают что-либо замысловатое из этой области права. А в графе «ответ» в подавляющем большинстве случаев стоит все та же стандартная запись: «Разъяснена ст. 418 ГК». Приходит клиент и спрашивает, как ему оформить наследственное право на имущество, заключающееся в жилом строении, и уходит, «обогащенный» знанием ст. 418 ГК.

А встретите ли вы, если наследодатель, к примеру, умер в 1918 году, такую запись, из которой было бы видно, что клиенту разъяснены декрет ВЦИК от 14/27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования», циркуляр НКВД и НКО от 1/12 октября 1926 г. о порядке установления прав на частновладельческие строения, раздел третий о порядке оформления права собственности на строения фактических владельцев при отсутствии правоустанавливающих документов, инструкции Народного комиссариата коммунального хозяйства от 25 декабря 1945 г. «О порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках»?

Встретите ли вы такую запись, из которой видно было бы, что клиенту разъяснено самое существо вопроса о праве регистрации строе-

ний на то или иное лицо с приобретением всех прав собственников только по признаку фактического владения строением? Шансы встретить такую запись ничтожны. Можно ли увидеть какую-либо иную запись, которая показывала бы, что адвокат, прежде чем дать совет, изрядно поработал? Едва ли.

Без риска можно утверждать, что вы не встретите записи, из которой было бы видно, что, прежде чем дать совет, адвокат заинтересовался и как следует разобрался в ведомственном материале и уяснил себе ведомственную практику. Попробуйте попытаться выяснить что-нибудь связанное с вопросом о кредитовании граждан под индивидуальное жилищное строительство, и вы можете быть уверены, что ничего дельного или даже членораздельного не услышите. Зато журналы регистрации советов пестрят такими записями: «разъяснена ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке»; «разъяснено постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 ноября 1945 г. о признании юридических фактов»; «разъяснено постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.»; «разъяснены ст. ст. 12, 59, 65 ГК» и т. п. Да и за этими трафаретными записями кроется масса весьма сомнительных в смысле их правильности советов. Во всяком случае эти записи отнюдь не гарантируют, что совет дан правильно, и почти парализуют возможность контроля над качеством консультационной работы.

Возражат, что дело адвоката из всего того, о чем говорит клиент, выделить правовое «зерно», записать его и дать надлежащий ответ. Это бесспорно. Но многие слишком лаконичные записи свидетельствуют не об умении найти самое существенное в повествовании клиента и сжато сформулировать вопрос и ответ, а о постоянной тенденции, упрощая до примитива все вопросы клиентуры, избегать спорных проблем или завуалировать собственное незнание закона, неумение или нежелание, а иногда и невозможность в нем разобраться за отсутствием законодательных и ведомственных материалов и соответствующей правовой литературы.

Невероятно, чтобы в таком крупном областном и индустриальном центре, как Тула, возникали лишь самые простые, так называемые «битые» вопросы. А где же в таком случае записи нестандартных, зачастую весьма спорных вопросов, вплоть до таких, по которым требуется разъяснение свыше? Их почти нет. Вопросы же эти возникают и возникают, оставаясь нерешенными или решенными кустарно.

Неблагополучно обстоит дело и с организационной стороны. Вот для иллюстрации самая крупная юридическая консультация в Туле — областная. В течение ряда лет там плохо был организован прием клиентов. Всех обращающихся принимает дежурный адвокат — независимо от того, каков наплыв клиентов в этот день. По утрам постоянно наблюдается одна и та же картина: дежурный адвокат наскоро опрашивает клиентов, наскоро консультирует и наскоро тут же пишет различные заявления, — несмотря на эту спешку клиенты подолгу простаивают в очереди к нему. Остальные адвокаты, в количестве более двадцати, принимают новых или прежних клиентов, часть сидит, что-то строчит, а часть пребывает в полной праздности. Дежурный же адвокат старается обслужить всех, отсюда все качества: особенно, если дежурит посредственный или начинающий адвокат, а то и вовсе стажер, и дает изрядное количество советов, не поднявшись в течение нескольких часов из-за стола, чтобы проконсультироваться.

В зиму 1950/51 года такие явления прекратились. Проблема организации приема несколько упростилась сама собой: обращающихся стало значительно меньше. Все они втискивались из коридора в кон-

сультат
ными г
сумев
чтобы
отучали
тут сов
лись ре
зу идет
как чис
явлений
цией и
причин
примен
помощи

Ме
ности Т
никаки
ином, х
улучше:

По
тации в
завеща
следода
Все при
разбили
что зав
феев» и
теряет
ствии к
в облас
глашени
б поста
из кото
жется
станови
зу пост
и руко
в Моск

Чт
ностью

Де
спешит
писать.
рующей
вопрос
жет сд
ствител
возмож

Пр
лово-ко
такие в
этому
потому
бывший

консультацию, теснясь у стола дежурного, в проходе между двумя книжными шкафами, и закупоривая иногда вход в самую консультацию. Не сумев как следует организовать консультацию высокого качества и так, чтобы посетители не простаивали часами в очереди, клиентов попросту отучали обращаться в консультацию. Ссылки на снижение преступности тут совершенно не при чем. По уголовным делам за советами обращались редко, так как тут в подавляющем большинстве случаев речь сразу идет о ведении дела. Число же гражданских дел велико, в то время как число обращающихся за советами и с просьбой о составлении заявлений по этим делам резко упало, что объясняется плохой организацией и низким качеством консультационной работы. Попутно одной из причин падения консультационной практики является также неумелое применение инструкции от 2 октября 1939 г. об оплате юридической помощи в виде составления всякого рода деловых бумаг.

Между тем на протяжении всего послевоенного периода деятельности Тульской областной коллегии адвокатов руководство не приняло никаких мер к тому, чтобы помочь адвокатам разобраться в том или ином, хотя бы внешне спорном вопросе, чтобы по-настоящему помочь улучшению качества консультационной работы.

Показателен следующий факт. В областной юридической консультации возник спор. Одна клиентка поставила вопрос: действительно ли завещание, составленное в пользу брата, если к моменту смерти наследодателя оказался в живых наследник первой или второй очереди? Все присутствующие в юридической консультации в данный момент разбились на два лагеря. Стажеры с учебниками в руках доказывали, что завещание остается действительным в этом случае; один из «корифеев» из числа поверхностных начетчиков утверждал, что завещание теряет свою силу. Беспорядочное, как всегда, обсуждение (в отсутствии клиентки) толкнуло одного из спорящих на то, чтобы позвонить в областную нотариальную контору и просить разъяснений (?!). К соглашению не пришли, в то время как вопрос этот решается пунктом 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г., из которого явствует, что если к моменту смерти наследодателя окажется в живых кто-либо из наследников по закону, то в этом случае становится недействительным только завещание, составленное в пользу постороннего лица. Вся эта дискуссия прошла мимо президиума и руководства консультации, а клиентка поехала консультироваться в Москву.

Что же мешает тому, чтобы вся консультационная работа полностью находила свое отражение в соответствующих документах?

Дело не в причинах чисто технического порядка, когда адвокат спешит в суд и хотя имеет время дать совет, но не успевает его записать. Куда больше советов не записывается потому, что у консультирующего адвоката нет уверенности в правильности своего ответа на вопрос клиента, или потому, что он вовсе не разобрался в существе вопроса и не сказал ничего конкретного, или же потому, что он не может сделать в графе «ответ» соответствующей ссылки на закон. Действительно, сделать ссылку на закон нередко трудно, а порой и невозможно.

Приходит клиент и задает вопрос: может ли он, выбыв из промыслово-кооперативной артели, получить обратно паевые взносы. Ответы на такие вопросы в основном даются правильно — о праве обращения по этому вопросу в суд. Но записей на эту тему не видно, и не видно их потому, что консультирующий не знает, на что сослаться. Добро, если бывший член артели принесет с собой расчетную книжку, в конце ко-

торой имеется типовой Устав промыслово-кооперативной артели. Тогда консультант может сослаться на соответствующий пункт Устава, но опять-таки не на самый закон. Но если такой «счастливой» возможности не представляется, то ни стар, ни млад не могут сделать соответствующей ссылки. Молодой адвокат, быть может, и встречал в тексте учебника гражданского права упоминание о Положении о промысловой кооперации, утвержденном ВЦИК и СНК РСФСР 11 июня 1928 г. Но если и встречал, вряд ли знакомился с текстом этого положения, а при существующей постановке работы вообще и с молодыми адвокатами, в частности, никто его и не надоумит, что нужно обратиться к закону 1928 года. Пусть адвокат с большим стажем и знаком с этим положением, но как сослаться на закон, когда кодификация в подавляющем большинстве коллегий поставлена плохо, а в местностях, подвергавшихся оккупации, не сохранилось ни «Собрания узаконений Правительства РСФСР», ни популярного в свое время «Бюллетеня финансового и хозяйственного законодательства», где было опубликовано это положение? И лишь отдельные адвокаты записывают этот совет без ссылки на закон. А какую такой совет имеет ценность, говорить не приходится, ибо клиенту не разъясняется самое главное: когда возникает право обращения в суд с иском о возврате паевых накоплений. Но большинство адвокатов предпочитает в таких случаях ничего не записывать, уклоняясь от всякого контроля над качеством их работы. Естественно, кому схота прослыть бракоделом!

Многие советы не записываются за отсутствием у адвокатов достаточного стимула к этому. Даст ли адвокат за месяц пять стандартных советов, даст ли десятки советов по относительно сложным вопросам, — никакого это не интересует. Число советов учитывается лишь для включения в обезличенные статистические сводки.

Неблагополучно и с иными видами консультационной работы — с составлением всякого рода деловых бумаг и, главным образом, исковых заявлений. Не перечислять всех встречающихся недостатков! Основными, однако, являются недостаточная разработка данных, сообщаемых клиентом, и опять-таки отсутствие ссылок на закон и дополнительные к нему материалы. Народные суды ждут от нас существенной помощи в составлении исковых заявлений. То и дело в консультацию являются граждане, держа в руках уже составленные ими самими исковые заявления, объясняя, что они уже были на приеме у судьи, но последний предложил пересоставить исковое заявление. Как должны быть довольны судьи, когда в исковом заявлении есть конкретное указание на то, что должно быть сделано в порядке ст. 80 ГПК, когда при заявлении, подаваемом адвокатом, сразу представляется проект свидетельства на право получения истцом документов из того или иного учреждения, и т. д. Судьи имеют все основания быть довольными, когда исковое заявление так разработано, что дает возможность суду легко и свободно (если, конечно, в судебном заседании не произойдет ничего непредвиденного) вынести, скажем к примеру, решение по какому-либо сложному гражданскому, наследственному делу, определив при этом принадлежащие сторонам идеальные доли в общем имуществе, с учетом прежнего решения в соответствии со ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке в пользу одного из участников процесса, с учетом имеющегося завещания, с учетом количества наследников по закону, с учетом принципа представления и так называемой наследственной трансмиссии.

Много ли пишется таких разработанных исковых заявлений? Ничтожно мало. Одни адвокаты ленятся, другие боятся больших заявле-

ний, по-
шали, ч
других
сам раз

Плюс
ные ма
мер, на
нии иск
ставлен
водстве
ветству
становл
«о суде
чила бы

Что
ственно
жалоб
ным по
ярко ве

Что
чительн

Пр
была со
няли, ч
работе
ный пр
может
ный со
щихся
ная раб
советы,
надо с
работа
методое
каты в
о том,
требова
зыблем
кон, за
и подр
с закон
вать, ч
оформл
поддер
и пред
отдель
опытны
помысл
записи

Да
прокон
та, кот
по это
ни одн
ного ст

ний, потому что им с первых шагов их адвокатской деятельности внушали, что «длинных бумаг читать не станут». А в результате у тех и других один и тот же подход к составлению исковых заявлений: суд сам разберется во всем!

Плохо также дело обстоит и со ссылками на закон и на директивные материалы. Адвокаты не скупятся на трафаретные ссылки, например, на ст. 51-а Кодекса законов о браке, семье и опеке при составлении исковых заявлений по алиментным делам, но, например, при составлении исковых заявлений по делам, связанным с увечьем на производстве, в подавляющем большинстве случаев адвокат сошлется на соответствующие статьи Гражданского кодекса, но не делает ссылки на постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1948 г. «о судебной практике по искам из причинения вреда», которая облегчила бы суду его работу. Таких примеров можно привести много.

Что касается иных деловых бумаг, где требуется знание ведомственного материала (а этим стараются себя не утруждать), например, жалоб на неправильное привлечение к платежу налогов, по обязательным поставкам и т. п., то очень часто эти жалобы и заявления носят ярко выраженный обывательский характер.

Что же необходимо для того, чтобы консультационная работа значительно улучшилась и была бы поставлена на новые рельсы?

Прежде всего необходимо, чтобы вокруг консультационной работы была создана надлежащая атмосфера. Нужно, чтобы все адвокаты понимали, что консультационная работа — это не придаток к «основной» работе по ведению дел в судах, а очень важный участок работы, важный прежде всего с политической точки зрения, ибо правильный совет может предотвратить и правонарушение, и неосновательный иск, вредный со всех точек зрения, и в первую очередь как отвлекающий трудящихся от их производственной работы. Одновременно консультационная работа важна и для самой адвокатуры, ибо, не научившись давать советы, нельзя научиться вести дела. Стажеров и молодых адвокатов надо с самого начала воспитывать в том духе, что консультационная работа — не досадная неизбежная «повинность», а один из основных методов накопления правовых знаний. Вместе с тем надо, чтобы адвокаты в первую очередь думали о том, как дать правильный совет, а не о том, как избежать неприятностей со стороны руководства. Конечно, требование того, чтобы была ссылка на закон, должно оставаться неизменным, ибо это требование дисциплинирует, заставляет искать закон, запечатлевать в памяти его текст, вдумываться в его общий смысл и подробности. Конечно, совету должно предшествовать ознакомление с законом и дополнительными к нему разъяснениями, но нельзя требовать, чтобы адвокат тут же, пока клиент еще не ушел, окончательно оформлял регистрационную карточку по поводу этого совета. Нельзя поддерживать такую атмосферу, чтобы адвокат стеснялся товарищей и предпочитал утаить свое незнание той или иной отрасли права или отдельного вопроса, чем частым обращением за консультацией к более опытным товарищам обнаружить свою неосведомленность, чтобы все его помысли были обращены только в сторону надлежащего оформления записи вопроса и ответа.

Далеко не во всех консультациях и не всегда есть возможность проконсультироваться. Есть большие города, где нет ни одного адвоката, который, к примеру, знал бы авторское право и судебную практику по этому вопросу. Есть крупные консультации в иных городах, где нет ни одного адвоката, который был бы осведомлен в вопросах социального страхования, а в очень многих небольших консультациях (да и не

только в небольших) адвокат зачастую один-одинешенек. Поэтому нужно внедрить такую практику, чтобы адвокат имел возможность продумать поставленный ему вопрос, посоветоваться с коллегами, порыться в юридической литературе и во всякого рода официальных сборниках. Нельзя требовать, чтобы адвокаты по всем поставленным перед ними вопросам принимали молниеносные решения и давали скороспелые советы. Формально никто не отнимал права у адвоката откровенно сказать клиенту, что вопрос сложен и требует изучения. Нужно создать такую атмосферу, чтобы адвокат, чувствуя невозможность сразу ответить на серьезный вопрос, не опасался, как это наблюдается сейчас, прослыть за волокитчика, бюрократа, привыкшего к обычному для них «придите завтра», а мог бы свободно предложить клиенту явиться за ответом в определенный срок.

Необходимо правильно организовать эту работу. Там, где существует такая нелепая система приема клиентов, как в областной юридической консультации г. Тулы, при которой всех обращающихся за советами принимает один только дежурный адвокат при наличии свободных в данный момент адвокатов, нужно немедленно от нее отказаться. Нужно, чтобы заведующие юридическими консультациями повсюду отрешились от взгляда на дежурного адвоката, как на лицо, выполняющее малоприятную миссию давать бесплатные советы и составлять бесплатные бумаги, а сами адвокаты должны отрешиться от взгляда на дежурство как на источник «кормления», где можно заключать договор «на себя» и составить два-три платных заявления. Каждому обращающемуся должен быть обеспечен неторопливый, предельно внимательный прием. Для этого дежурный адвокат, и сам принимая участие в консультационной работе, должен направлять клиентов к свободным в данный момент адвокатам, с учетом сложности вопроса и квалификации адвоката. Это обеспечит получение обращающимся консультационной помощи более высокого качества.

В областных, краевых и республиканских центрах безусловно необходимо организовать хотя бы в одной какой-либо юридической консультации вечерний прием и прием в общевыходные дни. Всякие ссылки на то, что подобный опыт уже имел место, но не привел ни к чему, должны быть отмечены. При правильной организации этого дела и надлежащих объяснениях вечерний прием и прием в общевыходные дни прочно привьется.

В тех консультациях, где нет работы по сменам (а система, применяемая в Москве, обеспечивает почти всегда присутствие в любой час в консультации квалифицированных сил) и все адвокаты являются с утра, необходимо продумать такую систему работы, при которой в консультации всегда, кроме дежурного (особенно, если он сам не может быть признан достаточно квалифицированным), находился бы квалифицированный адвокат. Дело не в том, как его назвать, — старшим ли консультантом или как-нибудь иначе, но крупные консультации, как правило, не следует оставлять на одного человека.

Для улучшения консультационной работы необходимо правильно поставить кодификационную работу. Нельзя, чтобы кодификаторы отвлекались для иных работ, как, например, в Туле, где кодификатор целыми месяцами работает за кассира, а когда кодификатор уходит в отпуск, то вся работа замирает, ибо он оставляет для пользования лишь кодексы, а все остальные материалы, в том числе и комплекты журналов «Социалистическая законность» и «Судебная практика Верховного суда СССР» за все годы лежат под замком. Работа кодификационных столов должна быть в поле зрения президиумов. Кодификаторам долж-

на оказывать членам возлагаемых столов, в шой, но мероприятии опыт очкоской горывать и нимать себе. Нетельную

Важны являющейся конной рабочей конентов, к способностирован консуль консуль ле зрени ло бы с

Вся лается с проблем ную пра «спорны ся спори честве с очень м диаметр максимум скается вестно к ходил к этих ош нообраз подобны дов или также е дельным адвокат отрасли очередь данского

Для местно кабря 1 сам, трем и, или

В г добитесь дической тов это

на оказываться практическая помощь. Мало того, что на одного из членов президиума (который, как правило, ничего больше не делает) возлагается обязанность наблюдения за работой кодификационного стола, необходимо сколотить вокруг кодификационного стола небольшой, но крепкий актив. Должны быть продуманы и проведены в жизнь мероприятия, направленные к тому, чтобы на периферии был освоен опыт очень солидно поставленной работы отдела кодификации Московской городской коллегии адвокатов. Необходимо не только регистрировать и кодифицировать регулярно поступающие материалы, но и принимать меры к тому, чтобы получать материалы, не идущие сами по себе. Необходимо добиваться, чтобы адвокаты вели и свою самостоятельную кодификацию.

Важным средством коренного улучшения консультационной работы является не последующий контроль этой работы по записям, а живой контроль. Необходимо изучить каждого адвоката на консультационной работе, понаблюдать, — и не один раз, — как он выслушивает клиентов, как дает советы, отделяется ли общими фразами, обладает ли способностью разъяснить закон так, чтобы клиент ушел хорошо ориентированным. На мой взгляд, не худо было бы адвокатов той или иной консультации на день-два привлекать к консультационной работе в той консультации, которая ближе всего к президиуму и больше всего в поле зрения последнего. Здесь в процессе практической работы можно было бы с ними ближе познакомиться и делать определенные выводы.

Вся сумма возможностей улучшения консультационной работы делается очевидной тогда, когда президиумы вплотную займутся этой проблемой. Президиумы обязаны изучать и обобщать консультационную практику, настойчиво выявляя все спорные вопросы. При этом под «спорными» я разумею не только те вопросы, которые впрямь являются спорными, но главным образом те, которые, при достаточном количестве соответствующих официальных разъяснений, все же не ясны очень многим адвокатам. Это как раз те вопросы, по которым даются диаметрально противоположные советы, а стало быть, и допускается максимум типичных ошибок. В Туле, например, много ошибок допускается при советах в части применения ст. 12 ГК (о признании безвестно отсутствующим и умершим). Если бы президиум серьезно подошел к постановке консультационной работы, он изучил бы, где корень этих ошибок, и добился бы правильного понимания этой статьи и единообразной в этой части консультационной практики. Исправления же подобных ошибок можно добиться путем постановки небольших докладов или сообщений по отдельным вопросам права. Президиумы должны также вести и широкое обобщение консультационной практики по отдельным отраслям права и проводить отдельные семинары, на которых адвокатам освещались бы все наиболее типичные вопросы по данной отрасли права и приводились бы самые типичные ошибки. В первую очередь такие семинары нужно проводить по вопросам семейного, гражданского (в том числе жилищного) и трудового права.

Для стимулирования консультационной работы надо начать повсеместно применять пункт 3 директивного письма НКЮ СССР от 8 декабря 1939 г. № 1—А—21 и взимать плату за устные советы по вопросам, требующим ознакомления с представленными клиентом материалами, или при разрешении сложных правовых вопросов.

В целях повышения качества исковых заявлений надо, во-первых, добиться того, чтобы на всех исковых заявлениях ставился штамп юридической консультации. Квалифицированных и добросовестных адвокатов это нисколько не заденет, зато халтурщиков определенно подтянет.

Необходимо также внести некоторые новшества в подготовку кадров. Нельзя допускать, чтобы стажер, пробывший на стажировке год, за весь этот год не написал ни одного искового заявления по иску об исключении вещей из описи только из-за того, что к адвокату, к которому он прикреплен, за весь год никто не обращался по такому вопросу. Необходимо наметить определенный минимум самых различных деловых бумаг, с составлением которых стажер должен быть обязательно ознакомлен независимо от того, пришлось ли подготавливающему его адвокату составлять деловую бумагу на данную тему или нет. Речь идет вовсе не о каких-то «образцах» исковых заявлений, а об изучении со стажерами тех правовых вопросов, которые неизбежно возникают при составлении таких-то и таких-то деловых бумаг.

Рамки статьи не позволяют мне остановиться на вопросе о повышении качества консультационной работы адвокатов-одиночек, работающих в районах. Но вопрос этот должен решаться в каждом крае или области в зависимости от местных условий и не изолированно, а в соответствии с общим планом, системой и возможностями их переподготовки по всем видам их профессиональной адвокатской деятельности.

По у
ведутся с
и уголовн
спецсеми
работы, н
четко фор
нары про

На с
скому про
несколько

Само
линам сл
ния докл
мам. Как
выбора т
кладчиков
лишь в и
возможнс
влекает.
дельным
более. До
освещени

Оста
комендуе
наров в

Расп
и нескол
докладчи
готовляя
ру, а ост
мятся с
готовляв

Кром
установи
клады по
ванной л
студента
дается к
в своем

Сам
достатки
путем в
темы). Г
студент,
ратурой

О МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦСЕМИНАРОВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРОЦЕССУ

С. Бырдина

По учебному плану юридических институтов на четвертом курсе ведутся спецсеминары по специальным дисциплинам — гражданскому и уголовному праву, гражданскому и уголовному процессу. Задача спецсеминаров — привить студентам навыки анализа, самостоятельной работы, научить их правильно применять законы и нормативные акты, четко формулировать свои мысли. Крайне необходимо, чтобы спецсеминары проводились методически правильно.

На основе своего опыта проведения спецсеминаров по гражданскому процессу в Саратовском юридическом институте я хочу привести несколько соображений по поводу методики подобных занятий.

Самой приемлемой формой спецсеминаров по специальным дисциплинам следует признать проведение их путем заслушивания и обсуждения докладов по заранее намеченным и утвержденным кафедрой темам. Как правило, за студентами следует признать право свободного выбора темы для доклада из числа утвержденных. К назначению докладчиков по усмотрению руководителя спецсеминара следует прибегать лишь в исключительных случаях. Свободный выбор темы дает студенту возможность работать над той именно темой, которая особенно его привлекает. По каждой теме выделяется обычно один докладчик. По отдельным сложным темам можно выделять и по два докладчика, но не более. Докладчику следует давать краткий план вопросов, подлежащих освещению в докладе, и указывать рекомендуемую литературу предмета.

Остальные студенты группы подготавливают тему по минимуму рекомендуемой литературы. Такова одна из форм проведения спецсеминаров в Саратовском юридическом институте.

Распределение докладов среди студентов может быть произведено и несколько иначе. По каждой теме можно выделять не одного-двух докладчиков, а несколько, пять-десять. Выделенные докладчики, подготавливая доклад, должны использовать всю рекомендованную литературу, а остальные участники группы, так же как и в первом случае, знакомятся с минимумом литературы. Доклад делает один из студентов, подготавливавших доклад, по выбору преподавателя.

Кроме сообщенных двух форм проведения спецсеминаров, можно установить и такой порядок, чтобы все студенты группы готовили доклады по всем предложенным темам на основе максимума рекомендованной литературы. В этих случаях доклад делается либо несколькими студентами по выбору преподавателя, причем каждому из докладчиков дается какой-нибудь один раздел темы, либо одним студентом, который в своем докладе охватывает все вопросы темы.

Самой приемлемой из этих форм, несмотря на ее существенные недостатки, следует признать первую, а именно проведение спецсеминаров путем выделения одного докладчика (двух — только при сложности темы). Недостатки этой формы проведения занятий состоят в том, что студент, выделенный докладчиком, знакомится с более обширной литературой и разрабатывает тему более глубоко, нежели все остальные

участники группы, которым без ознакомления со всей рекомендованной литературой затруднительно критически подойти к докладу, затруднительно предлагать конкретные дополнения или принципиальные поправки к докладу. Большинство участников группы будет ограничиваться общими замечаниями. Это подтверждает практика проведения спецсеминаров в этой форме. Бывает, что обсуждение заслушанного доклада сводится к его обсуждению только преподавателем и самим докладчиком. Составление и подготовка доклада, несомненно, полезны для докладчика, что сомнительно в отношении остальных студентов группы при указанных выше условиях проведения спецсеминаров.

Подготовка доклада по каждой теме не одним, а несколькими студентами или всей группой безусловно имеет свои преимущества перед таким проведением занятий, когда доклад готовят один-два студента: тема изучается более глубоко всеми студентами или многими из них, и это открывает им возможность критически отнестись к заслушанному докладу и активно участвовать в его обсуждении.

Однако такая форма проведения спецсеминаров встречает препятствия уже потому, что на четвертом курсе студент должен каждую неделю в соответствии с расписанием принимать участие в спецсеминарах по двум специальным дисциплинам и в семинарах по историческому материализму, по теории государства и права; стало быть он оказывается перед необходимостью подготовить еженедельно от двух до четырех докладов, ознакомившись предварительно с массой литературы. Осложняет дело и то обстоятельство, что некоторые источники, рекомендуемые для изучения по спецсеминарам, в частности по гражданскому процессу, имеются в институте только в одном экземпляре, что препятствует одновременной подготовке докладов сразу многими студентами IV курса.

Все это и заставляет признать самой приемлемой все-таки подготовку доклада одним-двумя студентами по максимуму рекомендуемой литературы, удовлетворяясь тем, что остальные участники группы ограничиваются ознакомлением с минимумом литературы.

В истекшем учебном году я внесла некоторый корректив в порядок проведения спецсеминаров; кроме докладчика (или двух при сложности темы) при распределении докладов заранее были выделены оппоненты в количестве не более двух человек по каждому докладу. Выделение оппонентов вызвало интерес у студентов. Оппонентам рекомендовалось, наряду с ознакомлением со всей темой, более углубленно изучить хотя бы один из ее вопросов для выступления по докладу. Выделение оппонентов не всегда себя оправдывает. Их выступления по большей части сводились к обычным студенческим ответам, но были случаи и отдельных удачных, более или менее развернутых выступлений. Конечно, выступлением заранее намечаемых оппонентов ограничиваться нельзя. Необходимо привлекать для участия в обсуждении и других студентов группы, хотя бы и путем вызова. В противном случае, кроме оппонентов, никто не будет готовиться к занятиям.

Темами для докладов на спецсеминарах должны служить основные вопросы соответствующей дисциплины, и эти темы должны быть своевременно утверждены кафедрой. К началу учебного года кафедра должна утвердить также планы докладов по всем темам спецсеминаров. Планы эти не должны быть пространными, но они должны охватывать основные вопросы темы, подлежащей изучению. В планы большинства тем следует включать и вопросы судебной практики. Цель составления подобных планов состоит в том, чтобы дать определенную направленность докладам. В планах должна быть указана литература. Жела-

тельно, практику

Меж учебного его докл обязан с в обсуж

При ствующи темы. Од комление и заклю

Заня тесно ме щую тем руководи деляется нии Доки

не вызываю любят ве ляются с кое искл

Втор чительно (один-два) готовлен татом не

Прег шое вним обсужден или по в кладов в на участ ся, что оступать спецсеми части заи нет, да и проводит темы заи следует ьтельность основе ог

Обсу седу, неоментиров дебную п

На докладчи на заклю

Прае перенос на занят о том, ч

тельно, чтобы, кроме рекомендуемой литературы, были указания и на практику Верховного суда СССР, относящуюся к данной теме.

Между студентами все доклады следует распределять в начале учебного года. Каждому студенту следует указать ориентировочно время его доклада, чтобы он мог заранее его подготовить. Каждый студент обязан сделать не менее одного доклада в учебном году и участвовать в обсуждении других докладов.

При подготовке докладов преподаватели должны давать соответствующие указания, разъяснения по возникающим у студентов вопросам темы. Однако вряд ли целесообразны предварительное подробное ознакомление преподавателя с докладом и его исчерпывающие указания и заключения.

Занятия на спецсеминаре в группе должны состоять из двух частей, тесно между собой связанных. Первая часть — доклад на соответствующую тему, вторая — обсуждение доклада и заключение преподавателя, руководителя спецсеминара. Успешное проведение спецсеминара определяется качеством доклада и активностью всей группы при обсуждении доклада.

Доклад, т. е. первая часть спецсеминара, как показывает практика, не вызывает в большинстве случаев затруднений у студентов. Студенты любят выступать с докладами и обычно более или менее успешно справляются с подготовкой докладов; неудовлетворительные доклады — редкое исключение.

Вторая часть семинара — обсуждение доклада — проходит значительно труднее. Желающих выступать по докладу бывает очень мало (один-два человека), причем чаще всего это одни и те же, лучшие, подготовленные студенты. Иногда пассивность студентов является результатом неумения излагать свои мысли без достаточной подготовки.

Преподавателю, ведущему спецсеминар, приходится уделять большое внимание именно этой второй части, т. е. обсуждению доклада. При обсуждении доклада участие студентов должно быть или добровольное, или по вызову. Следует сочетать эти формы участия в обсуждении докладов в зависимости от условий спецсеминара, так как если равняться на участие в обсуждении доклада только желающих, то может оказаться, что основная масса студентов готовится к занятиям не станет, а выступать будут одни и те же более сильные студенты. Руководителю спецсеминара порой приходится изыскивать способы оживления второй части занятий, т. е. обсуждения доклада. Готовых рецептов для этого нет, да и быть не может, так как многое зависит от того, в какой группе проводится спецсеминар, хорошо или плохо группа подготовлена, от темы занятий. Преподавателю, чтобы побудить выступать по докладу, следует указывать на не освещенные докладчиком вопросы, на сомнительность тех или иных положений доклада, предлагать высказаться на основе опыта, полученного во время производственной практики, и т. п.

Обсуждение доклада не следует превращать в беспредметную беседу, необходимо требовать оформленных, законченных, достаточно аргументированных выступлений со ссылкой на нормативные акты, на судебную практику.

На доклад должно уходить примерно 30—45 минут, на вопросы докладчику и его ответы на выступления 35—40 минут и минут 10—15 на заключение руководителя спецсеминара.

Прав Н. («Социалистическая законность» 1951 г., № 6, стр. 42), что перенос прений с одного занятия на другое отрицательно отражается на занятиях и расхолаживает студентов. Правильны также соображения о том, что для некоторых занятий по спецсеминарам следует отводить

по четыре часа подряд. Это позволяет не дробить темы докладов на подтемы, удлиняет время на обсуждение доклада и дает возможность заканчивать обсуждение всей темы в один и тот же день. Нельзя, однако, согласиться с утверждением о том, что следует сперва обсуждать доклад по каждой подтеме, а затем обсуждать всю тему в целом. Такое дробление хорошего результата не даст, как равно не даст и цельного впечатления от всей темы.

Преподаватель, ведущий спецсеминар, должен всегда готовиться к занятиям, освежать в памяти всю литературу, рекомендованную студентам для подготовки доклада. Ведение спецсеминаров заставляет преподавателя совершенствовать свои знания, углубляя и расширяя их, так как всегда возникают какие-то новые вопросы, требующие более углубленного знания предмета.

Во время занятий преподаватель должен неослабно следить и за докладом и за выступлениями студентов, записывать замеченные ошибки, удачные определения, личные соображения студентов. Ошибки в ударениях, неточности в датах, лицах следует исправлять на ходу.

Замеченные недостатки доклада — неправильное изложение тех или иных подробностей, недостаточное освещение или оставление совсем без освещения узловых вопросов темы — можно исправлять либо путем вопросов самому докладчику, либо предложением другим студентам высказаться по этим вопросам, причем последний метод исправления предпочтительнее, так как в обсуждение доклада вовлекается большее число студентов.

По окончании обсуждения доклада преподаватель делает свое заключение, указывает как положительные, так и отрицательные стороны доклада. В своем заключении преподаватель должен отметить и выступления студентов и подвести итог по обсуждаемой теме, кратко изложить основные теоретические положения, подкрепляя их соответствующим законодательным материалом и судебной практикой.

Основой проведения спецсеминаров должна служить тесная связь теории с практикой, так как первоочередная задача спецсеминара — научить студента правильно применять теорию при решении вопросов практики.

Спецсеминары должны научить студента самостоятельно работать над определенной темой, не сводя подготовку к докладам к чтению литературы и конспектированию рекомендованной литературы, придавая такой работе характер творческого исследования, уметь сделать определенные самостоятельные выводы. Спецсеминары призваны научить студентов отстаивать разработанные ими положения, приводя в защиту их убедительные аргументы. При этих условиях спецсеминары оправдают свое назначение.

В П

Одной из
Законом о с
и автономных
жилищных п
ст. 2 закона)

Решение ж
о выселении,
государственн
и организаци
является оди
листического
кона о судосу

Цель насто
ные вопросы,
нии дел этой
практики Вер
образом оказ
помощь наро

Как извест
рению дела
заинтересован
явлению прок
соответствующ
ных республи

Принимая
судья прежде
ведомственен
По действую
правило, высе
но только на
ния. Но имею
этого правила
решается в а
основания сос

Так, в силу
и СНК СССР
«О сохранени
шении жилищ
съемщик жил
селен в адм
предоставлени
щих случаях:
связи с его р
помещение в
приятия или
приятном дом
распространяе
в связи с инва
семьи работни
тельную служ
б) если съеми
работой предо
доме государ
общественной
арендованном
желанию, или
циплины, либо

Социалистиче

СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ О ВЫСЕЛЕНИИ

Одной из задач, возложенных на суд законом о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, является защита жилищных прав граждан СССР (п. «б» ст. 2 закона).

Решение жилищных дел, в частности, о выселении, часто затрагивает и права государственных предприятий, учреждений и организаций, защита которых также является одной из задач советского социалистического правосудия (п. «в» ст. 2 Закона о судостроительстве).

Цель настоящей статьи — осветить основные вопросы, возникающие при рассмотрении дел этой категории, путем анализа практики Верховного суда СССР и таким образом оказать посильную практическую помощь народным судьям.

Как известно, суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны или по заявлению прокурора (ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Принимая исковое заявление, народный судья прежде всего должен проверить, подведомствен ли суду спор о выселении. По действующему законодательству, как правило, выселение может быть произведено только на основании судебного решения. Но имеются некоторые исключения из этого правила, когда вопрос о выселении решается в административном порядке на основании соответствующих законов.

Так, в силу ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» съемщик жилой площади может быть выселен в административном порядке без предоставления жилой площади в следующих случаях: а) если съемщик, которому в связи с его работой предоставлено жилое помещение в доме государственного предприятия или в арендованном этим предприятием доме, уволен с работы; это не распространяется на работников, уволенных в связи с инвалидностью или увечьем, и на старых работников, призванных на действительную службу в Советскую армию; б) если съемщик, которому в связи с его работой предоставлено жилое помещение в доме государственного учреждения или общественной организации, либо в доме, арендованном ими, уволен по собственному желанию, или за нарушение трудовой дисциплины, либо за совершение преступления.

Закон предусматривает выселение в административном порядке: из домов, принадлежащих Военному министерству, лиц, не состоящих в рядах Советской армии, из домов, принадлежащих органам транспорта, посторонним транспорту лиц, из домов, принадлежащих органам МВД, МГБ, лиц, не состоящих на службе в органах МВД и МГБ.

Выселению в административном порядке подлежат также лица, самовольно захватившие жилую площадь.

Ряд очень важных указаний по поводу выселения в административном порядке дан в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. № 46(28)у «О судебной практике по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилого фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах».

Пленум указал, что не подлежат выселению в административном порядке рабочие и служащие, получившие в связи с работой жилое помещение в домах управлений трестов, контор трестов, научно-исследовательских институтов и прекратившие с этими учреждениями трудовую связь по причинам, не зависящим от них.

Не могут быть выселены в административном порядке лица, перешедшие на другую работу в связи с избранием их на выборные должности или в связи с переводом по решению директивных органов, на все время выполнения такой работы. Не подлежат выселению в административном порядке семьи лиц, прекративших трудовую связь с предприятием, учреждением или организацией в связи со смертью основного съемщика, а также семьи лиц, призванных на действительную службу в Советскую армию и Военно-морской флот. Все эти лица могут быть выселены по требованию учреждений, предприятий и организаций по суду с предоставлением им другого жилого для жилья помещения в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

В целях строгого соблюдения законности и ограждения законных интересов граждан установлено, что выселение в административном порядке может быть произведено лишь с санкции прокурора.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 12 декабря 1940 г. разъяснил, что отказ органов прокуратуры в санкции на выселение в административном порядке

4*

отметить, что, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., выселению подлежат только лица, действиями которых создается невозможность совместного с ними проживания. Совершеннолетние члены семьи могут быть выселены совместно с ответчиком на этом основании лишь в том случае, если они своим поведением делают невозможным совместное с ними проживание. Народный суд должен в каждом таком случае тщательно проверить обоснованность утверждения истца о таком поведении ответчика, не допуская необоснованного удовлетворения иска и памятуя о том, что выселение по этим основаниям является крайней мерой.

Сырова, И. А., обратилась в народный суд 1-го участка Мытищинского района Московской области с заявлением о выселении жены ее сына — Сыровой, З. Н., за невозможностью совместного проживания. В своем заявлении истица указала, что ответчица систематически скандалит и наносит ей, истце, и ее мужу побои. Народный суд иск удовлетворил. Московский областной суд решение народного суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора по протесту Генерального Прокурора СССР, отменила решение народного суда и определила областного суда и направила дело на новое рассмотрение, указав: «Ответчица, не отрицая наличия ссор с истицей, утверждала, однако, что инициатором этих ссор является сама истица. Суд же взаимоотношений сторон всесторонне не исследовал и вынес решение о выселении ответчицы при отсутствии доказательств, что именно ответчица своим поведением создает невозможные условия для совместного проживания. Суду необходимо учесть, что выселение квартиросъемщика за невозможностью совместного проживания может применяться лишь в качестве крайней меры, когда в отношении такого нанимателя принимались другие меры воздействия, оказавшиеся недостаточными»¹.

Согласно указанию Пленума Верховного суда СССР, при разрешении исков о выселении по мотивам невозможности совместного проживания суд может в целях ликвидации жилищного конфликта обязать стороны произвести в определенный срок обмен нанимаемого ими жилищного помещения на другое, если заинтересованная сторона укажет суду другое годное для жилья помещение, на которое можно будет произвести обмен. Решение суда о производстве обмена не освобождает стороны от оформления обмена в соответствии с действующими правилами об обмене жилой площадью. В случае неисполнения решения суда в назначенный срок сторона, виновная в противодействии обмену, может быть

выселена судом без предоставления другой жилой площади (п. 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.).

При рассмотрении дел о выселении по мотивам неплатежа квартирной платы недопустимо формальное решение их без учета действительных причин невнесения в срок квартирной платы.

Выселение по такому основанию — крайняя мера, применяемая в отношении злостных неплательщиков квартирной платы. Совершенно неосновательными являются и не подлежат удовлетворению иски о выселении в случаях, когда ответчик вносит квартирную плату в депозит. По одному из дел, рассмотренных в порядке надзора, — по делу Косумовой и Сулеймановой, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что платеж квартирной платы через депозит не является обстоятельством, дающим нанимателю право требовать выселения нанимателя².

В случае систематической сдачи съемщиком отдельной комнаты в целях извлечения нетрудового дохода используемая в этих целях комната может быть изъята у съемщика.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменяя 13 сентября 1950 г. все решения и определения и направляя дело на новое рассмотрение по делу по иску Сырцовой к Путилову о выселении, указала: «При рассмотрении дела представитель городского жилищного управления заявил, что Сырцова сдавала в наем две комнаты, занимаемые ею в квартире. Выписка из домоводной книги свидетельствует о том, что на площади Сырцовой с декабря 1937 по июль 1948 г. проживали в качестве временных жильцов разные лица, причем некоторые из них длительное время; ко времени вселения Путилова с площади Сырцовой выбыла семья Ивашечкиных, которая проживала в квартире Сырцовой с 1945 по 1948 год. Указанные обстоятельства имеют существенное значение и должны быть обсуждены судом при решении дела, так как в случае систематической сдачи съемщиком комнаты в целях извлечения нетрудового дохода используемая в этих целях жилая площадь может быть изъята у съемщика, хотя бы она и не являлась излишней» (п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.).

Несомненный интерес представляет также определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по аналогичному делу о выселении Назаровой, которое в отличие от дела Сырцовой было осложнено рядом обстоятельств. Верховный суд СССР указал в этом определении: «По делу установлено, что ответчица Назарова, являясь одиночкой и зани-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 8, стр. 29.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 33.

мая в доме местного Совета квартиру из двух смежных комнат, систематически сдавала в поднаем жилую площадь разным лицам, извлекая из этого значительные нетрудовые доходы, ввиду чего народный суд по существу правильно, в соответствии с требованиями п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., вынес решение об изъятии из пользования ответчицы одной комнаты, которая к тому же является для нее излишней против нормы. Указание Верховного суда РСФСР на то, что Назарова при сдаче в поднаем жилой площади обуславливала высокую плату сдаваемого помещения с учетом оказываемых ею временным жильцам услуг, явно необоснованно, так как опровергается имеющимися по делу доказательствами. Не опровергает вынесенного судом решения и то обстоятельство, что к моменту рассмотрения дела находившиеся в пользовании ответчицы две жилых комнаты являлись смежными, так как из приобщенных к протесту прокурора документов усматривается, что для изолирования указанных комнат требуется лишь незначительная и технически возможная перепланировка квартиры¹.

В судах довольно часто возникают дела по искам собственников о выселении жильцов из принадлежащих им домов по мотивам, что они сами нуждаются в жилой площади, или потому, что договор жилого найма заключен со старым владельцем дома, а истец как новый владелец дома не желает сдавать в наем занимаемое ответчиком жилое помещение. При рассмотрении таких исков народный суд прежде всего должен проверить, является ли истец действительным собственником жилого строения, то-есть имеет ли он право на иск.

Согласно ст. 169 ГК РСФСР (и соответствующим статьям ГК других союзных республик) один только факт перехода права собственности от одного лица к другому поводом для расторжения договора найма служить не может, так как этот договор сохраняет свою силу и для нового собственника.

При решении вопроса о выселении ответчика по мотиву нуждаемости владельца дома в жилой площади следует руководствоваться ст. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. Пленум указал: «Недопустимо выселение нанимателей, проживающих в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности или на праве застройки, на том основании, что срок договора найма окончился и владелец дома не желает возобновить с нанимателем договор на новый срок. Только в тех случаях, когда с момента заключения договора жилищные или семейные условия владельца дома изменились и когда по

обстоятельствам дела суд признает, что помещение действительно необходимо для личного проживания владельца дома и совместно с ним живущих членов семьи, не имеющих жилой площади или имеющих жилую площадь, явно недостаточную по своим размерам, суд может вынести решение о выселении нанимателя и о передаче жилой площади в пользование владельца дома. Не может быть допущено выселение нанимателя, когда под видом нужды в жилой площади владелец дома требует выселения нанимателя для того, чтобы сдать помещение в наем другому лицу, или когда владелец дома злоупотребляет своим правом собственности или правом застройки и использует его в целях спекуляции жилой площадью».

Невыполнение судом этих указаний влечет за собой отмену решения. Истица Захаренко купила с торгов дом по Строительному пер. в г. Симферополе. Захаренко, ссылаясь на личную нужду в помещении для жилья, предъявила в суде иск о выселении из купленного ею дома ответчика Котова, проживающего с семьей в качестве квартиросъемщика. Народный суд удовлетворил иск Захаренко, обязав жилищное управление предоставить выселяемым другое годное для жилья помещение. Определением Крымского областного суда решение народного суда было оставлено в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, отменила решение народного суда и определение областного суда и передала дело на новое рассмотрение, указав: «В деле имеются противоречивые данные по вопросу о принадлежности спорного дома. По одним данным этот дом числился собственностью гр-ки Марголиной С. М., а по другим данным этот дом находится на балансе городского жилищного управления, которому ответчик за занимаемое помещение вносил квартирную плату. При наличии таких материалов в деле суду надлежало проверить, кто же в действительности является собственником дома, в котором проживает семья ответчика, и являются ли законными действия судебного исполнителя, продававшего дом с публичных торгов. Кроме того, если даже и будет установлено, что дом принадлежит истнице, то и тогда решение суда о выселении семьи ответчика нельзя признать достаточно обоснованным. Согласно ст. 169 ГК РСФСР один факт перехода права собственности от одного лица к другому поводом для расторжения договора найма служить не может, так как этот договор сохраняет свою силу и для нового собственника. Не подтверждает правильности решения суда о выселении ответчика и то обстоятельство, что истица нуждается в жилой площади дома для личного проживания, поскольку в момент приобретения этого дома ей было известно, что такой дом заселен квартиросъемщиками, выселе-

ние которых прямо пре

Или дру
ла к Шест
лении из
ствие ну
щади. Дн
рассмотр
иск Мирс
коллегия
ного суда
протесту
СССР, от
и направи
указав: «К
Шестакова
истицы по
нат площа
ца действи
и в силу
Верховног
1940 г. им
для нее
семьи жил
не означа
это сделал
стаковой
ими жилой
установлен
истицы в
из комнат
они продо
спорной п.
имеют»².

Постанов
17 октября
что из до
организаци
отмечены:
стративном
только в с
ложением
ление, обя
мому годн

Так лиц
вым догов
лежащем
уволенного
по сокращ
лено согла
и СНК

в судебн
другой жи

При рас
домов вед
нять, когд
чил ответч
в зависимо
прос о вык

Рыбкомб
о выселени
ответчиков
того, что с
вых отнош

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 35—38.

¹ «Судеб
СССР» 195

² «Судеб
СССР» 195

ние которых возможно лишь в случаях, прямо предусмотренных законом»¹.

Или другой пример. Миронова предъявила к Шестаковой и Морозову иск о выселении из принадлежащего ей дома вследствие нуждаемости ее в жилой площади. Днепропетровский областной суд, рассмотрев это дело по первой инстанции, иск Мироновой удовлетворил. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, отменила решение народного суда и направила дело на новое рассмотрение, указав: «Как видно из материалов дела, Шестакова и Морозов занимали в доме истицы по договору найма несколько комнат площадью более 50 кв. м. Если истица действительно не имеет жилой площади в силу п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. имеет право требовать освобождения для нее и для нуждающихся членов ее семьи жилой площади в ее доме, то это не означает, что должно последовать, как это сделал суд, выселение ответчиков Шестаковой и Морозова со всей занимаемой ими жилой площади. В этом случае и при установлении факта нуждаемости семьи истицы в жилой площади суд может одну из комнат оставить ответчикам, поскольку они продолжительное время проживали на спорной площади и другой площади не имеют»².

Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. (ст. 32) устанавливает, что из домов учреждений, предприятий и организаций выселение, за исключением отмеченных случаев выселения в административном порядке, может быть допущено только в судебном порядке и только с возложением на органы, производящие выселение, обязанности предоставить выселяемому годное для жилья помещение.

Так лицо, получившее в связи с трудовым договором помещение в доме, принадлежащем учреждению, и впоследствии уволенного с работы по не пригодности или по сокращению штатов, может быть выселено согласно ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. в судебном порядке с предоставлением другой жилой площади.

При рассмотрении дел о выселении из домов ведомств следует тщательно выяснять, когда и по какому основанию получил ответчик жилую площадь в доме, ибо в зависимости от этого разрешается вопрос о выселении.

Рыбкомбинат обратился в суд с иском о выселении из принадлежащего ему дома ответчиков Бородинки и Колышевой ввиду того, что ответчики не находятся в трудовых отношениях с госрыбкомбинатом и что

помещение, занимаемое ими, необходимо для использования под контору комбината. Народный суд г. Уральска Западно-Казахстанской области отказал в иске рыбкомбинату по тем основаниям, что истец не представил суду данных о предоставлении ответчику взамен занимаемой другой жилой площади. Западно-Казахстанский областной суд оставил решение народного суда в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, отменила решение народного суда и определение областного суда и дело направила на новое рассмотрение, указав: «Суд не выяснил по настоящему делу, когда и на каком основании вселились ответчики на спорную площадь. Равно не установлено по делу и то, почему дом, в котором находится спорная площадь, был передан из муниципального фонда в ведение рыбкомбината. Выяснение этих обстоятельств имеет существенное значение для дела. Если будет установлено, что указанный дом все время принадлежал госрыбкомбинату и спорная площадь была предоставлена ответчикам в связи с трудовыми отношениями с истцом, которые прекратились по причинам, дающим право на административное выселение, то суд вообще тогда неправильно принял это дело к своему производству, как ему неподсудное (ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.). Если же окажется, что дом, в котором проживали ответчики, был передан рыбкомбинату в обмен на другой дом, принадлежавший рыбкомбинату, тогда последний, если и может требовать выселения ответчиков по мотивам отсутствия у них с собственником дома трудовой связи, то только в порядке ст. 32 указанного закона, т. е. при условии предоставления выселяемым другого годного для жилья помещения»³.

При выселении по основаниям, предусмотренным ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., обязанность предоставления другого годного для жилья помещения лежит на истце.

Так в определении по иску Сельскохозяйственного института имени Берия к Кикачейшвили о выселении Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменяя состоявшееся по делу решение и определение и направляя дело на новое рассмотрение, указала: «Удовлетворяя иск Сельскохозяйственного института о выселении ответчика Кикачейшвили по мотивам отсутствия у ответчика трудовой связи с истцом, суд возложил обязанность предоставления ответчику другой жилой площади на Тбилисское жилищное управление.

Между тем, согласно ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 3, стр. 32—33.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 5, стр. 34—35.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 9, стр. 41—42.

1937 г. обязанность предоставления жилой площади в случае выселения по мотивам отсутствия трудовой связи с органом, производящим выселение, лежит на последнем, т. е. в данном случае на истце — Сельскохозяйственном институте имени Берия, но не на жилищном управлении Тбилисского городского Совета, как это решил суд¹.

В домах учреждений, предприятий проживают и лица, получившие жилое помещение не в связи с трудовым отношением. В судах встречаются дела о выселении таких лиц. При рассмотрении таких исков народные суды должны руководствоваться ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. и ст. 23 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. Пленум указал: «Съемщики, а равно проживающие с ними члены семьи, получившие жилое помещение в домах учреждений, предприятий и организаций не в связи с трудовыми отношениями, а в порядке обмена на принадлежавшую им площадь или вселившиеся в помещение до перехода дома в ведение учреждения, предприятия и организации, могут быть выселены из занимаемых ими помещений по мотивам отсутствия у них трудовой связи с учреждением, предприятием и организацией только в судебном порядке в соответствии со ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. с предоставлением жилой площади, удовлетворяющей санитарным требованиям и равной по площади той, какую они занимают на момент предъявления к ним требования о выселении. Если жилое помещение было получено съемщиком в порядке обмена, то при выселении его на основании ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. выселяемому предоставляется другая жилая площадь, удовлетворяющая санитарным требованиям, и в размере не менее той, какую он сдал при обмене учреждению, предприятию или организации».

Семенова в течение тридцати лет проживала в доме, перешедшем впоследствии в ведение Госплана СССР. Управление делами Госплана СССР обратилось в народный суд 2-го участка Бауманского района г. Москвы о выселении Семеновой. В своем исковом заявлении управление делами Госплана указывало на возможность предоставления ответчице взамен занимаемой площади в доме Госплана комнаты размером 21,8 кв. м в доме № 50 муниципального фонда по ул. Осипенко. Народный суд отказал в иске, так как на суде выяснилось, что помещение, предоставляемое Семеновой, — сырое и не пригодно для жилища. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора,

признала решение народного суда правильным².

На практике иногда возникает вопрос о порядке выселения съемщиков, проживающих в домах местных Советов, впоследствии закрепленных за отдельными ведомствами. Такие иски должны решаться на основаниях, указанных в ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

Забельский со своей семьей с 1929 г. проживал в г. Киеве в квартире из двух комнат и кухни в доме № 1 по ул. Малой Ореховатке. Дом, в котором проживал Забельский, принадлежал Кагановичскому районному совету. По постановлению СНК Украинской ССР территория по ул. Малой Ореховатке была передана в ведение Центрального республиканского ботанического сада Академии наук Украинской ССР. Дирекция ботанического сада предъявила в суде иск о выселении Забельского и о передаче занимаемой им квартиры в распоряжение дирекции ботанического сада. Народный суд 1-го участка Кагановичского района г. Киева удовлетворил иск. Определением Киевского областного суда решение народного суда оставлено в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, отменила решение народного суда и определение областного суда и направила дело на новое рассмотрение, указав: «Решение суда о выселении Забельского без предоставления жилой площади является неправильным и противозаконным, так как оно внесено в нарушение ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. и п. 23 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. Поскольку Забельский проживал в доме до перехода его в ведение истца, он, Забельский, мог быть выселен лишь с предоставлением ему другой жилой площади».

Приведенные выше основания к выселению относятся к случаям, когда между истцом и ответчиком заключен договор жилого найма и самый иск о выселении носит характер расторжения этого договора. На иных основаниях должны рассматриваться иски о выселении лиц, не имеющих права постоянного пользования жилой площадью. Эти лица подлежат выселению по требованию истца в силу самого факта отсутствия у них права на жилую площадь.

В силу ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., жилые помещения в домах местных Советов предоставляются в пользование гражданам исключительно по распоряжению (ордерам) жилищного управления отдела коммунального хозяйства местного Совета, а в домах

государственных и общественных ими домам распоряжением

Право на стных Советов за лицами, по ордера, по должностного

Судебная лам Верховного от 20 января ского городского Кокшишу о въ протесте на Кокшиша откр комнату, то так как отк ветчика Кок постановлении 17 октября 1 ной. Матери: лицевой счет основании ед чальника гор ния, котором единоличного щадью в дом

В то же е новления ЦИ ря 1937 г., советов пред помещения в домах местн

В определе дебная колл Верховного с: надзора все иску Паргенти ии, указала указал в свои ната занята жилищного у Однако, согл ЦИК и СНК жилищное у предоставляет лые помещен местных Советов жщих гражд Таким образом, что спо по распоряже является непра

Открытие л ордера само площадь. Мос иск о высел комнаты, рас Мерзляковского нование своих отдел указал, ранее принад выехала на п

¹ «Судебная практика» 1951 г. № 2, стр. 37—38.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 3, стр. 31.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 28—29.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г.

государственных учреждений, предприятий и общественных организаций и арендованных ими домах предоставляются работникам распоряжением администрации.

Право на жилую площадь в домах местных Советов не может быть признано за лицами, получившими эту площадь без ордера, по единоличному распоряжению должностного лица.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в определении от 20 января 1951 г. по иску Житомирского городского жилищного управления к Кокишу о выселении указала: «...ссылка в протесте на то, что, поскольку на имя Кокиша открыт лицевой счет на спорную комнату, то он не подлежит выселению, так как открытие лицевого счета на ответчика Кокиша не противоречит ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., является необоснованной. Материалами дела установлено, что лицевой счет на имя Кокиша открыт на основании единоличного распоряжения начальника городского жилищного управления, которому не предоставлено право единоличного распоряжения жилой площадью в домах местного совета»¹.

В то же время, согласно ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., жилищные органы местных советов предоставляют свободные жилые помещения в пользование граждан лишь в домах местных советов.

В определении от 25 ноября 1950 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменяя в порядке надзора все решения и определения по иску Паргентяня к Шигирадзе о выселении, указала: «...суд, отказывая в иске, указал в своем решении, что спорная комната занята ответчиком с разрешения жилищного управления местного Совета. Однако, согласно ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1938 г., жилищное управление местных Советов предоставляет в пользование свободные жилые помещения гражданам лишь в домах местных Советов, а не в домах, принадлежащих гражданам на праве собственности. Таким образом отказ в иске по тем мотивам, что спорная комната была заселена по распоряжению жилищных органов, является неправильным»².

Открытие лицевого счета при отсутствии ордера само по себе не дает права на площадь. Мосжилотдел предъявил в суде иск о выселении ответчицы Зельцер из комнаты, расположенной в д. № 13 по Мераляковскому пер. в г. Москве. В обоснование своих исковых требований Мосжилотдел указал, что спорная жилая площадь ранее принадлежала Слободской, которая выехала на постоянное жительство в Ленин-

град, а перед отъездом переуступила площадь в г. Москве ответчице Зельцер, добившись при этом перевода на имя последней лицевого счета. Народный суд 4-го участка Краснопресненского района г. Москвы признал, что ответчица Зельцер права на спорную площадь не имеет, и, исходя из этого, удовлетворил иск Мосжилотдела о ее выселении. Московский городской суд оставил решение народного суда в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, признала решение народного суда правильным и отклонила протест.

Коллегия указала: «Спорная площадь ранее принадлежала гр-ке Слободской, которая перед своим отъездом на постоянное жительство в Ленинград переуступила эту площадь ответчице Зельцер. Возбуждая ходатайство об открытии лицевого счета на имя Зельцер, Слободская указывала, что Зельцер является ее сестрой. По делу же установлено, что ответчица Зельцер никогда членом семьи Слободской не являлась, в Москве ранее не проживала и вселилась на спорную площадь в 1945 г. в качестве временного жильца, а потому самостоятельного права на эту площадь приобрести не могла»³.

В инструкции НКХ и НКЮ РСФСР от 27 января 1934 г.⁴ указано, что право постоянного пользования жилой площадью принадлежит как самому пользователю, так и постоянно проживающим с ним членам его семьи и иждивенцам независимо от возраста и от того, на имя какого члена данной семьи открыт домоуправлением личный финансовый счет.

Каждый член семьи считается занимающим равную долю общей площади данной семьи независимо от того, в какой комнате он фактически проживает.

В отличие от постоянного пользователя жилой площадью и членов его семьи временные жильцы независимо от срока своего проживания не приобретают никакого права на фактически занимаемую ими жилую площадь и обязаны освободить ее в случае выезда всей семьи постоянного пользователя, равно по истечении срока, на который они вселены, при отсутствии определенного срока — в течение одного месяца после предупреждения постоянным пользователем. Суд при решении вопроса о том, является ли лицо постоянным пользователем жилой площади или временным жильцом, должен исходить не из каких-либо формальных моментов, а из действительных правоотношений сторон, связанных с пользованием жилой площадью.

В определении от 11 января 1950 г. по иску Суханина к Суханиной о выселении Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала: «Выводы

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 6, стр. 37—38.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 39—40.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 30.

⁴ «Бюллетень НКХ РСФСР» 1934 г. № 5.

суда, что ответчица Суханина проживает в комнате размером в 9 кв. м временным жильцом, основаны лишь на том, что занимаемая ею комната оплачивается по лицевому счету истца, который с момента вселения и до настоящего времени проживает с семьей в комнате размером 13 кв. м. Между тем для признания Суханиной временным жильцом одного только факта оплаты спорной площади по единому лицевому счету жилья еще недостаточно, и суд при разрешении дела должен был исходить из фактических взаимоотношений сторон, связанных с пользованием жилой площадью... Из дела видно, что спорная комната никогда в пользовании истца не находилась, а в ней с 1931 г. проживает ответчица, причем до 1941 г. она проживала в этой комнате со своим мужем, совместно с которым переоборудовала комнату с разрешения домоуправления из нежилого подсобного помещения. Истец и ответчица являются родственниками, ввиду чего ответчица факту включения ее комнаты в лицевой счет истца не придавала значения, тем более, что в течение восемнадцати лет истец на комнату ответчицы не претендовал и прав истца не оспаривал («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11, стр. 30—31).

Временная прописка не является обстоятельством, предвещающим отсутствие у лица права на жилую площадь, на которой оно было временно прописано при вселении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев 17 февраля 1951 г. в порядке надзора дело по иску Корниловой к Рудневу о разделе жилой площади и по встречному иску Руднева к Корниловой о выселении, указала: «...истца Корнилова живет в комнате совместно со своим братом Рудневым свыше 20 лет. Никаких указаний на то, что отношения между Корниловой и Рудневым были отношениями нанимателя с поднаемником, в деле нет, и на это не ссылается ни Руднев, ни домоуправление. Признавая Корнилову временным жильцом на том основании, что в 1929 г. она имела временную прописку в гор. Москве, суд впал в явное противоречие с действительностью и придал акту прописки значение юридического факта, определяющего право на жилую площадь, что является неправильным. На основании изложенного, считая, что решение суда о признании Корниловой, безвыездно проживающей на спорной площади более двадцати лет, временным жильцом и об ее выселении противоречит фактическим обстоятельствам и имеющимся

в деле материалам, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила отменить решение Московского городского суда и определение Верховного суда РСФСР и дело передать на новое рассмотрение»¹.

У сьемщиков жилых помещений могут образоваться излишки жилой площади. Закон (ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах») устанавливает, что, если во время действия договора у сьемщика образуется излишек жилой площади против установленных жилищных норм в виде изолированной комнаты, местный Совет или соответственно администрация государственного учреждения, предприятия и общественной организации может использовать этот излишек по своему усмотрению; при этом местные Советы получают право использования указанных излишков жилой площади в том лишь случае, если сьемщик в течение трех месяцев после соответствующего предупреждения со стороны жилищного управления не заселил по своему усмотрению образовавшегося у него излишка жилой площади.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. освободившаяся проходная или смежная с проходной комната не подлежит изъятию и должна поступить в пользование сьемщика комнаты, связанной проходом с освободившейся комнатой. Это указание Пленума распространяется также и на жилые помещения в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, кроме случаев, когда проходная или смежная с проходной комната необходима для личного проживания владельца дома и совместно с ним живущих членов семьи².

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. при постановлении решения о выселении суды обязаны в резолютивной части решения точно указать по имени, отчеству и фамилии всех совершеннолетних лиц, подлежащих выселению.

В соответствии с этим Верховный суд СССР в своей надзорной практике указывает, что при решении вопроса о выселении следует вызывать всех совершеннолетних членов семьи, заинтересованных в исходе дела.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 5, стр. 40—41.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 11, стр. 36.

Ревизи
органов
тельности
менной г
ответстве
но на р
фигурой
истинции.
с руково
низация
ревизоро
бота с и
литическо
ции есть
их задач
Издан
в июне
обогатил
возможн
вого в с
ретически
Так, в Р
юстиции
оператив
закрепле
ных суд
повысилс
ров за с
но изуча
прикрепл
опыт, во
нию общ
стали бс
зывая те
на мест
ревизий
на месте
на опера
управлен
зультаты.
Я хочу
дения ре
Ревизи
части: 1)
ка деяте
3) контр
данных н
а также
Залого
народног
тительн
лам, име
ния юсти
организа
ления об
приговора
пившие г
ный суд,

ЗАМЕТКИ РЕВИЗОРА ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ

Ревизия — основное средство контроля органов министерства юстиции над деятельностью судов и оказания им своевременной помощи в работе. Выполнение этой ответственной и почетной задачи возложено на ревизора, являющегося центральной фигурой в аппарате органов министерства юстиции. Он живой нитью связывает суды с руководством. Поэтому правильная организация ревизионной работы, использование ревизоров по назначению, повседневная работа с ними по повышению их идейно-политического уровня и деловой квалификации есть залог успешного выполнения ими их задач.

Изданные Министерством юстиции СССР в июне 1949 года методические указания обогатили ревизионную работу, дали возможность ревизорам вносить чувство нового в свою работу, использовать свои теоретические возможности, опыт, инициативу. Так, в Рязанском управлении министерства юстиции РСФСР в целях конкретного и оперативного руководства каждый ревизор закреплен за определенной группой народных судов по зональному принципу. Это повысило чувство ответственности ревизоров за свою работу. Они стали повседневно изучать работу судов, к которым они прикреплены, обобщать их положительный опыт, во время принимать меры к устранению обнаруженных недостатков. Ревизоры стали больше выезжать на ревизии, оказывая тем самым помощь народным судьям на месте. Такое интенсивное проведение ревизий с оказанием наибольшей помощи на месте, а затем при обсуждении итогов на оперативном совещании при начальнике управления юстиции дало значительные результаты.

Я хочу поделиться своим опытом проведения ревизий.

Ревизию народного суда я делю на три части: 1) подготовка к ревизии, 2) проверка деятельности народного суда на месте, 3) контроль над исполнением указаний, данных народному суду по итогам ревизии, а также предложений по акту.

Залогом успешного проведения ревизии народного суда является всесторонняя и тщательная подготовка к ней по материалам, имеющимся в распоряжении управления юстиции, областного суда и других организаций. Для этого изучаются определения областного суда по обжалованным приговорам и решениям, жалобы, поступающие в управление юстиции на народный суд, по статическим отчетам прове-

ряется поступление дел основных категорий, устанавливаются остатки нерассмотренных дел на конец каждого месяца, изучаются материалы предыдущих ревизий и т. д.

На практике я поступаю так. Все определения областного суда по обжалованным приговорам и решениям изучаю по отдельным категориям дел, для чего подсчитываю число обжалованных решений или приговоров по каждой категории дел. Дела с отмененными приговорами или решениями выписываю на отдельный лист, кратко излагая причины отмены.

Такая работа позволяет установить ошибки и недостатки, допущенные судом по отдельным категориям дел. Это значительно облегчает работу по выяснению на месте причин, породивших эти ошибки.

Изучение определений областного суда дает ревизору возможность во время подготовки дополнительно изучить текущее законодательство, которое слабо усвоено народным судьей, и помочь ему на месте разобраться в тех законах, при применении которых суд допустил ошибку.

Во время подготовки пристальное внимание уделяется изучению жалоб, поступивших в управление юстиции на работу суда, ибо каждая жалоба содержит прямое указание на те или иные недостатки работы народного суда. Так при подготовке к ревизии народного суда 1-го участка Рязанского района было установлено, что на суд в четвертом квартале 1950 года поступило десять жалоб только на невысылку копий решений сторонам. При проверке на месте подтвердилось, что секретарь участка халатно относилась к исполнению своих служебных обязанностей, не выполняла требования п. 55 инструкции о делопроизводстве, работу запустила, хотя и имела уже взыскания за это. Пришлось позаботиться о замене такого секретаря участка, что ныне и сделано.

Не менее важен во время подготовки анализ остатка нерассмотренных дел и сроков прохождения дел. Обычно наличие большого остатка объясняется тем, что народный судья не занимается должной судебной подготовкой (особенно по гражданским делам), что приводит к откладыванию дел слушанием в судебном заседании из-за необходимости истребования различных документов или вызова дополнительных свидетелей.

Большой остаток нерассмотренных гражданских дел в народном суде Сапожков-

ского района и анализ кассационной практики надели меня на мысль, что народный судья недостаточно серьезно занимается гражданскими делами. Это подтвердилось полностью при прозрке на месте: немало незарегистрированных исковых заявлений лежали в столе у судьи более чем с месячной давностью. Как выяснилось, причинами такого ненормального положения было то, что исковые заявления принимались формально, без проверки их реквизитов, без наличия соответствующих документов, ответчики по наиболее сложным делам в суд не вызывались, т. е. требование закона (ст. ст. 80, 80а ГПК) о предварительной подготовке дел не соблюдалось. Неудивительно, что в судебном заседании большинство дел откладывалось слушанием за отсутствием отдельных документов, за невызовом дополнительных свидетелей и пр. Именно это и повело к накоплению нерассмотренных дел, что в свою очередь создавало удлинение сроков их рассмотрения и рост остатка из месяца в месяц.

После анализа всех наличных материалов о работе народного суда я беседую с начальником управления юстиции, с председателем областного суда и с членом суда, прикрепленным к данному народному суду. Их замечания о работе народного суда во многом дополняют подготовку.

Изучив все материалы, я составляю план предстоящей ревизии. В начале плана указывается период, за который проводится ревизия, и срок ее проведения, затем основные отрасли деятельности народного суда, подлежащие проверке, с учетом собранных во время подготовки материалов, кроме того, указываются вопросы, вытекающие из особенностей работы данного народного суда. Ревизия народного суда — большое творческое дело. Поэтому на месте я не ограничиваюсь проверкой только того, что запланировано, а подробно изучаю всю работу народного суда. План ревизии утверждается начальником управления юстиции.

Ревизор должен быть старшим товарищем по отношению к народному судье, а вовсе не каким-то администратором. Он должен уметь не только вскрывать недостатки и ошибки, но и устанавливать их причины. Поэтому для проведения ревизии народного суда наряду с тщательной подготовкой к ней необходим высокий общий политический и юридический кругозор ревизора, достигаемый при систематической работе над пополнением своих знаний, при самокритическом анализе своей работы, при изучении передового опыта работников.

По прибытии в народный суд, я дополнительно планирую и распределяю свое рабочее время по основным отраслям. Это помогает мне целеустремленно и с напряжением сил, но без вредной спешки провести ревизию. Наиболее сложной проверкой я занимаюсь по вечерам, когда легче сосредоточиться.

Несколько слов о рабочем месте. Я стараюсь избегать кабинетного уединения и, как правило, работаю в канцелярии суда. Это имеет свое преимущество. Немыслимо в однократной беседе с тем или другим сотрудником, без дальнейшей общности с ним раскрыть и понять его истинную ценность как работника. Когда же на протяжении ревизии непосредственно наблюдаешь за сотрудниками в их повседневной работе, в их обращении с посетителями, когда то и дело обращаешься к ним и сам отвечаешь на их вопросы, к концу ревизии складывается определенное мнение о работоспособности каждого из сотрудников в отдельности, о степени его культуры, об его культурных запросах. Это позволяет при составлении акта сделать почти безошибочный вывод о работниках народного суда.

Ревизию я начинаю с беседы с народным судьей по поводу того, как он работает над повышением своего идейно-политического уровня и юридической квалификации, относительно роли народного суда в общественно-политической жизни района, о взаимоотношениях народного суда с руководящими органами района, об общественно-политической работе народного суда и т. д. По некоторым вопросам между нами происходит обмен мнениями, уточняются некоторые подробности работы. Это превращает нашу беседу в разговор двух равноправных товарищей. Умение найти сразу общий товарищеский язык с народным судьей очень важно при ревизии.

В беседе я разъясняю народному судье, что цель ревизии не только в отыскании недостатков, а в установлении и положительных сторон работы суда, в совместном анализе причин допущенных нарушений закона, в принятии мер к их устранению. В беседе я обычно спрашиваю у народного судьи, какова его собственная оценка работы народного суда, что он признает положительным в работе, какие, на его взгляд, есть недостатки. Судьи еще не всегда занимаются повседневным анализом судебной работы, поэтому такие вопросы, по моему, целесообразно им ставить.

Особенное внимание обращается на усвоение народным судьей текущего законодательства, постановлений Пленума Верховного суда СССР, директивных указаний Министерства юстиции СССР и Министерства юстиции РСФСР.

После беседы с народным судьей я ставлю в известность о предстоящей ревизии руководящие органы района путем посещения и беседы с секретарем райкома ВКП(б) и председателем районного исполкома. Также беседую я и с прокурором района. Информация руководящих органов ценна для ревизии народного суда тем, что эти органы рекомендуют ревизору для проверки дополнительные вопросы, интересующие их.

Нам очень важна оценка работы суда

руководящих информации, дробно изловую подготовку, беседа, специальное внимание исполнее ответств я рекомен народного т. Жиркову но Московс кретаря суд 1-го участка (сейчас они переведена чской шко. вопрос о з стоящую, ственно на мя обсуди рядок пови за рекомен.

Важное проверке с суда. Сюда боты, при избирателям дателями, суда, обобии гие вопросы.

Кроме ос дую народ работы кон участка и

Присутст особенное культурност с посетител разрешение яснение зак ник народа, щении с гр

Отчеты е телями име щение, явля тельством подлинно н сти подотче повышают го судьи, т Поэтому л ного собра Не менее г народного суд лями.

Так наг т. Рязани ставит в и. союзную учреждения щем отчет дят об это коллектива Тов. Андри пагандой с ее отдельн практики, дел, поступ

руководящими органами района. После информации руководящих органов я подробно изучаю идейно-политическую и деловую подготовку аппарата народного суда путем беседы с каждым сотрудником. Сpecially внимание я обращаю на возможность использования лучших из них на более ответственной работе. Так, в 1951 году я рекомендовал для выдвижения секретаря народного суда Сапожковского района т. Жиркову, окончившую в 1950 году заочную Московскую юридическую школу, и секретаря судебных заседаний народного суда 1-го участка Рязжского района т. Степанову (сейчас она работает секретарем участка, переведена на третий курс заочной юридической школы). Однако хотелось бы, чтобы вопрос о зачислении в резерв на вышеупомянутую должность решался непосредственно на оперативном совещании во время обсуждения итогов ревизии, — такой порядок повысит ответственность ревизора за рекомендуемые кандидатуры.

Важное место при ревизии отводится проверке организации работы народного суда. Сюда относятся: планирование работы, прием посетителей, отчеты перед избирателями, занятия с народными заседателями, осмотр помещения народного суда, обобщение судебной практики и другие вопросы.

Кроме основных мероприятий, я рекомендую народным судьям включать в планы работы контроль над работой секретаря участка и судебного исполнителя.

Присутствуя на приемах народного судьи, особое внимание я обращаю на его культурность и вежливость в обращении с посетителями, на чуткое и внимательное разрешение их жалоб, на терпеливое разъяснение законов. Советский судья, избранный народом, должен быть образцом в обращении с гражданами.

Отчеты народного судьи перед избирателями имеют большое политическое значение, являясь самым наглядным доказательством того, что советские суды — подлинно народные и в своей деятельности подотчетны народу. Отчетные собрания повышают авторитет как самого народного судьи, так и народного суда в целом. Поэтому подготовка и проведение отчетного собрания имеют огромное значение. Не менее важно отношение и самого народного судьи к отчетам перед избирателями.

Так народный судья 5-го участка г. Рязани т. Андрианов заблаговременно ставит в известность партийную и профсоюзную организации, администрацию учреждения или предприятия о предстоящем отчетном докладе, последние доводят об этом до сведения каждого члена коллектива и организуют собрание. Тов. Андрианов увязывает отчеты с пропагандой советских законов, иллюстрируя их отдельными примерами из судебной практики, главным образом примерами из поступивших из того учреждения, где

происходит отчет. Хорошо подготовленный и сделанный отчет вызывает большой интерес избирателей. Например, работники ст. Рязань в своих выступлениях по отчетному докладу т. Андрианова говорили не только о работе народного суда, но вскрывали недостатки и в своей собственной работе. Подобное собрание создает атмосферу морального бойкота и презрения вокруг преступников, делает невозможным их существование в нашей среде, помогает искоренять бракодельство и халтуру в работе.

Метод организации и проведения отчетов т. Андрианова я популяризирую во время ревизий среди других народных судей.

Важную роль в деятельности народного суда играет организация и проведение занятий с народными заседателями в соответствии с приказом Министерства юстиции СССР. Во время ревизий я всегда присутствую на этих занятиях, часто сам выступаю перед народными заседателями с лекциями на правовые темы. В сельской местности рекомендуется также занятия проводить для ряда сел, так как из-за дальности расстояния не всегда возможно собрать всех народных заседателей в районный центр.

Большую помощь приходится оказывать народным судьям по изучению и обобщению судебной практики. Пока это слабый участок работы. Поэтому во время ревизии я совместно с народным судьей изучаю и обобщаю одну-две категории дел. С народным судьей г. Касимова т. Родионовой мною обобщена судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г. С народным судьей 1-го участка Бельковского района т. Титовым обобщена судебная практика по делам, связанным с гибелью общественного скота. С народным судьей 2-го участка г. Рязани обобщена судебная практика по искам к базе «Лесбыт». Принципиальные вопросы по результатам обобщения ставились на решение перед местными руководящими партийными и советскими организациями и обсуждались на междуведомственных совещаниях работников суда, прокуратуры, милиции и других организаций. Иногда составляется развернутый план обобщений по какой-либо из категорий дел, после чего народный судья уже самостоятельно занимается обобщением. Для обобщений выбирались характерные и имеющие значение для данного района категории дел.

Управление министерства юстиции разослало народным судьям развернутый план обобщения практики по делам, связанным с хищениями и растратами материальных ценностей в системе потребительской кооперации. По представлении этих обобщений в управление юстиции они подвергнутся там общему анализу, общий результат которого будет доведен до сведения народных судей.

Проверка работы канцелярии в начале

ревизии дает мне возможность помочь секретарю народного суда к концу ревизии устранить недостатки делопроизводства, судебной статистики и пр. В отдельных случаях приходится обязывать секретарей подробно изучить инструкцию о делопроизводстве и потом проверять ее усвоение.

Проверка работы канцелярии до изучения уголовных и гражданских дел помогает иногда вскрыть причины нарушений закона в судебной работе. Приведу такой пример. Во время ревизии народного суда Касимовского района (народный судья т. Ершова) мне особенно хотелось вскрыть причины низкого качества работы суда по рассмотрению гражданских дел, так как т. Ершова опытный народный судья, а поступление дел в суд незначительное. Просматривая журнал судебных заседаний, я обратил внимание на то, что в отдельные дни слушалось много гражданских дел, между тем как ежемесячно проводилось небольшое число судебных заседаний. Рассмотреть много дел в одном судебном заседании физически трудно. Я установил, что рассмотрение многих гражданских дел в одном заседании достигалось путем грубого нарушения процессуальных норм. Народный судья, не вставая из-за судебного стола, рассматривал эти дела, объявляя сторонам лишь о том, кому присужден иск, кому в нем отказано, а народные заседатели потом до поздней ночи писали решения. Так была вскрыта основная причина плохого качества судебной работы по гражданским делам, объясняющаяся недобросовестным отношением народного судьи к своим служебным обязанностям.

Изучение уголовных и гражданских дел отвечает на основной вопрос ревизии, обеспечила ли работа суда правильное применение закона. Следовательно, изучение дел требует особенно серьезного отношения ревизора. Предварительно я знакомлюсь с делами, уже назначенными к слушанию; проверяю, как их подготовил народный судья. Присутствую в подготовительных и судебных заседаниях, после чего делюсь своими замечаниями с народными судьями.

Некоторые судьи недооценивают роли подготовительных заседаний, вследствие чего проводят их на низком уровне, не обеспечивают полного и всестороннего рассмотрения дел, что приводит к неосновательному преданию суду, допускают нарушение тайны совещательной комнаты. Так народный суд Тумского района вынес определение по делу Чулановой при прокуроре района, который в это время писал кассационный протест. Помощник прокурора Ряжского района т. Перепелкин пришел в народный суд 1-го участка этого же района докладывать дело Подольского неподготовленным и без наблюдательного производства, за десять минут он переписал обвинительное заключение и по

записке докладывал дело. Подобное формальное отношение народного судьи к подготовительному заседанию явилось одной из причин низкого качества рассмотрения дел, на что было указано при ревизии.

В работе подготовительного заседания обращается внимание на правильность обращения дел к исследованию, на прекращение дел, на квалификацию преступлений, особенно на избранную меру пресечения, ибо большинство приостановленных уголовных дел приостановлено из-за того, что обвиняемые скрылись от суда. Во всех случаях я напоминаю народным судьям о точном и неуклонном соблюдении ст. 27 Закона о судостроительстве и постановления 54-го Пленума Верховного суда СССР о работе подготовительных заседаний.

Во время ревизии мне приходилось иногда вскрыть, что областной суд неправильно ориентирует народные суды по некоторым категориям дел. При ревизии народного суда 5-го участка г. Рязани, например, я обнаружил ряд дел, где по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» осуждены рабочие за продажу выданной им согласно трудовому договору в личное пользование постельной принадлежности. Областной суд оставил такие приговоры в силе. Эти дела мною сразу же были доложены начальнику управления юстиции и представлены председателю Верховного суда РСФСР для переквалификации преступлений осужденных на ст. 168 УК. Верховный суд РСФСР отменил определения областного суда, а приговоры народного суда изменил, переквалифицировав преступления на ст. 168 УК (впоследствии управлению юстиции пришлось истребовать такие же дела из других судов и представлять их в Верховный суд РСФСР).

Дела я изучаю последовательно по категориям. Такое изучение дает мне возможность получить цельное представление о качестве рассмотренных дел каждой категории в отдельности. Свои замечания по делам я начерно записываю, а потом обобщаю.

Во время изучения дел я проверяю сроки прохождения их, качество составления судебных документов. При установлении ошибок или нарушений закона я сразу же стараюсь доискаться до их причины. По изучении уголовных дел я беседую с народными судьями. В этой беседе окончательно устанавливаю причины допущенных ошибок и нарушений закона и вместе с народным судьей намечаю пути к их устранению. Такая беседа проводится и по изучении гражданских дел. Эти беседы помогают дополнительно проверить, насколько усвоил народный судья текущее законодательство.

Последнее, что я проверяю, — это состояние трудовой и государственной дис-

циплины аппарата исполнителя. Я обращаю на это внимание, чтобы помочь работе народного

суда. Важное значение имеет указание на недостатки в работе ревизии. При этом я объясняю причины их и судебной работы, чтобы помочь судьям.

Проверку я увязываю с условиями установления, установив методы и средства, чтобы добиться причин, мешающих работе, а также часть оправдательных исполнителей.

Сложным является с точки зрения проведения работы, чтобы суметь избежать труд на будущее, так как для изучения отношений — уловя излагаю народного в) уголовств д) работа по исполнению и государственных предложений, работы на изучение дел. К и граждан анализ в) моему, эти нежелательны по дел с разл ничиться, в конце причины делений законодательная ценя.

Специально положительно наставляю, добился и как их ну ревизия г. Касимов хороших п. Подробно судьи этого жил его

исполнителя аппарата суда и работу судебного исполнителя. Особенное внимание я обращаю на своевременное разрешение жалоб трудящихся. Путем анализа вскрываю причины, порождающие жалобы, с тем, чтобы помочь устранить их в последующей работе народного суда.

Важное значение имеет проверка выполнения указаний по итогам предыдущей ревизии. Проверяя выполнение этих указаний, я обращаю внимание на то, что именно сделал народный судья для выполнения их и как это отразилось на качестве судебной работы. Это помогает наметить новые предложения для улучшения работы суда.

Проверку работу судебного исполнителя я увязываю преимущественно с выполнением условий социалистического соревнования, устанавливая при этом, какими методами и формами судебный исполнитель добился их выполнения, или выясняя причины, мешавшие ему в этом. Финансовая часть проверяется путем проверки оправдательных документов по каждому исполнительному листу.

Сложным и трудным в ревизии для меня является составление акта, ибо дело заканчивается не только в том, чтобы хорошо провести ревизию, но также и в том, чтобы суметь четко и ясно отразить свой труд на бумаге в форме акта. Я стараюсь избегать составления громоздких актов, так как они, по отзывам судей, трудны для изучения, и придерживаюсь в этом отношении установки методических указаний — уложиться в 10—12 страниц. Акт я излагаю по следующему плану: а) кадры народного суда, б) организация работы, в) уголовные дела, г) гражданские дела, д) работа канцелярии, е) работа судебного исполнителя, ж) состояние трудовой и государственной дисциплины; затем идут предложения и выводы. К акту прилагается справка, характеризующая объем работы народного суда и сроки прохождения дел. Качество рассмотрения уголовных и гражданских дел я демонстрирую путем анализа важнейших категорий дел. По моему, это нагляднее и убедительнее, нежели показать несколько разнородных дел с различными ошибками и этим ограничиться, как делают отдельные ревизоры. В конце каждого раздела указываются причины допущенных недостатков и нарушений закона. Дается юридическая и политическая оценка их и пути их устранения.

Специальное внимание я обращаю на положительные стороны работы суда, устанавливаю, какими методами и формами добился их народный судья, показываю, как их нужно развить и закрепить. Так ревизия деятельности народного суда г. Касимова показала, что суд добился хороших показателей в судебной работе. Подробно изучив опыт работы народного судьи этого участка т. Родионовой, я изложила его в акте. Начальник управления

юстиции специальным приказом распространил опыт работы т. Родионовой среди судов области, а Министр юстиции СССР своим приказом объявил ей благодарность и выдал денежную премию.

О делах, по которым нарушен закон, и их числе занову в акт. Свой вывод о карательной практике по делам с применением ст. ст. 51, 53 УК, приговоры по которым вступили в законную силу, я излагаю свое мнение в отдельной докладной записке на имя начальника управления юстиции.

В предложениях по акту указываю то, что необходимо закрепить как положительное, и какие недостатки требуют устранения в дальнейшем.

Заключительным разделом акта является вывод по итогам ревизии. В нем дается политическая и юридическая оценка всей деятельности народного суда за ревизуемый период в полном ее объеме, а не только по количественным показателям оставленных в силе обжалованных или опротестованных приговоров и решений. Отмечается, как обеспечил суд применение советского закона по уголовным и гражданским делам, с показом этого на отдельных важнейших категориях дел. Указывается срок, к которому народный судья обязан сообщить начальнику управления юстиции об устранении недостатков в свете предложений по итогам ревизии.

После составления акта я знакомлю с ним народного судью и обстоятельно беседую с ним по итогам ревизии. Затем проводится производственное совещание с работниками канцелярии об итогах проверки состояния делопроизводства народного суда. Во всех случаях о результатах ревизии информируются местные руководящие партийные и советские органы.

По возвращении в управление юстиции, я докладываю о результатах ревизии непосредственно начальнику управления, представляя ему акт. У нас все акты утверждаются начальником управления, который делает по ним свои замечания.

Итоги ревизий обсуждаются на оперативных совещаниях с вызовом народного судьи и судебного исполнителя, с последующей посылкой в случаях необходимости письма народному судье от имени начальника управления юстиции.

Когда в народном суде за время ревизии вскрыто много недостатков, начальник управления юстиции дает народному судье до вызова его на оперативное совещание дополнительный срок, необходимый для их устранения. Такой опыт дает положительный результат. Например, при ревизии работы народного суда Ново-Деревенского района я установил ряд существенных недостатков: не планировалась работа, не были организованы занятия с народными заседателями, не проводились отчеты перед избирателями и др. Через два месяца народный судья т. Чибизова доложила на оперативном совеща-

нии при начальнике управления юстиции, что большинство вскрытых недостатков устранено. Работа стала проводиться по плану, организованы занятия с народными заседателями, проведено несколько отчетов перед избирателями, значительно улучшилось качество рассмотрения уголовных и гражданских дел. Это давало основание к заключению, что т. Чибизова сделала правильные выводы из результатов ревизии и способна с той помощью, которая ей оказана во время ревизии, устранить имеющиеся недостатки до конца и поднять на должный уровень судебную работу.

За исполнением предложений по акту ревизии и указаний начальника управления юстиции, изложенных в письме, за работой народного суда после ревизии я осуществляю систематический контроль. Слежу за тем, чтобы к сроку, указанному в акте ревизии, народные судьи своевременно присылали в управление юстиции специальные докладные записки о выполнении указаний по итогам ревизии.

По мере надобности в отдельных случаях после ревизии проводятся контрольные проверки работы судов; в 1951 году я сделал три таких проверки.

В целях контроля над работой судов, к которым я прикреплен, ежеквартально я подвожу итоги кассационной практики по обжалованным и опротестованным приговорам и решениям. Об обнаруженных недостатках довожу до сведения судей. Кроме этого, обобщаю другие материалы, характеризующие работу судов: жалобы, статистические отчеты и карточки на осужденных и т. д. Обобщив таким образом работу судов за квартал, я доложил начальнику управления юстиции о необходимости посылки в ряд народных судов специальных писем с целью устранения вскрытых недостатков их работы. Начальник управления согласился, и эти письма были посланы, причем исполнение изложенных в них указаний взято на контроль.

По-моему, важным средством контроля над деятельностью судов и оказания им своевременной помощи в работе является повседневная деловая связь ревизоров с членами областного суда, так как и ревизоры и члены областного суда прикреплены к определенным группам судов. Член суда может своевременно сообщить ревизору о допущенном нарушении закона в случае отмены приговора или решения

и основательно разъяснить народному судье, в чем заключается нарушение закона и как правильно его применять. Однако у нас такой связи нет, а необходимость ее бесспорна. Это объясняется тем, что члены областного суда почему-то неохотно идут на обшение с ревизорами, а руководители областного суда и управление юстиции не занимались этим вопросом по-настоящему. Кроме того, у нас мало совместных совещаний с членами областного суда для обсуждения вопросов, связанных с улучшением оказания помощи в работе народным судам за счет ревизионной работы.

Для повышения деловой квалификации начальник управления юстиции систематически проводит производственные совещания с ревизорами, обсуждая акты ревизий, доклады о формах и методах проверки отдельных отраслей деятельности народного суда.

Сейчас мы, ревизоры, принимаем меры к дальнейшему подъему ревизионной работы.

Несколько вопросов требуют, на мой взгляд, уточнения и пересмотра отдельных положений методических указаний. В методических указаниях не решен вопрос о том, как именно должен отражать ревизор в акте вывод о состоянии карательной практики в целом по вступившим в законную силу приговорам (имеются в виду дела, не бывшие предметом рассмотрения в вышестоящих судах). Не указано, как следует практически излагать вывод и давать оценку работе народного суда, каким требованиям должен отвечать акт по форме и по содержанию. В п. 26 записано, что в приложенной статистической справке требуется показать отмену приговоров и решений, а в п. 14 указано, что ревизор должен установить, по каким преимущественно основаниям отменены приговоры и решения. Следовательно, уместнее в единой связи отмену приговоров и решений показывать не в статистической справке, а в разделах об уголовных и гражданских делах. Не решен вопрос о посылке писем по итогам ревизий народным судьям: требуется ли это делать во всех случаях или только по мере надобности. Практика по этому вопросу противоречива.

Ревизор управления МЮ РСФСР
по Рязанской области
А. Меркушев

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ВЫПУСКОМ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ, НЕКОМПЛЕКТНОЙ И НЕСТАНДАРТНОЙ ПРОДУКЦИИ

До недавнего времени борьба с выпуском недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции и расследование по делам этой категории в ряде областей Таджикской ССР были поставлены неудовлетворительно. Это обстоятельство заставило следственный отдел прокуратуры

Таджикской ССР обратить особенное внимание на усиление этой борьбы.

Расследование по делам о выпуске недоброкачественной продукции сопряжено с определенными трудностями. К тому же некоторые прокуроры областей недооценивали значения борьбы с выпуском недобро-

качественной продукции, организуя безответственной постановкой и установив прокуроров.

С этой целью кураторы 1-й и 2-й бригады в Сталинабаде

Проверка в областях борьбы с преступностью, четкая и повседневная работа к этому

В некоторых случаях исключены материалы по куратору, инициатива ступлений. должной св-ва дела с отделу работы. В сказывалась дел.

При про- области уст-ской област-материал о-продукции-расследован-он и лежал-нию следс-республики-поручено ст-лябской об-вания были-нарушался-вызывало в-дукции. По-новные в з-лица были

Недооцен-ственной г-Сталинабад-его вине не-ко дел о-продукции. проводилось-объяснения-нимались в-кращении-шее рассле-вину обвин.

Обычно-ограничивал-фактами, а-вили следо-ли ставши-брака един-приятие в-продукцию-бадской он-дело о пост

качественной продукции. Естественно, что, организовав борьбу с выпуском недоброкачественной продукции, необходимо было установить основные недостатки работы прокуроров и принять меры к их устранению.

С этой целью следственный отдел прокуратуры Таджикской ССР изучил проведшие дела и проверил постановку работы в прокуратурах Ленинадской, Сталинабадской и Кулябской областей.

Проверка показала, что в названных областях борьба с выпуском недоброкачественной продукции велась неорганизованно, чтобы ее улучшить, необходима была четкая и продуманная организация работы и повседневное внимание органов прокуратуры к этому вопросу.

В некоторых областях расследование велось исключительно по тем делам, материалы по которым поступали в органы прокуратуры, и совершенно не проявлялась инициатива прокуроров во вскрытии преступлений. Этому мешало и отсутствие должной связи в работе следственного отдела с отделом общего надзора, а прокуроры областей не сумели согласовать их работу. В отдельных случаях отрицательно сказывалась и недооценка значения этих дел.

При проверке прокуратуры Кулябской области установлено, что прокурор Кулябской области т. Алиев направил серьезный материал о выпуске недоброкачественной продукции Кулябским маслозаводом для расследования прокуратуре г. Куляба, где он и лежал без движения. По предложению следственного отдела прокуратуры республики следствие по этому делу было поручено ст. следователю прокуратуры Кулябской области. В результате расследования было установлено, что на заводе нарушался технологический процесс, что и вызывало выпуск недоброкачественной продукции. По окончании расследования виновные в этом директор завода и другие лица были преданы суду и осуждены.

Недооценку дел о выпуске недоброкачественной продукции допустил прокурор Сталинабадской области т. Таджибаев. По его вине неправильно прекращено несколько дел о выпуске недоброкачественной продукции. Расследование по этим делам проводилось крайне безинициативно, объяснения обвиняемых не критически принимались на веру. Постановления о прекращении этих дел отменены, и дальнейшее расследование полностью подтвердило вину обвиняемых.

Обычно расследование по этим делам ограничивалось только уже известными фактами, а прокуроры областей не ставили следователям задачу выяснить, был ли ставший известным случай выпуска брака единственным или же данное предприятие выпускало недоброкачественную продукцию и прежде. Так прокурор Сталинабадской области неправильно прекратил дело о поставке одним заводом недоброка-

чественного оборудования. По отмене же постановления о прекращении этого дела установлено, что завод выпускал недоброкачественную продукцию систематически. Сужение пределов расследования рамками только уже известных фактов наблюдалось и в других областях.

В связи с этим нами обращено внимание прокуроров областей на необходимость при расследовании не ограничиваться уже известными фактами, но и проверять, не имелось ли на данном предприятии и других случаях выпуска недоброкачественной продукции. Применение этой практики показало, что в результате дальнейшего расследования по большинству дел установлены более серьезные случаи выпуска недоброкачественной продукции, нежели уже известные при возбуждении дел.

Иногда на неправильном решении дел сказывались и местные влияния. С этим мы столкнулись при проверке прокуратуры Ленинадской области.

Изучение дел по выпуску недоброкачественной продукции в связи с протестами позволило установить основные недостатки в расследовании по делам этой категории.

Серьезным недостатком являлась медлительность расследования, что приводило к утрате доказательств и, главное, к снижению актуальности дел. К чему приводит волокита с расследованием по делам о выпуске недоброкачественной продукции, свидетельствует дело о выпуске недоброкачественной продукции Ленинадским консервным комбинатом. Следствие по этому делу проводила прокуратура Ленинадской области. По вине следственного отдела прокуратуры Ленинадской области расследование затянулось надолго, и к моменту его окончания оказалось, что виновные в выпуске недоброкачественной продукции директор завода и главный инженер уже сняты с работы, выехали из пределов области и неизвестно, где находятся.

Особенное внимание теперь обращено на то, чтобы расследование по этим делам вести в быстром темпе, конечно, не в ущерб качеству расследования.

На медлительность расследования по этим делам влияло отсутствие планирования. Всего хуже с планированием обстояло дело в прокуратуре Сталинабадской области. При изучении дел, расследование по которым проводила прокуратура Сталинабадской области, установлено, что ни по одному делу планов не было. Это вело к бессистемности, и следователи, расследуя второстепенные факты, упускали главное. На основе изучения прошедших дел мы пришли к заключению, что при расследовании выпуска недоброкачественной продукции правильное планирование решает успех. План расследования надо составлять при возбуждении уголовного дела, и он должен предусматривать с самого начала все вопросы, которые могут возникнуть в дальнейшем. Это обеспечит своевременность проведения всех необходимых следствий.

ных действий, а, следовательно, и более быстрый темп расследования. Составленный следователем план расследования должен быть просмотрен начальником следственного отдела и в связи с большой актуальностью и значимостью этих дел подлежит утверждению прокурора области. Это требование обеспечит более высокое качество составляемых планов и сделает их обязательными для следователя. С другой стороны, и прокуроры областей, вникнув в существо дела и установив сроки выполнения следственных действий, получат возможность оперативно руководить и контролировать расследование по делу.

В интересах повышения качества расследования выпуска недоброкачественной продукции мы потребовали, чтобы при расследовании по этим делам внимательно подбирались эксперты, исследовалась личность обвиняемых, выяснялись последствия и обязательно проводилось закрепление вещественных доказательств. Серьезное внимание обращено на выяснение мотивов, которыми руководствовались обвиняемые.

Принимая меры к улучшению организации борьбы с данным видом преступности, необходимо было улучшить ее постановку в прокуратурах областей и в следственном отделе самой прокуратуры республики.

Практика показала, что если прежде делами этой категории занимались зональные прокуроры, которые в своей зоне осуществляли учет, контроль над расследованием и проведением тех или иных мероприятий, то улучшения борьбы с выпуском недоброкачественной продукции нельзя обеспечить при сохранении этого принципа. Дело в том, что расплывался контроль, затруднялось обобщение работы и проведение целенаправленных мероприятий. К тому же зональные прокуроры, будучи загружены другой работой, не всегда были в состоянии уделять должное внимание этому участку. В связи с этим, в следственном отделе теперь выделен специальный квалифицированный прокурор, на которого возложена работа по учету и контролю над расследованием выпуска недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции, а также обобщение работы и проведение необходимых мер по ее улучшению и предупреждению этого вида преступлений. Жизнь полностью оправдала проведение этого мероприятия. Концентрируя всю работу у одного прокурора отдела, следственный отдел получил возможность лучше и более оперативно руководить периферией.

Для организации должного учета и контроля следственный отдел потребовал, чтобы прокуроры областей своевременно представляли подробное донесение по каждому делу.

В случаях необходимости мы прибегали к вызову следователей с делами, давая им необходимые указания и оказывая им помощь, в первую очередь, в планировании расследования и организации экспертизы. Самые серьезные дела мы принимали к

непосредственному производству прокуратуры республики.

Практика показала также, что необходимо уделять внимание и другим делам о хищениях или злоупотреблениях в промышленности: нередко при расследовании по этим делам можно было напасть на след того, что, наряду с другими преступлениями, допускается и выпуск недоброкачественной продукции. Так прокуратура Ленинградской области расследовала злоупотребления на Ура-Тюбинском консервном комбинате. Тщательное ознакомление с делом показало, что, наряду с другими преступлениями, на этом комбинате имели место и случаи выпуска недоброкачественной продукции. Следователю, производившему расследование по этому делу, было дано задание заняться и этими вопросами. Дальнейшее расследование показало, что на этом предприятии выпуск недоброкачественной продукции имел массовый характер, и виновные в этом лица были преданы суду.

Изучение дел о выпуске недоброкачественной продукции показало, что всего целесообразнее расследование по делам этой категории поручать определенным следователям из числа самых квалифицированных старших следователей прокуратур областей и следователей по важнейшим делам. Выделенных следователей необходимо специализировать, проводя с ними особые занятия. Это позволит выделенным следователям приобрести определенные навыки, необходимые для расследования выпуска недоброкачественной продукции. Большую помощь в этом смысле может оказать изучение на занятиях со следователями прошедших дел о выпуске недоброкачественной продукции. В Сталинабаде такие занятия систематически проводит следственный отдел прокуратуры Таджикской ССР.

В целях своевременного расследования случаев выпуска недоброкачественной продукции, следственный отдел прокуратуры республики знакомится с имеющимися данными в Госарбитраже, в бюро товарных экспертиз и в сбытовых конторах. Немалую помощь в выявлении фактов выпуска недоброкачественной продукции оказывает ознакомление с данными ведомственного арбитража, из которых можно установить много случаев выпуска недоброкачественной продукции. Как правило, многие дела о поставке недоброкачественной продукции одним предприятием другому, но той же системы, решает ведомственный арбитраж.

Так при ознакомлении с делами ведомственного арбитража министерства пищевой промышленности Таджикской ССР установлено, что некоторые предприятия этого министерства поставляли недоброкачественную продукцию. На основе данных, полученных в ведомственном арбитраже министерства пищевой промышленности Таджикской ССР, возбуждено несколько уголовных дел, в частности, дел о поставке недоброкачественной продукции маслозаводами и консервными предприятиями.

При ознакомлении с делами, что у них недоброкачественных случаев, куда чужа прежде внимания. Эту методику СССР, где зовании дан. Ничего не с тражах и в бии Прокур прокуратуры ной, некомп. дукции» (со кий).

Много сит ственной пр ознакомлени Министресте с протокола

Большое прокуратуры обобщение дупреждении некомплектн ции. Изучен работы пок: приятий пии серьезными следственными ской ССР, и вел провер ных, исполъ пищевой прс ведомственн стерстве, торговой б жикской ре базы «Гу горпишторг Полученные серьезные и предприятия ных органи устраниению правительст

Сейчас м что при рас выпуске н выясняются этому, и пр ставления д рушений.

При ознакомлении с данными ряда ведомственных арбитражей мы установили, что у них больше материалов о поставке недоброкачественной продукции, нежели в Исарбитраже, и относительно более серьезных случаев, чем в бюро товарных экспертиз, куда часто передают материалы о незначительных фактах. Между тем, ознакомившись с данными ведомственного арбитража прежде почему-то уделялось мало внимания. Это следует отнести к недостатку методических пособий Прокуратуры СССР, где ничего не говорится об использовании данных ведомственных арбитражей. Ничего не сказано о ведомственных арбитражах и в последнем методическом пособии Прокуратуры СССР «Борьба органов прокуратуры с выпуском недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции» (составители тт. Гольст и Савицкий).

Много сигналов о выпуске недоброкачественной продукции можно получить при ознакомлении с протоколами совещаний в Министерствах и трестах, в частности, с протоколами совещаний актива

Большое внимание следственный отдел прокуратуры Таджикской ССР обратил на обобщение работы и мероприятий по предупреждению выпуска недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции. Изучение прошедших дел и обобщение работы показали, что работа ряда предприятий пищевой промышленности страдает серьезными недостатками. В связи с этим следственный отдел прокуратуры Таджикской ССР, наряду с изучением дел, произвел проверку и обобщение имеющихся данных, используя материалы министерства пищевой промышленности Таджикской ССР, ведомственного арбитража при этом министерстве, Таджикской республиканской торговой базы «Главрасжирмасло», Таджикской республиканской оптово-сбытовой базы «Главконсерв», Сталинабадского торгшторга, бюро товарных экспертиз. Полученные данные позволили вскрыть серьезные недостатки в работе пищевых предприятий и вышестоящих хозяйственных организаций и принять меры к их устранению через Прокуратуру СССР и правительство республики.

Сейчас мы установили такой порядок, что при расследовании по каждому делу о выпуске недоброкачественной продукции выясняются причины, способствовавшие этому, и приносятся соответствующие представления для устранения выявленных нарушений.

Повышенные требования пришлось предъявить бюро товарных экспертиз. Бюро товарных экспертиз при Сталинабадском гортторготделе передавало в органы прокуратуры много материалов, но оформлены они были плохо, а это затрудняло расследование. Заключение составлялись путанные и неубедительные. Так при экспертизе одной партии ткани было указано в акте, что она не соответствует стандарту и является браком, а дальше в этом же заключении было указано, что ткань может быть понижена в сортности. Образцы забракованной продукции не изымались, и при дальнейшем расследовании нельзя было отыскать забракованную продукцию, так как она порой уже оказывалась реализованной.

Во многих случаях экспертизу производили лица, не являющиеся специалистами, и на должности экспертов в бюро товарных экспертиз числились случайные лица, иногда без всякого образования. Неудовлетворительная постановка работы в бюро товарных экспертиз потребовала вмешательства прокуратуры, и министерство торговли Таджикской ССР приняло меры к улучшению работы бюро экспертиз.

Успешная борьба с выпуском недоброкачественной продукции часто тормозится из-за несвоевременного реагирования прокуроров на поставку недоброкачественной продукции по месту этой поставки. При расследовании по некоторым делам на предприятиях консервной промышленности мы установили, что недоброкачественная продукция, выпущенная предприятиями, расположенными на территории Таджикской ССР, была поставлена во Фрунзе, Казань, Читу, Южно-Сахалинск. Однако ни один из прокуроров этих областей не принял мер к расследованию фактов поставки недоброкачественной продукции. В результате такого недопустимого отношения прокуроров по месту обнаружения недоброкачественной продукции дела своевременно не возбуждались. К расследованию по этим делам мы приступили только тогда, когда установили эти случаи при проверке государственного или ведомственного арбитража.

Из этого вывод, что прокуроры по месту обнаружения недоброкачественной продукции обязаны своевременно и добросовестно расследовать эти случаи и передавать дела по месту нахождения предприятий.

Начальник следственного отдела
прокуратуры Таджикской ССР

Н. Светозаров

КЛОЧКИ БУМАГИ

28 февраля 1951 г. в 7 часов утра гр-ка Сергеева вышла из своего дома в д. Вырубово Кунцевского района Московской области и направилась на работу. С ней был трехлетний сын Сережа, которого Сергеева обычно возила на саночках в детский сад.

К детскому саду Сергеева шла по Минскому шоссе в направлении Москвы. В то же время к тому же детскому саду, но с противоположной стороны шла другая гр-ка Колзикова и тоже везла на санках своего четырехлетнего сына Вову.

Сергеева и Колзикова каждый день встречались у детского сада, но были почти незнакомы. Дети их, Сережа и Вова, наоборот, отлично знали друг друга.

Проходя по шоссе, Колзикова обратила внимание, что навстречу ей, по ее словам, «с бешеной скоростью» мчалась черная легковая автомашинка, причем из-под машины сыпались искры, что и привлекло внимание Колзиковой. За несколько метров до встречи с Колзиковой из-под бешено мчавшейся автомашины неожиданно вылетел какой-то странный предмет и остался на дороге, а машина скрылась. Ни марки, ни номера машины Колзикова не заметила. Дойдя до оставшегося на дороге предмета, Колзикова увидела, что это немного помятые детские саночки. Вова сразу же опознал их и заявил, что это саночки Сережи Сергеева.

Колзикова заподозрила, что с Сережей случилось несчастье, и поспешила вперед, захватив Сережины саночки, на чем настаивал Вова.

Через 300 метров Колзикова увидела, что впереди остановился грузовик, следовавший к Москве. С него слезли двое и, перейдя на левую по их движению сторону дороги, подошли к каким-то смутно видимым Колзиковой на обочине шоссе предметам. Колзикова ускорила шаг, люди подняли что-то с земли, уложили в автомашину и уехали.

Обеспокоенная Колзикова рассказала о виденном в детском саду, куда в этот день Сергеева с сынишкой не явились.

О своих опасениях Колзикова сочла нужным сообщить в Кунцевское отделение милиции, тем более, что на месте, где останавливался грузовик, она обнаружила детскую шапочку, которую Вова опознал за Сережину.

Госавтоинспектор Кунцевского района Баринов принялся выяснять обстоятельства происшествия. К этому времени из ближайшей больницы в милицию сообщили, что

туда доставлен труп ребенка и тяжело изувеченная Сергеева, сбитые автомашиной. Стало ясно, какая на шоссе разыгралась трагедия.

Но при каких обстоятельствах это произошло, кто, какая автомашинка совершила наезд, убивший ребенка и изувечивший Сергееву, — никто этого не видел и не знал.

Были разысканы и допрошены шофер грузовика, доставившего в больницу труп Сережи и Сергееву, — Ильин и ехавший с ним на грузовике Евменов. Они рассказали только то, что, когда они следовали в этот день утром 28 февраля 1951 г. по Минскому шоссе по направлению к Москве, и, и впереди них идущие автомашины, обогнала на скорости до 60 километров в час легковая автомашинка черного цвета, на номер и систему которой они не обратили внимания. Обгоняя впереди них шедшие автомашины, эта черная автомашинка выехала на осевую линию на левую сторону и скрылась из вида. Метров через 600 они увидели, что на обочине левой стороны шоссе по их движению лежит женщина, а около нее раскиданы вещи. Остановившись, грузовик и подойдя к лежащей женщине, они увидели неподалеку от нее и ребенка. Женщина была без чувств, а ребенок мертв. Тут же на краю шоссе и на обочине валялись детские валенки, одеяло и помятый жестяной бидон.

Подняв женщину и ребенка, они доставили их в больницу. По дороге женщина пришла в себя, но объяснить по поводу происшедшего ничего не могла, а только спрашивала, жив ли ребенок.

Не смогла ничего сказать Сергеева и Баринову, кроме того, что она, как и всегда, шла и везла сына на санках; что она всегда из осторожности ходила с сыном по левой стороне шоссе подле обочины навстречу автомашинам, чтобы не оборачиваться назад, что было бы неизбежно, так как по правой стороне шоссе.

В расследование этого случая включились госавтоинспектор ГАИ Московской области Погорелов, были привлечены и другие оперативные работники. При осмотре места происшествия, которое было установлено показаниями Колзиковой, Ильина и Евменова, в нескольких метрах от места, где подняли Сергееву, в снегу, в кювете обнаружили автомобильную фару. Однако, какой автомашине она принадлежала, той ли, которая сбила Сергееву, или другой, сказать было

звать было вызывал сны М-1.

Однако автомашин М-1 могла ну и друг

Трудная пала на д Осматрива кронштейн свежего о ной версии надлежит сшибла С денела и задолго д Попытки дах авто фары, усп ном тщат и Погорел у нее толь этот корпу Далее был вибрирова, устранена и ободком ков бумаг рожно изв ничего не и по обры полагать, журнала «

Это бы. Появились автомашин машинами расположе

К рассле тель т. А Акимов ре автомашин

Осмотр МТС, прои 1951 г., по машины № ЮА-00-крашенные были на м ков, вызван он 28 фев в частност шоссе не б он ездит у него отк шался в га сировки сл и повреди. потом зава Гулякова и гаража.

Однако тельное о т. Акимова

При осм ускользнул шин систем

зять было трудно, хотя осмотр фары и не вызывал сомнения, что фара от автомашины М-1.

Однако ведь по шоссе проходят сотни автомашин М-1! Причем фара автомашины М-1 могла быть установлена на автомашину и другой системы.

Трудная, почти неразрешимая задача выпала на долю тт. Барина и Погорелова. Осматривая фару, они установили, что кронштейн крепления фары имеет следы свежего отлома, что делало весьма вероятной версию, что обнаруженная фара принадлежит именно той автомашине, которая сбила Сергееву, так как фара не обледенела и все говорило за то, что фара незадолго до ее обнаружения упала в снег. Попытки обнаружить в Москве и пригородах автомашину, на которой не было фары, успехом не увенчались. При повторном тщательном осмотре фары Барин и Погорелов обратили внимание на то, что у нее только корпус фары типа М-1, что в этот корпус вмонтирована иная фаролампа. Далее было установлено, что стекло фары смонтировано и что эта неисправность устранена путем вложения между стеклом и ободком корпуса фары нескольких клочков бумаги. Эти клочки бумаги были осторожно извлечены. Тщательный осмотр их ничего не дал, однако по печатному тексту и по обрывкам чертежей можно было предположить, что клочки бумаги вырваны из журнала «Техсоветы МТС».

Это был уже некоторый шаг вперед. Появились основания отыскивать нужную автомашину в первую очередь между автомашинами машинно-тракторных мастерских, расположенных около Минского шоссе.

К расследованию присоединился следователь т. Акимов. Барин, Погорелов и Акимов решили немедленно начать осмотр автомашин в ближайших гаражах МТС.

Осмотр автомашин гаража одной из МТС, произведенный вечером 28 февраля 1961 г., показал, что там есть черные автомашины М-1 и на одной из них № ЮА-00-03 были обнаружены свежие закрашенные повреждения на крыле, но фары были на месте. Шофер автомашины Гуляков, вызванный для объяснений, заявил, что он 28 февраля утром в Москву не ездил, в частности на 26 километре Минского шоссе не был, а при выезде в Москву, куда он ездит ежедневно за директором МТС, у него отказал бензонасос, и он возвращался в гараж на буксире и во время буксировки случайно натолкнулся на буксир и повредил крыло автомашины, которое потом заварил и закрасил. Эти объяснения Гулякова подтвердили и другие работники гаража.

Однако и в этом случае помогло внимательное отношение к делу следователя т. Акимова и работников автоинспекции.

При осмотре гаража от их внимания не ускользнуло то, что на одной из автомашин системы «Форд», которая не эксплуа-

тируется, одна из фар заметно отличается от другой по внешнему виду. Тов. Акимов в свою очередь обратил внимание на неуверенность и сбивчивость объяснений Гулякова.

Вторично осматривая автомашину № ЮА-00-03, тт. Барин и Погорелов обнаружили, что левая фара машины установлена необычным путем. Сняв ее, они убедились, что пустотелый кронштейн фары сломан и фара была установлена путем пропуска кронштейна в пустотелый остаток кронштейна и закреплена болтом через свежепросверленное отверстие. Подобное крепление фары никак не соответствовало креплению правой фары, и, в частности, электропроводка была соединена на скорую руку.

Кронштейн от фары, обнаруженный на месте происшествия, предусмотрительно захваченный с собой т. Барин, был слен с остатком кронштейна на машине, к которому была прикреплена другая фара. Линия отлома совпала.

Гуляков продолжал категорически отрицать свою причастность к делу, но при объяснениях о состоянии фары, а также об ее замене утверждал, что он при наезде на буксир отломал и фару, но что эту же отломленную фару он и прикрепил к автомашине.

Осмотром фар на «Форде» установлено, что левая фара, обнаруженная на машине Гулякова, является парной фарой автомашины «Форд».

Миссия работников ГАИ тт. Барина и Погорелова была успешно закончена. Но перед следователем т. Акимовым оставалась еще трудная задача — закрепить собранные доказательства, изобличить Гулякова.

Прибегнув к криминалистической экспертизе, в распоряжение которой были предоставлены для исследования три фары и обломки кронштейна, т. Акимов получил обоснованное заключение, что фара, обнаруженная на месте преступления, является парной правой фарой автомашины М-1 № ЮА-00-03, что часть кронштейна, снятого с этой автомашины, подходит к части кронштейна фары, подобранной на месте происшествия, что линия излома полностью совпадает.

По системе крепления фар, по их монтажке, в частности, по тому, что в корпус фары типа М-1 была вмонтирована фаролампа не отечественного производства, наконец, по системе электропроводки и ее строению было бесспорно установлено, что на месте происшествия была обнаружена фара именно автомашины № ЮА-00-03.

Тщательно допросив работников гаража и тех, кто по просьбе Гулякова буксировал его автомашину в гараж, а затем передопрощив Гулякова и используя для этого данные экспертизы и противоречия в его показаниях, т. Акимов уличил Гулякова, и тот после упорного заперательства признал наезд на женщину. Гуляков пояснил,

что, скрывшись с места происшествия, он обнаружил отсутствие фары, переждал некоторое время и вернулся к пункту наезда, так как ехать в Москву с одной фарой он не мог. Проезжая мимо места катастрофы, он там уже никого не застал и для поисков фары не остановился. Не доезжая до МТС, он остановил автомашину, снял бензонасос и, придя в гараж, доложил, что бензонасос отказал, что ему нужен буксир. Пока готовили буксир, он снял фару с машины «Форд», стоявшей в гараже, и без крепления поставил эту фару на свою машину. Во время буксировки он умышленно ударил в буксир и этим объяснил в гараже разрывы и помятость крыла и отлом фары. В тот же день он при помощи шоферов и слесарей все следы столкновения замаскировал. Стекло в прежней фаре у него действительно вибрировало, и он положил под него клочки из журнала «Техсоветы МТС». На «Форд» он поставил фару, собрав ее из утиля, имевшегося в гараже.

Однако и тут Гуляков не был еще открыт до конца: он утверждал, что ехал с нормальной скоростью, что, объезжая впереди идущую автомашину, он неожиданно для себя на своей стороне увидел женщину, что санок и мальчика он не видел и что при сложившейся обстановке он должен был либо врезаться в автомашину, которая шла впереди, либо ехать прямо, а стало быть не мог избежать наезда.

Но и эта уловка Гулякова успеха не имела. Тов. Акимов, выехав на место происшествия совместно со свидетелями, с учетом их показаний составил схему с указанием, где были обнаружены Сергеева, ее убитый сын, валенки, шапочка, бидон, фара и т. п., неоспоримо установил, что наезд на Сергееву был совершен сзади на левой обочине шоссе. Осматривая место происшествия, т. Акимов установил, что наезд был совершен в зоне явно видимых дорожных знаков «Осторожно школа» и «Осторожно—до поворота 600 метров».

Под тяжестью улик Гуляков, тоже доставленный на место происшествия, вынужден был сознаться, что он действительно превысил установленную скорость, совершая двойной обгон, действительно выехал на левую сторону шоссе, где и сбил женщину с санками и ребенка.

Так в результате знания дела и обстановки, в результате настойчивости, умения и мастерства, в результате умелого применения криминалистической и автотехнической экспертизы преступник был разоблачен. Расследование по этому сложному делу, потребовавшее трех экспертиз, было закончено в течение нескольких дней. Гуляков был сурово осужден.

Никулин

Н

НЕП

Закон о саационной серьезного пающих по тем и тако ление верх щим докум судов, что правильное гории дел.

В Верхов состав с п ным, котор областного отвечающи устройстве.

Я приве разрешени по которым деления, ч затраты те рассмотрение

6 август суд осудил 1947 г. «С хищение г имущества: ства Лесни лова и др вывезли в шие завод и т. д., обр ых присв

Несмотр: все машина вым, а сви ный суд Соловьев и нил приго: вызваны ников не

Верховн: отменил РСФСР, у чалу суд: свидетел: допрошены один умер, неизвестно неживших: ва, отказ: Последую: суда РСФС: тт. Крапив говор обла 20 март: суд осуди.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ПРАКТИКА ОДНОГО СУДЕБНОГО СОСТАВА

Закон о судостроительстве требует от кассационной инстанции верховного суда серьезного и тщательного изучения поступающих по жалобам и протестам дел, а затем и такого их разрешения, чтобы определение верховного суда явилось руководящим документом для областных и народных судов, чтобы этот документ помогал в правильном разрешении той или иной категории дел.

В Верховном суде РСФСР есть судебный состав с председательствующим т. Кузьминым, который по ряду дел Московского областного суда вынес определения, не отвечающие требованиям Закона о судостроительстве.

Я приведу несколько конкретных дел, разрешенных Верховным судом РСФСР, по которым он вынес необоснованные определения, что вызвало волокиту и излишние затраты государственных средств на рассмотрение этих дел снова.

6 августа 1950 г. Московский областной суд осудил по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» директора подсобного хозяйства Лесникова, главного бухгалтера Крылова и других за то, что они в 1949 г. вывезли в Рязанскую область принадлежащие заводу гвозди, веревку, колесную мазь и т. д., обменяли на гусей и баранов, которых присвоили.

Несмотря на то, что Крылов признал все махинации, проделанные им и Лесниковым, а свидетели это подтвердили, Верховный суд РСФСР (состав тт. Кузьмин, Соловьев и Маркин) безосновательно отменил приговор, указав «что в суд не были вызваны одиннадцать свидетелей и Лесников не дал показания суду».

Верховный суд СССР 6 января 1951 г. отменил определение Верховного суда РСФСР, указав, что из неявившихся к началу судебного заседания одиннадцати свидетелей во время заседания явились и допрошены пять человек, из остальных один умер, трое осуждены и двое выбыли неизвестно куда, что суд огласил показания неявившихся свидетелей и самого Лесникова, отказавшегося давать объяснения суду. Последующим определением Верховного суда РСФСР от 10 февраля 1951 г. (состав тт. Крапивин, Котляров, Казакулова) приговор областного суда оставлен в силе.

20 марта 1950 г. Московский областной суд осудил по ст. 2 указа от 4 июня

1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» десять работников Сталиногорского хлебозавода во главе с главным бухгалтером Беловой и работников торговой сети Сталиногорска за то, что они с 1947 г. по 1950 г. по договоренности между собой систематически похищали хлеб, продавали его и деньги делили между собой, причинив ущерб государству на 223.000 руб. В частности заведующий магазином Макарова в 1948 г. и 1949 г. похитила хлеба на 13 000 руб., поделив эти деньги с Беловой. Кроме этого в 1949 г. Белову временно замещала Селютинина, и Макарова за этот период похитила хлеба еще на 6500 руб., поделив деньги с Селютининой. В целях сокрытия следов хищения, торговые работники приходовали у себя хлеба меньше, чем получали с хлебозавода, а накладную переписывали на меньшее количество хлеба. Белова и Селютинина тоже уничтожали подлинные накладные и выписывали другие на меньшее количество выданного хлеба.

Верховный суд РСФСР (состав тт. Кузьмин, Соловьев, Маркин) 4 мая 1950 г. без каких-либо оснований отменил приговор в отношении Макаровой, Селютининой и Еремеева, хотя в суде Макарова подробно рассказала, как она совместно с Беловой и Селютининой похищала хлеб. В жалобе осужденная Макарова просила о снижении меры наказания. Подробно рассказала о хищении и Белова.

Верховный суд СССР 12 июня 1950 г. отменил определение Верховного суда РСФСР, указав, что приговор Московского областного суда в отношении Макаровой, Селютининой и Еремеева отменен безосновательно. 5 августа 1950 г. определением Верховного суда РСФСР (состав тт. Кремнев, Казакулова, Виноградова) приговор областного суда оставлен в силе.

10 февраля 1950 г. Московский областной суд осудил по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» главного инженера типографии Чигирева и старшего инспектора Курортного управления Карпенко за то, что они отпечатали излишние курортные путевки, продали их на 29 935 руб. и деньги присвоили.

Верховный суд РСФСР 16 марта 1950 г. (состав тт. Кузьмин, Маркин, Виноградова), не проверив как следует материалов

дела, отменил приговор, положив в основу все то, что написал в своей жалобе адвокат.

24 мая 1951 г. Верховный суд СССР отменил определение Верховного суда РСФСР, указав на его необоснованность. Последующим определением Верховного суда РСФСР от 24 июня 1950 г. (состав тт. Яшин, Соловьев, Казакулова) приговор областного суда оставлен в силе.

29 апреля 1950 г. Московский областной суд осудил по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» председателя колхоза Жданова за присвоение 9000 руб.

30 мая 1950 г. Верховный суд РСФСР (состав тт. Кузьмин, Маркин, Соловьев) отменил приговор, указав, что по делу необходимо провести новую бухгалтерскую экспертизу.

Верховный суд СССР 11 октября 1950 г. отменил определение Верховного суда РСФСР как необоснованное. По этому делу состав коллегии Верховного суда РСФСР не изучил как следует материалы дела и необоснованно поставил под сомнение материалы, добытые следствием и судом. Последующим определением Верховного суда РСФСР от 23 ноября 1950 г. (состав тт. Яшин, Казакулова, Моряков) приговор областного суда оставлен в силе.

22 апреля 1950 г. Московский областной суд осудил по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» заведующего складом районного союза потребительских обществ Жарова за хищение материальных ценностей на 58 885 руб.

25 мая 1950 г. Верховный суд РСФСР (состав тт. Кузьмин, Соловьев, Маркин) отменил приговор только потому, что осужденный в жалобе написал, будто у его сестры имеются черновики его отчетов и их надо проверить.

Верховный суд СССР 30 августа 1950 г. отменил определение Верховного суда РСФСР, указав, что Верховный суд РСФСР, отменяя обоснованный приговор, поверил надуманной и необоснованной версии осужденного. Последующим определением Верховного суда РСФСР от 30 сентября 1950 г. (состав тт. Круглов, Котляров, Виноградова) приговор суда оставлен в силе.

28 июня 1950 г. Московский областной суд осудил по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» заведующего складом Красногорской фабрики-кухни Колосова и главного бухгалтера Михайлова за растрату материальных ценностей на сумму свыше 200 тыс. руб. В целях сокрытия следов хищения, Михайлов систематически покрывал недостачу по складу Колосова, искусствен-

но увеличивая наличие товаров или не включая в сличительную ведомость товары, полученные складом. Фиктивность документов подтверждена заключением экспертизы. Одновременно судом по этому делу были оправданы Кашинова, Максимов, Соколова, привлекаясь по ст. 2 того же указа.

Прокуратура принесла протест и просила направить дело на доследование. Верховный суд РСФСР определением от 1 августа 1950 г. (состав тт. Кузьмин, Соловьев, Маркин) отменил приговор в отношении и оправданных и расхитителей Колосова и Михайлова. Основным мотивом отмены приговора Верховным судом РСФСР послужило то, что Колосов не принял участия в экспертизе, хотя в деле есть собственноручно написанное им заявление, что он отказывается от участия в каких-либо проверках и экспертизах, а эксперт подтвердил, что все документы были предъявлены Колосову и он давал объяснения.

После отмены приговора и направления дела на доследование прокуратура вынесла постановление о прекращении дела в отношении оправданных судом, мотивировав тем, что при рассмотрении дела Московским областным судом обвинение Максимова и других не нашло подтверждения. В отношении Колосова и Михайлова дело было снова направлено в суд с прежней квалификацией преступления, и последние так же, как и в первый раз, были осуждены на длительные сроки лишения свободы.

Аналогично дело Захарова и других, по которому Московский областной суд в сентябре 1950 г. оправдал Елисеева, Стрельцова, Логинова и др. 3 февраля 1951 г. Верховный суд РСФСР по протесту прокуратуры отменил приговор суда (состав тт. Кузьмин, Соловьев, Маркин). После отмены обоснованного приговора прокуратура вынесла постановление о прекращении дела в отношении всех этих лиц.

Такая практика судебного состава с председательствующим т. Кузьминым в Верховном суде РСФСР говорит о том, что члены Верховного суда РСФСР, находясь в этом составе, неправильно разрешают дела по жалобам и протестам.

Этот судебный состав передоверяет изучение дел целиком одному докладчику, который недостаточно изучает материалы дела, неточно докладывает дело остальным членам суда, а поэтому представители сторон односторонне восполняют такого докладчика. Отсюда — отмена или изменение правильного приговора.

Руководству Верховного суда РСФСР необходимо серьезно позаботиться о повышении качества рассмотрения дел по кассационным жалобам и протестам.

Член Московского областного суда

Барсуков

Прокурор
соблюдены
уголовных
выполняя
заседания
честве го
нося прот
несоответ
курор дол
точным с
смотрении
действит
от наказа
невиновн
Большо
в суде, о
прокурора
ного суде
осознаны
прокурат
рительно
ловно-суд

Недооц
ному над
ка заклю
работники
кураторы
публик
уголовно
ван обме
совещани
этому во
прокурора
надзор по

В течен
ратура С
шания ра
надзору,
ников по
издавала
категории
ный отдел
мя ни ра
ловно-суд

Прокур
обещаний
лучших г
1949 год
государст
нии про
мыми ме
ные прок
которых
лишены
семинары
дарствен
рорский
в суде.

Руково
Прокурат
перифери
рода пор
категорий
в порядке

НЕДООЦЕНКА РАБОТЫ ПО УГОЛОВНО-СУДЕБНОМУ НАДЗОРУ ПРОКУРАТУРЫ

Прокуроры обязаны следить за точным соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел. Эту обязанность прокуроры выполняют, участвуя в подготовительных заседаниях судов, выступая в суде в качестве государственного обвинителя, принося протесты на приговоры суда при их несоответствии требованиям закона. Прокурор должен так организовать надзор за точным соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел, чтобы ни один действительный преступник не ускользнул от наказания и в то же время ни один невиновный не оказался бы осужденным.

Большое значение работы прокурора в суде, ответственность наравне с судом прокурора, не опротестовавшего незаконного судебного приговора, до сих пор не осознаны некоторыми работниками органов прокуратуры, и эти работники неудовлетворительно выполняют свою работу по уголовно-судебному надзору.

Недооценка работы по уголовно-судебному надзору заметна повсюду. Недооценка заключается в том, что руководящие работники Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР, прокуратур союзных республик не уделяют должного внимания уголовно-судебному надзору: не организован обмен опытом работы, не созываются совещания прокурорских работников по этому вопросу, не поощряются лучшие прокуроры, хорошо организовавшие этот надзор по уголовным делам.

В течение последних трех лет Прокуратура СССР неоднократно созывала совещания работников по кадрам, по общему надзору, следственных работников, работников по надзору за органами милиции, издавала приказы о поощрении групп этой категории работников, но уголовно-судебный отдел Прокуратуры СССР за это время ни разу не провел совещания по уголовно-судебному надзору.

Прокуратура СССР не выполнила своих обещаний, высказанных на конференции лучших государственных обвинителей в июне 1949 года о систематической подготовке государственных обвинителей, об обеспечении прокуратур на периферии необходимыми методическими пособиями. Областные прокуратуры из-за отсутствия средств, которых не отпускает Прокуратура СССР, лишены возможности в областях проводить семинары, методические конференции государственных обвинителей, обучать прокурорский состав искусству выступления в суде.

Руководство уголовно-судебных отделов Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР периферией состоит в направлении разного рода поручений по обобщению отдельных категорий дел и проверке отдельных дел в порядке надзора по жалобам, направляе-

мым для разрешения в областные прокуратуры.

Не оказывается достаточной конкретной помощи уголовно-судебным отделам областных прокуратур в налаживании работы и в устранении имеющихся недостатков и даже при ревизиях областных прокуратур. Не изжитая неправильная практика вызова работников областных прокуратур для разгрузки дел в Прокуратуру РСФСР.

Бригада Прокуратуры РСФСР в июне 1951 года производила комплексную ревизию работы прокуратуры Смоленской области за 1950 год и первый квартал 1951 года и по существу сама повторила те ошибки, на которые указано в акте ревизии, заключающиеся в том, что главным пороком ревизий и проверок, производимых областной прокуратурой, является их однобокость, выражающаяся в фотографировании работы и в стремлении раскритиковать недостатки работы подчиненных прокуроров.

Наш вывод можно подтвердить следующими фактами. Бригадой при ревизии было установлено, что бывший тогда областным прокурором т. Крылов издал ряд неправильных приказов и директив, противоречащих указаниям Генерального Прокурора СССР. Так т. Крыловым в его приказе по поводу неудовлетворительной борьбы с хулиганством были неправильно ориентированы районные прокуроры, которые обязывались требовать от судов применения к хулиганам лишь максимальных основных мер наказания и сверх того применения дополнительного наказания; при несогласии судов предлагалось опротестовывать приговоры. Такая неправильная установка вызвала неправильные действия районных прокуроров. Районные прокуроры во всех случаях, когда суды назначали лишение свободы по ст. 74, ч. 2. УК на срок менее пяти лет, приносили протесты, а областной прокурор т. Крылов приказывал работникам уголовно-судебного отдела поддерживать эти протесты. В итоге такой деятельности протесты районных прокуроров по вине областной прокуратуры отклонялись областным судом. Бригада, вскрыв данный неправильный приказ, составленный т. Крыловым, не приняла мер к его отмене.

Областной прокурор т. Крылов еще 14 сентября 1949 г. издал приказ о том, чтобы все заключения уголовно-судебного отдела в кассационной инстанции областного суда в случаях, когда работники уголовно-судебного отдела приходят к выводу о необходимости отмены приговора суда с прекращением дела или возвращением его к дополнительному расследованию, предварительно согласовывались с начальником соответствующего отдела (следственного, отдела по надзору за милицией) и представлялись на утверждение област-

ному прокурору или его заместителю. Дopolнительным приказом от 20 октября 1949 г. т. Крылов установил такой же порядок согласования с начальниками отделов заключений о снятии кассационных и частных протестов районных и городских прокуроров, внесенных на определения судов о возвращении дела к рассмотрению или о прекращении дела и на оправдательные приговоры.

Бригада правильно отмечает в акте, что таким образом уголовно-судебный отдел не самостоятелен в своей оперативной работе и зависит от мнения работников других оперативных отделов. В результате, очевидно, такого согласования областной суд отклоняет более одной трети кассационных протестов прокуратуры. Однако бригада не устранила немедленно этих нарушений, не приняла мер к отмене незаконного приказа областного прокурора.

Членами бригады во время комплексной ревизии областной прокуратуры была обречена работа прокуратуры Ярцевского района, о чем составлен акт. В этом акте записано всего лишь несколько строк в разделе по уголовно-судебному надзору, вместо того чтобы научить работников областной прокуратуры, как следует правильно составлять акт о проверке работы по уголовно-судебному надзору, тем более, что бригада отмечает недостаточное качество самих актов проверок и ревизий, составляемых работниками областного аппарата. Больше того, член бригады т. Краснополская производила в последней декаде мая 1951 года комплексную ревизию работы прокуратуры Починковского района, но акта не составила, и до сих пор о результатах этой ревизии ничего не известно областной прокуратуре и прокурору Починковского района т. Гудилкину.

В связи с такой «практической помощью» т. Краснополской областная прокуратура вынуждена вновь командировать в Починковскую районную прокуратуру работников областной прокуратуры для проведения комплексной ревизии.

Уголовно-судебный отдел Прокуратуры РСФСР, вместо того чтобы дать возможность работникам уголовно-судебного отдела областной прокуратуры выполнять ряд мероприятий, вытекающих из итогов ревизии, вызвал в Прокуратуру РСФСР для разгрузки на двадцать дней одного из прокуроров отдела и тем самым нарушил план работы отдела в третьем квартале, ослабил работу отдела.

В органах прокуратуры Смоленской области имеется недооценка уголовно-судебного надзора как со стороны прокурора области, так и со стороны многих районных прокуроров.

Областной прокурор мало уделяет внимания работе по надзору за соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел. Несмотря на настояния работников уголовно-судебного отдела на оперативных совещаниях при областном прокуроре не

заслушиваются доклады районных прокуроров о работе по уголовно-судебному надзору. Целевые проверки районных прокуратур заканчивались тем, что составлялось краткое указание по акту проверки за подписью областного прокурора, тогда как была настоятельная необходимость по ряду проверок заслушать доклады прокуроров на оперативном совещании, чтобы обратить внимание прокурора района на необходимость повышения качества уголовно-судебного надзора.

Отвергались просьбы о вызове на стажировку в уголовно-судебный отдел районных прокуроров и их помощников, нуждающихся в подготовке, сокращались плановые наметки уголовно-судебного отдела по проверке районных прокуратур, работники использовали не по назначению на работе в других отделах или по их заданиям и в комплексных ревизиях. Например, прокурор уголовно-судебного отдела т. Златин, несмотря на перегруженность в работе, по распоряжению прокурора области изучал следственные дела, поступившие в следственный отдел для утверждения обвинительного заключения, пересоставлял обвинительные заключения... даже по делам старших следователей.

Все это ухудшило качество руководства районными, городскими прокурорами по уголовно-судебному надзору.

Недооценка работы по уголовно-судебному надзору в органах прокуратуры Смоленской области привела к тому, что, несмотря на повышение стабильности приговоров, качество кассационных протестов является неудовлетворительным, больше половины протестов снимается с рассмотрения и отклоняется областным судом, районные прокуроры недостаточно и неэффективно проверяют в суде дела, рассмотренные без их участия, вследствие чего большинство приговоров отменяется не по протестам, а по жалобам осужденных.

Уголовно-судебные отделы Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР должны усилить свое руководство периферийными прокурорами, оказывать больше практической помощи при выездах на места, организовать обмен опытом, проводить совещания работников уголовно-судебных отделов, принимать меры к поощрению лучших работников, обеспечить периферию необходимыми методическими пособиями, организовать проведение в областях методических конференций, учебных семинаров по уголовно-судебному надзору, добившись отпуска средств на эти цели.

Больше внимания надзору за соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел должны уделять прокуроры областей и районные прокуроры.

Мы должны добиться дальнейшего улучшения этой работы.

Начальник уголовно-судебного отдела прокуратуры Смоленской области
В. Писляк

Вопрос о
сти рассм
в прокурор
важным
времени
нарушаютс
шения жал
и по форм
приказа I
от 13 июля
Неправил
бы был
Сталинград
Жена ос
ластным с
Петрова с
шалась с
и к прокур
орские ор
были расс
отделе Пр
без удовле
в августе
Петрова
Неизвестно

Задача
заключаетс
всего прои
нии по де
считать пр
седания. К
ных заседа
обработке
вследствие
исполнители
даний.

По моем
лист долж
ваниям: зн
высказыва
ющих в
в краткой,
колировать
к быстрому
ний суду т
его в поня

При про
седания по
всегда чувс
неполнота,
хождение п
нием фак
решения и.
Стоит толь
ный протоко
процесса, к
нием заявля
ворил не т
врана; не з
говорил, и

Адвокаты
против неп

НОВШЕСТВО, НЕ ЗАСЛУЖИВАЮЩЕЕ ПОДРАЖАНИЯ

Вопрос о своевременности и правильности рассмотрения и разрешения жалоб в прокурорских органах является очень важным и актуальным. До последнего времени во многих прокурорских органах нарушаются сроки рассмотрения и разрешения жалоб. Не мало жалоб разрешается по форме и по существу с нарушением приказа Генерального Прокурора СССР от 13 июля 1946 г. за № 112.

Неправильный метод разрешения жалоб был недавно применен прокурором Сталинградской области т. Ендовицким.

Жена осужденного Сталинградским областным судом по ст. 109 УК РСФСР Петрова с 1949 года несколько раз обращалась с жалобами на приговор суда к прокурору области и в высшие прокурорские органы. Дважды жалобы Петровой были рассмотрены в Уголовно-судебном отделе Прокуратуры СССР и оставлены без удовлетворения, о чем т. Ендовицкому в августе 1950 г. было послано сообщение.

Петрова продолжала подавать жалобы. Неизвестно какими побуждениями руко-

водствуясь, т. Ендовицкий решил рассмотреть жалобу по делу Петрова у себя на оперативном совещании. Оперативное совещание было проведено под личным председательством т. Ендовицкого. На совещание были приглашены, помимо работников областной прокуратуры, жена осужденного Петрова и три бухгалтера, участвовавшие в деле Петрова в качестве экспертов. Выслушав жалобщицу Петрову и прокурора, поддерживавшего в областном суде обвинение по делу Петрова, оперативное совещание, не приняв никакого решения, выслушало заключение т. Ендовицкого, который выразил сожаление, что Петров осужден по ст. 109 РСФСР, а не по указу от 4 июня 1947 г.

Видимо, т. Ендовицкий до сих пор не уяснил, для чего существуют оперативные совещания при областном прокуроре и какие вопросы на них должны обсуждаться. Плохо, видимо, разбирается т. Ендовицкий и в методике разрешения жалоб на приговоры судов.

М. Кораблинов

О ПРОТОКОЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Задача протокола судебного заседания заключается в самом точном отражении всего происходящего в судебном заседании по делу. В связи с этим и принято считать протокол зеркалом судебного заседания. К сожалению, протоколы судебных заседаний народных судов по своей обработке нередко неудовлетворительны вследствие недостаточной квалификации исполнителей — секретарей судебных заседаний.

По моему мнению, судебный протокол должен отвечать следующим требованиям: знание разбираемого в суде дела, высказывания по которому разных участников в процессе лиц секретарь должен в краткой, сжатой и точной форме протоколировать; способность к обобщениям, к быстрому схватыванию сущности показаний суду того или иного лица и к записи его в понятных выражениях.

При просмотре протокола судебного заседания по любому делу народного суда всегда чувствуется какое-то его худосочие, неполнота, неясность, известное отражение протокольных записей с отражением фактов в мотивировочной части решения или приговора народного суда. Стоит только предложить прочесть судебный протокол участникам того или иного процесса, как некоторые из них с недоумением заявят: — Я этого не говорил, я говорил не так, моя мысль искажена, переперано; не записано то, что я действительно говорил, и т. д.

Адвокаты и юрисконсульты, протестуя против неправильной записи их высказы-

ваний в суде, говорят: — Да я этого и сказать-то не мог! И начинают представлять обоснованные доказательства того, что высказанное ими в судебном заседании положение действительно получило в протоколе уродливое искажение.

Для предотвращения такого порядка вещей необходимо узаконить положение, в силу которого как объяснения сторон, так и показания свидетелей после их занесения в протокол судебного заседания оглашались бы и тут же подписывались бы.

Только при наличии подписи подо всем, что было сказано тем или иным лицом перед судом, можно рассчитывать, что каждый участник процесса станет с исключительной осторожностью и вниманием относиться к своим высказываниям. Воспроизведение путем оглашения записи всего, что было только что перед этим сказано данным лицом, способствует углублению внимания и суда к делу. Протокол судебного заседания при таком порядке делается действительно зеркалом судебного процесса, что очень важно и для надзорных инстанций.

Установление предлагаемого порядка поведет, несомненно, к тому, что на разбор каждого судебного дела потребуется времени больше, чем теперь. Но зато качество судебных решений и приговоров значительно выиграет, а это поведет к сокращению кассационных жалоб, к облегчению работы кассационных и надзорных судебных инстанций, к сокращению волокиты.

И. Максимов

г. Сочи.

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 8 журнала «Социалистическая законность» была напечатана корреспонденция т. Дудника «Социалистическое соревнование работников нотариальных контор РСФСР».

Управление министерства юстиции по Воронежской области сообщило в редакцию, что им в конце 1951 года проведено областное совещание нотариусов. Все нотариальные конторы области охвачены социалистическим соревнованием на лучшую нотариальную контору. Проведен двухдневный семинар нотариусов по изучению законодательства, относящегося к деятельности нотариата. В 1951 году обревизовано больше половины нотариальных контор. Итоги ревизий нотариальных контор обсуждались на оперативном совещании при начальнике областного управления МЮ с вызовом нотариусов. Во втором полугодии 1951 года прошли производственную практику в 1-й государственной нотариальной конторе г. Воронежа четыре нотариуса. Обобщена практика работы нотариусов по инструктированию сельских советов и по удостоверению доверенностей от имени физических лиц.

Управление министерства юстиции по Кемеровской области по корреспонденции т. Дудника сообщило в редакцию, что в первом полугодии 1951 года в Кемеровской области принимали участие в социалистическом соревновании двадцать нотариальных контор, а во втором полугодии 1951 года количество соревнующихся нотариальных контор увеличилось до двадцати пяти. В результате развернувшегося социалистического соревнования работа нотариальных контор значительно улучшилась. В первом полугодии 1951 года три нотариальные конторы Кемеровской области были награждены почетными грамотами. Положительный опыт лучших нотариальных контор распространен среди других нотариальных контор области и обсуждался на областном совещании нотариусов. Нотариальные конторы деятельно включились в проведение массово-разъяснительной работы. Проведен ряд докладов, лекций, бесед, консультаций. Проинструктировано большое количество сельских советов. Беседы и консультации проводились по вопросам оформления документов на отчуждение строений, выдачи исполнительных надписей, по удостоверению доверенностей и по ряду других вопросов, касающихся деятельности нотариата. В 1951 году значительно увеличилось оказание нотариальными конторами технических услуг при выполнении нотариальных действий. Во втором полугодии

1951 года проведены ревизии в ряде нотариальных контор. При проведении ревизий нотариальным конторам оказывалась практическая помощь в выполнении условий социалистического соревнования. Акты ревизий обсуждались на оперативных совещаниях с вызовом нотариусов обревизованных нотариальных контор. В 1951 году ряд нотариусов прошли производственную практику под руководством старшего нотариуса. Итоги прохождения практики также обсуждались на оперативных совещаниях. Проводится обобщение практики нотариальных контор по удостоверению доверенностей и по выдаче исполнительных надписей.

В № 8 журнала была опубликована корреспонденция т. Пономарева «Недостатки кассационного рассмотрения дел».

Верховный суд Литовской ССР сообщил в редакцию, что постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке обсуждено на оперативном совещании членов Верховного суда и принято к неуклонному исполнению. Усилен контроль над качеством определений, выносимых судебными коллегиями Верховного суда по уголовным делам в кассационном и надзорном порядке. В план работы первого квартала 1952 года включен пункт: «изучить качество определений, написанных членами Верховного суда тт. Чижинаускайте и Черняускас и результаты обсудить на производственном совещании со всеми членами Верховного суда».

В № 8 журнала была опубликована корреспонденция т. Хайченко «Правильно составлять судебные повестки».

Министерство юстиции Грузинской ССР сообщило в редакцию, что народному суду 6-го участка Сталинского района г. Тбилиси предложено устранить имеющиеся недостатки в работе.

Управление Министерства юстиции по Саратовской области сообщило в редакцию, что корреспонденция т. Хайченко специально обсуждалась на семинарских занятиях секретарей народных судов г. Саратова. Народному суду 1-го участка Кировского района г. Саратова дано указание об усилении контроля над работой канцелярии судебного участка.

В № 8 журна
понденция т
«Ошибки су
о взыскании
ственным пос
Управление
Омской обла
по корреспон
на в 1951 го
вых совеща
ра, на котор
обобщения
Омской обла
искамп уполн
товок. Кроме
циальное пи
ния всем на
родный суд
Омской обла
отмечено не
этой категор

В № 8 журнала была напечатана корреспонденция т. Власова и Рубинштейна «Ошибки судебной практики по делам о взыскании недоимок по сельскохозяйственным поставкам».

Управление министерства юстиции по Омской области сообщило в редакцию, что по корреспонденции Власова и Рубинштейна в 1951 году было проведено два кустовых совещания судей в г. Омске и в г. Тара, на которых обсуждались материалы обобщения судебной практики судов Омской области по рассмотрению дел по искам уполномоченного министерства заготовок. Кроме того, было направлено специальное письмо с материалами обобщения всем народным судам области. В народный суд Оконешниковского района Омской области, где больше всего было отмечено недостатков при рассмотрении этой категории дел, был направлен ревизи-

зор управления министерства юстиции для оказания помощи на месте.

В № 9 журнала была напечатана корреспонденция т. Бирюкова «Больше бдительности при рассмотрении дел об исключении имущества из описи».

Верховный суд РСФСР сообщил в редакцию, что каждое поступающее дело, в том числе и дела указанной категории, проверяются в Верховном суде РСФСР с точки зрения правильности применения закона; в принятии каких-либо специальных мер по этой категории дел нет необходимости. Дела Булгаковой, Жмаевой и Сныткиной об исключении имущества из описи были проверены в порядке надзора, и установлено, что оснований для опротестования решения народного суда нет.

ю-
зи-
сь
ю-
ты
ве-
зн-
ду
ую
га-
же
ях.
ль-
ю-
ин-

ор-
рки

инл
ма
ря
бо-
сел
на
го
ю.
ле-
ми
ам
ке.
да
де-
ого
ре-
ом
ого

зна
бно

СР
дье
би-
еся

по
ак-
ле-
за-
ра-
тка
ка-
той

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР

Министерство юстиции СССР в порядке обмена опытом направило в верховные суды союзных республик извлечения из составленного Верховным судом Украинской ССР обзора о результатах обобщения судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного имуществу колхозов, совхозов, государственных предприятий, учреждений и других общественных организаций.

В обзоре отмечается, что некоторые народные суды при разрешении дел о возмещении ущерба, причиненного государственным и общественным предприятиям, организациям, колхозам и совхозам, не проверяют в достаточной степени обоснованности заявленных исковых требований и допускают ряд нарушений материального и процессуального права.

Эти недостатки в работе народных судов являются в первую очередь результатом неправильного применения законов об обязательствах из причинения вреда, отдельных постановлений Правительства, а также незначением указаний, данных в постановлении Пленума Верховного суда СССР 10 июня 1943 г. № 11/м/6/у «О судебной практике по искам из причинения вреда».

Суды в ряде случаев, в нарушение ст. 83 Кодекса законов о труде не проверяют, полную или ограниченную ответственность должен нести ответчик. Отдельные народные суды не проверяют в достаточной степени возражений ответчиков и выносят решения об отказе в иске исключительно на основании их голословных утверждений.

Так, в народный суд Яремчанского района Станиславской области поступил ряд исков орса Делятинского лесопромкомбината о возмещении материального ущерба, причиненного недостачей и порчей товаров вследствие ненадлежащего хранения их. По всем этим делам народный суд в иске отказал, основываясь исключительно на объяснениях ответчиков. Например, Пурш работала заведующей магазином с февраля 1948 года по июнь 1950 года в орсе Делятинского лесопромкомбината. При перелаче материальных ценностей в магазине обнаружено на 3239 руб. испорченного товара, а часть товара, испортившегося вследствие ненадлежащих условий хранения, была уценена на 7635 руб. Всего действиями Пурш причинен ущерб на сумму 11 534 руб. Народный суд Яремчанского района Станиславской области в иске орсу отказал, обосновав свое решение на объяснениях ответчицы, заявившей, что поме-

щение магазина не было приспособлено к хранению товаров, вследствие чего товары портились. Суд не вызвал ни одного свидетеля, не проверил, кто виновен в порче такого большого количества товаров, и не обратил внимания на то, что ответчица Пурш как заведующая магазином несет полную материальную ответственность не только за недостачу товаров, но и за порчу товаров сверх естественной убыли. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР определением от 31 марта 1951 года указанное решение народного суда отменила.

Разрешая дела о возмещении вреда, причиненного рабочими и служащими, суды не всегда устанавливают какими причинами было вызвано причинение ущерба, в размере полной или ограниченной материальной ответственности должен быть возмещен ущерб. Это влечет вынесение решений, не основанных на законе.

Иногда суды в нарушение закона рассматривают эти дела в отсутствии сторон, не имея сведений о вручении повесток, незаконно прекращают дела производством по мотивам неявки сторон в судебное заседание.

Есть случаи, когда народные суды неосновательно отказывают в исках, связанных с уголовным делом, о возмещении вреда по мотивам, что при разрешении уголовного дела такой иск не предъявлялся. Так Понедилко работал комендантом общежития техникума. Вследствие халатного отношения к своим обязанностям он допустил недостачу инвентаря на сумму 8146 руб., за что был осужден по ст. 99 УК Украинской ССР к одному году лишения свободы. В уголовном деле гражданский иск не рассматривается. После этого Одесский автомеханический техникум предъявил к Понедилко иск на указанную сумму. Народный суд 4 участка Ворошиловского района г. Одессы отказал в иске по мотивам, что при разрешении уголовного дела гражданский иск не предъявлялся и суд в приговоре не оговорил право потерпевшего на предъявление гражданского иска. Это указание неправильно: рабочие и служащие несут полную материальную ответственность, если в их действиях, причинивших ущерб, содержались признаки уголовного деяния. Предприятие или учреждение, которому причинен ущерб, может обратиться с иском о возмещении ущерба как при рассмотрении уголовного дела, так и в общеисковом порядке. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного

суда Украинской ССР рассмотрит.

В отдельных делах суды устаивают вина виновного, не привлекая к ответственности тех, кто должен был привлечь виновного к ответственности. Суды не проверяют обоснованности исковых требований. Так Дрозд работала заведующей магазином в г. Нежина ЧССР. 28 июня 1950 г. она заявила иск о возмещении ущерба на сумму 3179 руб. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ЧССР отменила решение народного суда, так как оно не основано на законе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ЧССР отменила решение народного суда, так как оно не основано на законе.

Ряд ошибок наблюдается в применении законов о возмещении вреда. Вчерашняя несправедливость просилась к суду. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ЧССР отменила решение народного суда, так как оно не основано на законе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда ЧССР отменила решение народного суда, так как оно не основано на законе.

Р ода Украинской ССР отменила решение народного суда, направив дело на новое рассмотрение.

В отдельных случаях при разрешении дел суды устанавливают, что в причинении вреда виновен не ответчик, а другие лица, не привлеченные по делу. Вместо того, чтобы привлечь этих лиц как соответчиков по делу, суды нередко отказывают в иске, не проверяя при этом обстоятельств дела и обоснованности возражений ответчика.

К. Г. Дрозд работала заведующей овощной базой Нежинского смешгорга. Вследствие недосмотра, на бочках, в которых находились огурцы и яблоки, лопнули обручи, вытек рассол и продукция пришла в негодное состояние, чем причинено убытков на сумму 3179 руб. Народный суд 1 участка г. Нежина Черниговской области решением от 28 июня 1950 г. в иске к Дрозд о 3179 руб. отказал по мотивам, что в причинении вреда виновны заведующие магазинами. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определением от 5 января 1951 г. отменила решение народного суда и направила дело на новое рассмотрение, указав, что, если суд считал, что в причинении вреда виновны другие лица, то следовало привлечь этих лиц в качестве соответчиков по делу, а не отказывать в иске к Дрозд.

Ряд ошибок допускается судами при рассмотрении дел о взыскании ущерба, причиненного гибелью скота. Так прокурор Вчерайшинского района Житомирской области просил в порядке ст. 3 ГПК Украинской ССР взыскать в пользу колхоза «Октябрь» с Ганенюк, Крушинского, Ткач, Ковбасюк, Корняк и Иванова 12 183 руб. убытков, причиненных колхозу гибелью скота. Народный суд Вчерайшинского района решением от 24 марта 1950 г. удовлетворил иск полностью, ссылаясь на то, что ответчики являлись членами правления колхоза, халатно относились к своим обязанностям, не приготовили помещений и кормов для скота, выпустили скот на пастбище на мокрые луга, в связи с чем не-

сколько голов скота погибло. Народный суд, рассматривая дело, не установил ни точного количества погибшего скота, ни конкретных виновников причиненного ущерба, не истребовал и не приобщил уголовного дела, по которому к ответственности привлекались председатель колхоза Кленчук, заведующий фермой Кванчук и другие, не установил, каковы результаты разрешения этого уголовного дела. Кроме того, суд полностью удовлетворил предъявленный иск, не указав, из чего складывается сумма иска. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР направила дело на новое рассмотрение.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. № 9/8/у «О судебной практике по гражданским колхозным делам» разъясняется, что ответчиками по искам колхозов о возмещении ущерба, причиненного потравой, являются владельцы скота. Если потрава совершена скотом, принадлежащим нескольким владельцам, то каждый владелец несет перед колхозом долевую ответственность. При рассмотрении этих дел некоторые народные суды выносят решения о возмещении ущерба, причиненного потравой, пастухами, а не владельцами скота, и не проверяют вид потравы и размер причиненного ущерба. Так колхоз имени десятилетия Октября предъявил иск к Овчарову о 19 200 руб. за потраву 2,40 га посева проса. Народный суд 1 участка Красноармейского района Ворошиловградской области иск колхоза удовлетворил полностью. Суд не проверил размер ущерба, не установил надлежащего ответчика по делу. Из материалов дела видно, что Овчаров пас коров группы жителей хутора Б. Дуванного и что стадо состояло из тридцати коров. Заявление ответчика Овчарова о том, что коров пас его несовершеннолетний сын по просьбе владельцев коров, судом проверено не было. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР направила дело на новое рассмотрение.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. С. Федосеев, *Творческая роль Советского государства и права в построении социалистического и коммунистического общества*. Москва, Госюриздат, 1951 г., стр. 283.

Рецензируемая монография посвящена наиболее актуальной проблеме теории социалистического государства и права. Автор поставил себе задачу осветить творческую роль Советского государства и права в построении социалистического и коммунистического общества. Заслуга т. Федосеева в том, что он один из первых среди советских юристов взялся за теоретическое обобщение громадного опыта Советского государства и права в деле социалистического и коммунистического строительства. Это тем более следует подчеркнуть, что в советской юридической литературе до сих пор нет сколько-нибудь обстоятельных работ, посвященных этой проблеме, разработка которой продолжает оставаться главной задачей советских правоведов.

Автор проделал большую работу, собрав значительный материал, раскрывающий и иллюстрирующий роль Советского государства и права на различных этапах их развития. В работе приведены основные высказывания классиков марксизма-ленинизма о роли политико-правовой надстройки в развитии общества. С этой точки зрения рецензируемая работа представляет значительный теоретический интерес.

Монография А. С. Федосеева состоит из четырех глав. В первой главе освещаются основные положения марксистско-ленинского учения о политико-юридической надстройке: соотношение государства и права с экономическим базисом в эксплуататорском и социалистическом обществе, роль советского социалистического права в общественном развитии, а также руководящая и направляющая роль коммунистической партии в системе диктатуры рабочего класса. Глава вторая посвящена исследованию вопросов о советском социалистическом государстве и праве как новом и высшем типе государства и права. Автор рассматривает здесь возникновение советского социалистического государства и права, их сущность и форму. В главе третьей исследуется творческая роль Советского государства и права в построении фундамента социализма (первая фаза). Заключительная, четвертая глава посвящена выяснению творческой роли Советского государства и права в завершении строительства социализма и перехода к коммунизму (вторая фаза).

Несмотря на указанные достоинства книги, работа А. С. Федосеева не представ-

ляет собою глубокого и законченного теоретического исследования. Автор не сумел полностью справиться с громадным фактическим материалом и теоретическим его обобщением. В работе мало выводов и обобщений. Большая часть монографии носит историко-описательный характер.

Автор видит свою задачу главным образом в том, чтобы описать основные мероприятия советского государства на различных этапах его развития и проиллюстрировать их соответствующими законодательными актами. При этом отбор материала и его расположение произведены автором подчас произвольно и несоразмерно с общественным значением освещаемых вопросов. Между тем автор должен был бы в первую очередь глубоко раскрыть теоретические основы творческой роли Советского государства, показать общественные функции социалистического права, подвергнуть обобщению приводимый фактический материал. А как раз этого в книге не хватает, и отдельные разделы работы сводятся к весьма поверхностному пересказу общеизвестного материала, содержащегося во всех юридических учебниках.

Основными недостатками книги, по нашему мнению, являются следующие.

1. А. С. Федосеев в своей работе основное внимание уделяет освещению хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства как в первой, так и во второй фазах его развития.

В то же время в работе совершенно не показана роль Советского государства и права в осуществлении функции военной защиты страны от нападения извне. Автор недооценил важнейшее указание товарища Сталина о том, что Советское государство является не только главным орудием построения социализма и коммунизма в нашей стране, но и главным орудием защиты социалистических завоеваний трудящихся.

В работе не показано, что именно Советское государство и право обеспечили трудящимся возможность мирного социалистического строительства в обстановке капиталистического окружения, что именно Советское государство и его армия отстаивали свободу и независимость нашей родины в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Из поля зрения автора выпала, таким образом, важнейшая функция Советского государства, сохранившаяся на всех этапах его развития, функция обороны страны от нападения извне.

В работе много хар-ского гос-ней функ-а периоду уделено в никновени-ни слова и о бор-руководств-ние Красн-

Не раск-принципы-армии соц-время ка-армии в м-автор удел-

Ставя в-организато-сударства, молчанием о двух ст-победы со-и внешней. уделить дс-внешней с-государств-следовало-организато-ная функц-вой фазе е-ного разви-были погл-со свергну-ми и обор-

Автор не-указания т-при налич-ния, когда-люции име-а во все-капитализм-должна не-ливать свои-ства, орган-страна не-талистическ-

2. Как м-мало теорет-Даже в та-риал прямо-димость по-ческих вопр-от этого. Г-о многоукл-фаза разви- (стр. стр. 9)-вит вопроса-стройки в т-новка этого-теоретическ-бы на кон-проиллюстри-е служебно-стройки по-показать р-

1 Сталин, знания, 1950

В работе нет даже раздела, посвященного характеристике деятельности Советского государства по осуществлению внешней функции в первой фазе его развития, в периоду Великой Отечественной войны уделено всего семь страниц. Говоря о возникновении Советского государства, автор ни слова не сказал о сломе старой армии и о борьбе большевистской партии под руководством Ленина и Сталина за создание Красной Армии.

Не раскрыты, хотя бы в общих чертах, принципы организации армии нового типа, армии социалистического государства, в то время как вопросу о сущности и роли армии в механизме буржуазных государств автор уделяет внимание.

Ставя в центре внимания хозяйственно-организаторскую деятельность нашего государства, автор не имел права обойти молчанием указания товарища Сталина о двух сторонах вопроса о возможности победы социализма в СССР: внутренней и внешней. А это прямо обязывало автора уделить должное внимание характеристике внешней стороны деятельности Советского государства. К тому же А. С. Федосееву следовало бы учесть, что хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция Советского государства в первой фазе его развития не получила серьезного развития, так как силы государства были поглощены необходимостью борьбы со свергнутыми эксплуататорскими классами и обороной страны.

Автор недооценил значение известного указания товарища Сталина о том, «...что при наличии капиталистического окружения, когда победа социалистической революции имеет место только в одной стране, а во всех других странах господствует капитализм, страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением»¹.

2. Как мы уже указывали, в работе мало теоретических выводов и обобщений. Даже в таких разделах, в которых материал прямо наталкивал автора на необходимость постановки и решения теоретических вопросов, А. С. Федосеев уклонился от этого. Например, неоднократно говоря о многоукладности экономики в первой фазе развития Советского государства (стр. стр. 92, 115), автор почему-то не ставит вопроса о соотношении базиса и надстройки в тот период. Между тем постановка этого вопроса представляет большой теоретический интерес, ибо она позволила бы на конкретно-историческом материале проиллюстрировать сталинское положение о служебной роли социалистической надстройки по отношению к своему базису, показать роль Советского государства,

возникшего при отсутствии готовых форм социалистического уклада, в создании социалистического базиса.

Крупным недостатком является также то, что автор всюду рассматривает государство и право как однозначные явления, не выясняет специфику их роли в развитии советского общества. Это особенно относится к вопросам права. А. С. Федосеев, вместо того чтобы проанализировать конкретные правовые институты, что действительно позволило бы показать служебную роль права в развитии общества, ограничивается перечислением и изложением отдельных законодательных актов. Автору следовало также раскрыть специфическую роль права в осуществлении функций Советского государства, показать борьбу Советского государства за укрепление законности во всех сферах государственной деятельности на различных этапах развития советского общества.

Совершенно недостаточно внимания уделяет автор значению гениальной сталинской теории социалистической индустриализации страны и теории коллективизации сельского хозяйства, которые предопределили собой характер политики Советского государства и его законодательных мероприятий.

Не выяснено в работе также влияние Советского государства и права на другие элементы социалистической надстройки. Автор ограничил свою задачу лишь анализом экономической роли Советского государства и права. Так на стр. 175 автор указывает, что в 1934 г. Советское государство закончило строительство фундамента и «приступило к строительству надстроек над этим фундаментом», но в книге не раскрыто, в чем состояла и как осуществлялась эта работа.

Следует упрекнуть автора также в том, что он не уделил должного внимания анализу особенностей Сталинской Конституции и ее роли в последующем развитии социалистического общества. В § 3 главы IV дан беглый обзор отдельных статей Конституции СССР и совершенно опущены положения товарища Сталина об особенностях Конституции страны победившего социализма, не раскрыт глубоко интернациональный характер Конституции (этому важному вопросу уделено всего четыре строки).

3. Периодизация развития Советского государства, предложенная А. С. Федосеевым, вызывает серьезные возражения. Помимо того, что эта периодизация автором научно не обоснована, она противоречива в своей основе.

А. С. Федосеев «в целях — как он пишет — облегчения обобщения творческой роли Советского государства и права в построении социализма и коммунизма» выделяет в первой фазе три этапа развития: первый этап — от Октябрьской революции до перехода к новой экономической политике (весна 1921 г.); второй этап — с на-

¹ Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, 1950 г., стр. 50.

чала введения нэпа до года великого перелома, до начала проведения политики ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации (лето 1929 г.); третий этап — с лета 1929 г. до ликвидации эксплуататорских классов. Вторая фаза разделяется автором на два этапа: первый этап — от ликвидации эксплуататорских классов до принятия Сталинской Конституции; второй этап — период завершения строительства социализма и постепенный переход к коммунизму.

Подобная периодизация является произвольной и противоречит периодизации, данной в «Кратком курсе истории ВКП(б)», к которой автор не определил своего отношения.

По непонятным причинам автор исключил из своей периодизации такие важнейшие этапы в развитии Советского государства и права, какими является период гражданской войны и иностранной военной интервенции и период Великой Отечественной войны Советского Союза.

Содержанием первой фазы развития Советского государства А. С. Федосеев считает построение фундамента социализма в нашей стране. Согласно предложенной им периодизации по этапам, этот период охватывает время с 1917 г. по 1934 г. (см. стр. стр. 89 и 153). Определяя же содержание второго этапа первой фазы (1924—1929 гг.), автор на стр. 118 пишет: «Содержанием второго этапа было восстановление, реконструкция и развитие сельского хозяйства и крупной промышленности, создание материально-технической базы для коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества, как класса, построение фундамента социализма».

Таким образом, у автора получается, что уже к 1929 году был построен фундамент социализма в нашей стране. Но на стр. 142 автор, противореча себе, правильно указывает, что на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. в резолюции о пятилетнем плане развития народного хозяйства был намечен план построения фундамента социализма.

Следовательно, автор не имел права утверждать, что построение фундамента социализма составляло содержание второго этапа, охватывавшего, по его мнению, период с 1921 по 1929 гг. Такое утверждение находится в прямом противоречии с указанием товарища Сталина на XVII съезде ВКП(б) о том, что в результате выполнения первой пятилетки мы «...уже построили фундамент социалистического общества в СССР...»¹.

Если верить автору, то первая фаза развития Советского государства заканчивается в 1929 г., но сам же автор включает в первую фазу и так называемый третий этап — завершения строительства фундамента социализма (до 1934 г.). Эти

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 451.

бросающиеся в глаза противоречия автор никак не объясняет. Более того, на стр. 153 А. С. Федосеев допускает другую ошибку, утверждая, что вопрос «кто-кого» в области экономики был разрешен в пользу социализма «на втором этапе первой фазы развития Советского государства» (т. е. к 1929 г.), в то время как в решениях XVII конференции ВКП(б) в январе—феврале 1932 г. указывается, что «...ленинский вопрос «кто-кого» решен против капитализма в пользу социализма полностью и бесповоротно и в городе и в деревне»².

Приходится сожалеть, что А. С. Федосеев, выдвигая собственную периодизацию, не только не обосновывает ее должным образом, но и не подвергает научной критике различные точки зрения по этому вопросу, высказанные в советской юридической и философской литературе.

4. Существенным недостатком работы А. С. Федосеева является то, что в ней совершенно недостаточно освещена роль Советского государства и права в осуществлении культурно-воспитательной деятельности. Известно, что успешное строительство коммунизма в нашей стране предполагает не только создание материально-технической базы коммунизма, но и создание культурных и духовных предпосылок коммунизма. К сожалению, эта сторона деятельности Советского государства в книге по существу смазана. О культурно-воспитательной деятельности Советского государства в первой фазе его развития говорится всего несколько слов на стр. 175—176, а во второй фазе этому вопросу автор уделит всего около одной страницы текста, сведя проблему культурной революции в СССР к ряду цифр о количестве школ и учащихся в них. К тому же автор весьма путанно истолковал содержание культурно-воспитательной деятельности Советского государства. С одной стороны, А. С. Федосеев почему-то исключил из культурно-воспитательной деятельности борьбу партии и Советского государства за формирование социалистической идеологии у советских людей, за воспитание их в духе социализма и преодоление пережитков капитализма в сознании людей. С другой стороны, автор без каких-либо мотивировок включил в культурно-воспитательную деятельность борьбу за укрепление и охрану социалистической собственности и борьбу за высшую производительность труда (стр. 175). На наш взгляд, правильнее было бы деятельность Советского государства по охране социалистической собственности в первой фазе его развития отнести к функции подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Что же касается борьбы за высшую производительность труда, то она непосредственно связана и относится к хо-

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК ч. II, стр. 488.

зяйственно-орган Советского гос-

Автору следовало бы бороться с выработкой у дисциплины труда к своему долгу.

5. Существенным недостатком работы Федосеева — отсутствие благотворного общественного строительства народно и явно недос народное знач советской государственности, не приво материал, с огромной помс ветский Союз тии.

6. Работа сс ложений теор характера. Во

а) На стр. «...вся борьба до появления была борьбой плоатации дру плоататорского

По А. С. Федосееву борьба и общество огра различными : за государственные и эк эксплуататори имела значени что подобное ном противори ми (восстание ва и др.) и марксизма-лен «Революция Сталин, — лик отменила рас плоатации тру

Революция дировала креп ическую фор

б) В работ ные государст но без плана способствуют ческих отнош дела и до т. е. до преву риализм — до тие капитали дящей линии буржуазные империализме ной роли по собствуют р ческих отнош пассивную с

¹ Сталин стр. 412.

зяйственно-организаторской деятельности Советского государства.

Автору следовало бы особо подчеркнуть борьбу Советского государства в деле выработки у трудящихся сознательной дисциплины труда, сознательного отношения к своему гражданскому и служебному долгу.

5. Существенный пробел книги А. С. Федосеева — отсутствие развернутого показа благотворного влияния опыта социалистического строительства в СССР на развитие стран народной демократии. Автор слабо и явно недостаточно вскрывает международное значение и историческую роль советской государственно-правовой практики, не приводит конкретно-исторического материала, свидетельствующего о той огромной помощи, которую оказывает Советский Союз странам народной демократии.

6. Работа содержит ряд ошибочных положений теоретического и политического характера. Вот некоторые из них.

а) На стр. 3 автор утверждает, что «...вся борьба классов, которая протекала до появления пролетариата и его партии... была борьбой за смену одних форм эксплуатации другим, за смену одного эксплуататорского строя другим».

По А. С. Федосееву выходит, что классовая борьба в истории эксплуататорских обществ ограничивалась борьбой между различными эксплуататорскими классами за государственную власть, а борьба угнетенных и эксплуатируемых масс против эксплуататоров не имела места или не имела значения. Нет нужды доказывать, что подобное утверждение находится в явном противоречии с историческими фактами (восстание Спартака, Разина, Пугачева и др.) и высказываниями классиков марксизма-ленинизма.

«Революция рабов,— говорит товарищ Сталин,— ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся...»

Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации¹.

б) В работе указывается, что буржуазные государство и право «...хотя и активно, но без плана, и только лишь косвенно способствуют развитию форм капиталистических отношений до известного предела и до известной стадии развития, т. е. до превращения капитализма в империализм — до того момента, когда развитие капитализма начинает идти по нисходящей линии» (стр. 27). Выходит, что буржуазные государство и право в эпоху империализма не выполняют своей служебной роли по отношению к базису, не способствуют развитию форм капиталистических отношений и превращаются в некую пассивную силу, безразлично относящуюся

к своему базису. Это положение ошибочно, так как противоречит марксистскому тезису об активной служебной роли буржуазной государственно-правовой надстройки.

Автор спутал здесь два различных вопроса: вопрос об экономической роли буржуазных государства и права и вопрос об их служебной роли в смысле активного содействия своему базису оформиться и укрепиться, в смысле охраны основы буржуазного общества — частной капиталистической собственности.

Буржуазные государство и право действительно не имеют решающего значения в развитии капиталистической экономики и не могут руководить ею в плановом порядке. Это одинаково справедливо и по отношению к эпохе промышленного капитализма и к эпохе империализма.

Что же касается служебной, охранительной роли буржуазных государства и права, то они активно защищают и поддерживают основы капиталистического строя на всех этапах его истории, охраняют интересы монополий, делают все возможное для того, чтобы «спасти» капиталистическое хозяйство от кризисов и обеспечить максимальные нормы прибыли капиталистическим монополиям. Отсюда, в частности, политика гонки вооружений, порабощения слабых в экономическом отношении стран, фашизация и милитаризация всего государственного аппарата, политика войны и реакции.

Следовательно, буржуазное государство не руководит, не направляет развитие капиталистической экономики, но активно обслуживает интересы господствующего класса капиталистов.

в) Грубая ошибка историко-политического характера допускается автором на стр. 80, где он ограничивается утверждением, что «в результате повстанческой работы большевиков среди рабочих, солдат и крестьян к концу октября 1917 года Советы были уже большевистскими. Партия опять выдвинула лозунг — «Вся власть Советам». По А. С. Федосееву получается, что Советы вплоть до октября 1917 года находились в руках меньшевиков и эсеров и что наша партия обеспечила большевизацию Советов лишь в самый канун Октябрьского переворота. На самом же деле уже в период корниловского мятежа (конец августа 1917 года) Советы и их ревкомы представляли собою большую силу, преградившую дорогу корниловским войскам и нанесшую им поражение. Борьба с корниловщиной явилась этапом оживления Советов и их освобождения из плена соглашательской политики. Эта борьба вывела Советы на широкую дорогу революционной борьбы и повернула их в сторону большевистской партии. Влияние большевиков в Советах росло, как никогда, и в деревне и особенно в городе. Наступила полоса большевизации Советов.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» по этому поводу говорится: «На другой день

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 412.

после победы над корниловщиной, 31 августа, Петроградский Совет высказывается за политику большевиков. Старый меньшевистско-эсеровский президиум Петроградского Совета во главе с Чхеидзе уходит в отставку, очищая место для большевиков. 5 сентября Московский Совет рабочих депутатов переходит на сторону большевиков. Эсеро-меньшевистский президиум Московского Совета также уходит в отставку, очищая дорогу для большевиков.

Это означало, что основные предпосылки, необходимые для успешного восстания, уже назрели.

Вновь на очередь стал лозунг: «Вся власть Советам!».

Но это уже не был старый лозунг перехода власти в руки меньшевистско-эсеровских Советов. Нет, — это был лозунг восстания Советов против Временного правительства с целью передачи всей власти в стране Советам, руководимым большевиками¹.

Таким образом, А. С. Федосеев искажил исторический факт.

г) Нельзя также согласиться с утверждением автора о том, что «переходному от капитализма к социализму периоду свойственно противоречие между базисом и надстройкой, т. е. противоречие между самой передовой формой политической власти и отсталой экономикой» (стр. 216).

Иначе говоря, А. С. Федосеев усматривает противоречие между Советским государством и другими частями надстройки, с одной стороны, и совокупностью социалистических производственных отношений на том этапе развития советского общества, являвшимся его экономическим базисом, с другой. Такое утверждение явно противоречит известному сталинскому положению о соотношении базиса и надстройки и о служебной роли надстройки по отношению к своему базису:

«Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку».

«Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой»².

Из приведенных высказываний товарища Сталина следует, что не может быть речи о каком-либо несоответствии между базисом и его надстройкой, о противоречии между базисом и надстройкой, которая создается в соответствии с характером базиса и призвана его обслуживать. Если учесть, что в переходном от капитализма к социализму периоде базисом советского общества являлась не вся многоукладная экономика, а лишь ее социалистический сектор, т. е. совокупность социалистических производственных отношений, то станет

ясно, что нельзя говорить, как это делает А. С. Федосеев, о каких-либо противоречиях между социалистическим базисом и его надстройкой.

Противоречия в тот период имели место, но не между социалистическим базисом и его надстройкой, а между самой передовой формой политической власти и отсталой экономикой, т. е. отсталой технической базой, что не одно и то же. Ленин и Сталин, указывая на это противоречие, имели в виду не социалистический базис, т. е. экономический строй общества на данном этапе его развития, а уровень развития производительных сил, т. е. технику, ее состояние.

д) Говоря о двух формах социалистической собственности, А. С. Федосеев основное внимание обращает на различие между ними, рассматривает их как «экономическую базу остатков классового деления» в СССР и считает, что Советское государство и право «...определяют, направляют общественное развитие на постепенное устранение экономической базы остатков классового деления — существования двух различных видов социалистической собственности» (стр. 257).

Такое перенесение центра тяжести при рассмотрении этого вопроса на различие двух форм социалистической собственности является, по нашему мнению, неправильным. Усилия Советского государства направлены не на устранение двух форм собственности (кстати, как вообще можно «устранить» обе формы собственности? Известно, что не может быть общества, где бы не существовало никакой формы собственности³), а на всемерное развитие производительных сил страны и всемерное укрепление двух форм социалистической собственности — государственной и колхозно-кооперативной.

7. Работа А. С. Федосеева перегружена фактическим материалом, в котором тонут теоретические обобщения.

План книги не во всех местах удачен. Так, например, глава вторая, посвященная Советскому социалистическому государству и праву как государству и праву нового и высшего исторического типа, не содержит раздела о руководящей и направляющей роли коммунистической партии в системе диктатуры рабочего класса. Этот раздел автор почему-то отнес к главе первой, трактующей об основных положениях учения марксизма о политико-юридической надстройке на эксплуататорском и социалистическом обществе.

Таковы наши основные замечания о рецензируемой книге. Следует пожелать ее автору продолжить работу над этой актуальной и важной темой, чтобы устранить ошибочные положения, углубить и расширить теоретические положения и существенно повысить ее научный уровень.

П. Бурдин, П. Романов

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 177.

А. И. Криминал-школ. Гос. чesкой ли

В теческих шника по тберга и I державша: пространелюридическпрактическюстиции. I переизданистремилиси в соответскриминалиНо, невизсохранять

Учебникшей и оссвающая в следованиитри четвертьчасть, послния отделеена толИмея в вислушателейв аспектеы особенитодикой, ничительно б

Особенна: каждая из расследовауголовныхо борьбеи общестив настоящесоветскойэти вопроском краткиие этогошироком о

Авторы уне дифференция хищенственного иэтих хищен

Авторы ску расследпреступленирассмотренипросы, какска недобили нестантехники бепреступного

Спорно оии расследчасти курсасообразнымбенной часучебников,налистикид

Вызываетструктурыиными глава

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 194.

² Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 3, 5, 1950 г.

А. И. Винберг и Б. М. Шавер. *Криминалистика, учебник для юридических школ*. Государственное издательство юридической литературы, 1950 г., изд. 4-е.

В течение ряда лет слушатели юридических школ пользуются в качестве учебника по криминалистике книгой А. И. Винберга и Б. М. Шавера. Эта работа, выдержавшая четыре издания, имеет распространение не только среди учащихся юридических школ, но также в кругах практических работников прокуратуры и милиции. Следует приветствовать, что при переиздании учебника авторы каждый раз стремились переработать и дополнить его в соответствии с современным состоянием криминалистики и смежных с нею наук. Но, невзирая на это, книга продолжала сохранять ряд существенных недостатков. Учебник состоит из двух частей — общей и особенной. Первая из них, охватывающая вопросы техники и тактики расследования преступления, занимает почти три четверти книги, тогда как на вторую часть, посвященную методике расследования отдельных видов преступлений, отведена только одна четверть учебника. Имея в виду, что книга предназначена для слушателей юридических школ, которым в аспекте их будущей практической работы особенно важно овладеть частной методикой, необходимо было уделить ей значительно больше места.

Особенная часть содержит пять глав, каждая из которых посвящена методике расследования определенной категории уголовных дел. Разработка вопросов о борьбе с хищениями государственного и общественного имущества составляет в настоящее время центральную задачу советской криминалистики, к сожалению, эти вопросы изложены в учебнике слишком кратко. Хотелось бы видеть освещенные этого важнейшего вопроса в более широком объеме.

Авторы учебника поступили неправильно, не дифференцировав методики расследования хищений государственного и общественного имущества по отдельным видам этих хищений.

Авторы охватили в своей книге методику расследования только пяти категорий преступлений, причем остались вовсе не рассмотренными такие существенные вопросы, как методика расследования выпуска недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции, нарушений техники безопасности, поджогов, разбоев, преступного аборта и др.

Спорно отнесение вопроса о планировании расследования преступлений к общей части курса. Представляется более целесообразным связывать этот раздел с особенной частью, как это сделано в ряде учебников, в частности в учебнике криминалистики для вузов (1950 года).

Вызывает сомнение целесообразность структуры общей части книги. За вводными главами, где говорится о предмете,

методе, системе, истории криминалистики, идут главы о следах и об осмотре места происшествия. Затем естественная последовательность изложения материала нарушается. Тесно примыкающий к учению о следах вопрос криминалистического исследования огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их действия почему-то оказывается отделенным от трассологии главами о криминалистической экспертизе и судебной экспертизе документов.

Неудачно распылены по отдельным главам сведения о судебной фотографии, хотя этот вопрос представляет самостоятельную отрасль криминалистики и, несомненно, может быть успешно изучен лишь в качестве самостоятельного раздела.

Вопрос о «словесном портрете» неправильно включен в главу об уголовной регистрации. В настоящее время словесный портрет используется только для задач розыска и отождествления личности и уже давно нигде не применяется для задач регистрации преступников.

Одной из наиболее важных в теоретическом отношении является первая глава учебника (авторы А. Винберг и Б. Шавер), знакомящая читателя с предметом, методом и системой советской криминалистики. В журнале «Социалистическая законность» № 7 (см. статью П. И. Тарасова) уже писалось, что эта глава страдает существенными недостатками — неправильным определением предмета криминалистики, нечетким разрешением вопроса о месте криминалистики в системе наук и др. Авторы считают криминалистическую идентификацию «специальной системой исследования доказательств». Криминалистическая идентификация не может рассматриваться как специальная система исследования доказательств, — слишком широкое толкование понятия криминалистической идентификации превращает ее в какой-то специальный метод познания.

Во второй главе учебника, судя по ее заглавию, авторы намеревались дать историю советской науки криминалистики. К сожалению, эта задача оказалась выполненной более чем односторонне. История науки свелась к хронологии организации различных криминалистических учреждений и к перечню работ отдельных советских криминалистов, при этом история криминалистики оказалась оторванной от истории советского суда и органов расследования. Периодизация развития криминалистики не увязана авторами с изменением функций социалистического государства в двух фазах его развития. В хронологии имеются фактические неточности. Кабинеты научно-судебной экспертизы в Украинской ССР были переименованы в институты не в 1926 году, как указывают авторы (стр. 15), а в 1925 году. Лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры СССР была передана в Институт права Академии наук не в 1939, а в 1938 году. Авторы пишут

(стр. 17), что в 1944 году «на базе бывших лабораторий Института уголовной политики и Московского юридического института была организована Центральная криминалистическая лаборатория Министерства юстиции СССР». Между тем, институт уголовной политики еще в 1937 году был преобразован во Всесоюзный институт юридических наук, причем согласно положению об этом институте от 4 апреля 1938 г. при нем тогда же (а не в 1944 году) была организована Центральная криминалистическая лаборатория. На стр. 19 авторы пишут, что первый советский учебник для юридических институтов был издан в 1938 году, тогда как на самом деле такой учебник под редакцией акад. А. Я. Вышинского вышел еще в 1935 году.

Вслед за главой по истории советской криминалистики в учебнике идет ряд глав по техническим вопросам. Эти главы написаны проф. Винбергом. По сравнению с изданием того же учебника в 1945 году материал рассматриваемых глав значительно пополнен и расширен. Несмотря на это, качество указанных глав как с научной, так и с педагогической точек зрения находится на весьма недостаточном уровне.

Проф. Винберг небрежно отнесся к изложению новой техники криминалистических исследований, а отдельные вопросы осветил неправильно. Приведем несколько примеров.

Говоря о применении ультрафиолетовых лучей в криминалистике, автор утверждает, что «при флюоресценции вещество, подвергнутое действию ультрафиолетовых лучей, приобретает способность светиться в темноте определенным, ему только свойственным светом» и что люминесцентный анализ позволяет отличать кровь человека от крови животных и даже дифференцировать кровь животных различных видов (стр. 92). Вопреки утверждению автора, разные вещества могут давать визуальную однородную флюоресценцию. Указание же на то, что люминесцентный анализ в настоящее время дает возможность различать видовую принадлежность крови, не соответствует действительности. Путем люминесцентного анализа нельзя не только установить видовую принадлежность крови, но даже определить, что пятно содержит кровь. К тому же кровь вообще не дает видимой люминесценции.

Такая информация автора не только дезориентирует учащихся, но может повести к различным недоразумениям в процессе следствия и судебного разбирательства, в частности, будучи выставленной в качестве требования к экспертизе.

Говоря о следах зубов (стр. 60), проф. Винберг указывает, что по ним можно «с известной степенью вероятности устанавливать пол человека». Такое утверждение автора не согласуется с научными данными. Пол человека ни с какой сте-

пенью вероятности не может быть установлен путем изучения зубов или их следов.

Описывая новые методы идентификации оружия по пулям, автор утверждает, что метод гальванопластики является «приемом исследования следов на пуле специальным составом металла» (стр. 130). Это указание не точно. Гальванопластика — не метод исследования, а технический прием воспроизведения формы предмета, в данном случае микрорельефа поверхности пули.

На стр. 132 проф. Винберг говорит о возможности идентификации оружия по пыжам и остаткам порохового заряда. Такого рода указание стоит в полном противоречии с возможностями экспертизы, поскольку само собой вполне понятно, что ни порох, ни пыжи не могут отражать индивидуальных признаков оружия, из которого они были использованы, так же как, наоборот, оружие не может сохранять в себе признаков использованных пыжей или пороха, пригодных для целей отождествления оружия.

В главе о следах автор пишет, что после обнаружения бесцветных, пальцевых отпечатков их необходимо превратить в видимые путем опыления (стр. 34). Этот совет автора вреден; так как опыление может нарушать детали следа, то допускается оно только при невозможности изъять предмет или часть предмета с находящимся на нем отпечатком.

На стр. 46 автор пишет, что индивидуальными признаками подков, отображающимися в отпечатках ног лошадей, являются «следы ремонта» (!) подков. Общеизвестно, что изношенные подковы не ремонтируются, а меняются.

На стр. 48 проф. Винберг, говоря о признаках, по которым можно определить направление движения транспорта по его следам, указывает, что в качестве одного из таких признаков могут служить образующиеся, по его словам, на дне следа «воронкообразные завихрения». На самом деле подобных «завихрений» в колеях никогда не наблюдается.

На стр. 91 автор пишет, что для лучшего выявления окрашенных штрихов применяют светофильтр в сочетании с пластинками, чувствительными «к цвету данного светофильтра». В действительности, однако, цветочувствительность пластинок выбирается применительно к лучам, пропускаемым данным фильтром, а не к его «цвету», что далеко не одно и то же. В качестве примера достаточно привести эбонитовые и серебряные светофильтры.

Ошибки допущены автором при изложении и других вопросов техники.

Приведем для примера стр. 120—131 из главы «Криминалистическое исследование огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их действия», причем заметим, что эта глава написана лучше ряда других: на стр. 120 проф. Винберг неправильно называет кам

ает кам стр. 122
разницы
ными пи
будто ги.
на стр.
утвержда
дельной
(на само
но делае
нице на
мелкокал
«дном»;
счованны
эксперим
гильз и
вия, ма
виям ст
(на само
ба долж
водится
уловител
стр. 127
летов с
на стр.
метод вы
верхности
катке пу
того что
пленке;
штанцма
«штанца
термину
жня»; н
утвержде
канала с
чение де
тогда ка
раньше
или иные

Незави
и неточн
техники
тодически
юридичес
редь, сс
слушатель
работы в
Примени
ки в ча
это озна
но быть
обнаруже
доказате
анализ э
варители
па перви
построени
тия опер
на вопро
экспертиз
зультате
стики сл
сти опре
которые
бы испо
следовате
Рассмо
этих точ

ает каморы револьверов «камерами», на стр. 122 ошибочно истолковывает сущность разницы между унитарными и специальными патронами, на стр. 122 уверяет, будто гильза «скрывает все части патрона», на стр. 124 (стр. 123 занята рисунками) утверждает, якобы материалом для самодельной дроби служат гвозди и проволока (на самом деле самодельная дробь обычно делается из свинца); на той же странице называет малокалиберную винтовку мелкокалиберной, а шляпку гильзы — «дном»; на стр. 125—126 выдвигает необоснованные требования, чтобы эксперт при экспериментальном получении контрольных гильз и пуль стремился «соблюдать условия, максимально приближенные к условиям стрельбы на месте происшествия» (на самом деле экспериментальная стрельба должна производиться и всегда производится в стандартных условиях в пулеуловитель или пулепоглотитель); на стр. 127 автор путает отражатель пистолетов с отсечкой — отражателем винтовки; на стр. 129 неточно излагает графический метод воспроизведения микрорельефа поверхности пули; на стр. 130 пишет о прокатке пули по киноленте пленки, вместо того чтобы сказать о прокатке пули по пленке; на стр. 131 пишет об «отпечатке штифмарки», в то время как термин «штифмарка» сам по себе соответствует термину «отпечаток дульного среза оружия»; на той же странице содержится утверждение, что специфический запах из канала ствола оружия наблюдается «в течение двенадцати часов после выстрела», тогда как этот запах может исчезнуть раньше или позже в зависимости от тех или иных обстоятельств, и т. д.

Независимо от указанных выше ошибок в неточности, раздел криминалистической техники страдает рядом существенных методических недостатков. Руководства для юридических школ должны, в первую очередь, содержать материал, необходимый слушателю для их будущей практической работы в органах прокуратуры и юстиции. Применительно к учебнику криминалистики в части криминалистической техники это означает, что большее внимание должно быть обращено: во-первых, на вопросы обнаружения, собирания и закрепления доказательств; во-вторых, на следственный анализ этих доказательств в плане предварительных неофициальных суждений типа первичных экспертных исследований для построения следственных версий и принятия оперативных мероприятий; в-третьих, на вопросы направления материалов на экспертизу и оценки ее заключений. В результате прохождения курса криминалистики слушатели школ должны приобрести определенные практические навыки, которые они по окончании школы могли бы использовать в качестве народных следователей и судей.

Рассмотрим рецензируемый учебник с этих точек зрения. Возьмем в качестве

примера главу о криминалистическом исследовании огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их действия. В этой главе необходимо было прежде всего изложить вопросы осмотра оружия, обнаружения, изъятия и осмотра использованных боеприпасов и следов выстрела и т. п. Затем следовало рассмотреть, по каким признакам вещественных доказательств можно составить предварительное суждение о виде применявшегося оружия, о дистанции и направлении выстрела и т. д. После этого следовало изложить правила упаковки вещественных доказательств. Затем надо было перейти к постановке вопросов экспертизе, к изложению возможностей экспертных исследований и после всего остановиться на оценке результатов экспертизы в части ее научной доказательности, достоверности и полноты.

Вместо всего этого автор сосредоточил главное внимание на методике производства экспертизы. Упомянутые наиболее важные для слушателей юридических школ вопросы изложены в форме краткого перечня или вовсе обойдены молчанием.

В то же время вопросы судебно-баллистической экспертизы изложены в книге неудовлетворительно. Говоря об идентификации огнестрельного оружия по стреляной пуле, проф. Винберг приводит семь методов: фотографический, прокатки, сравнительной микроскопии, графический, метод проф. Матвеева, метод разворачивания оболочки пули и метод гальванопластики. Автор, однако, не указал, какие из этих методов действительно применяются на практике, а какие давно оставлены ввиду их непригодности или заменены лучшими. Широко используемый в советских криминалистических лабораториях метод сравнительной микроскопии поставлен наравне с нигде не применяемым неудачным графическим методом. В учебнике описан устаревший метод проф. Матвеева, но не указан более усовершенствованный фотометрический метод, разработанный в Киевском институте судебной экспертизы еще в 1948 году; также не описан получивший распространение метод прокатки по восковой композиции. Автор не говорит, каким образом следует подходить к оценке выводов эксперта, какова доказательственная сила этой экспертизы.

Возьмем в том же плане в качестве второго примера методических недостатков учебника раздел о следах взлома (стр. 49—54). Проф. Винберг подробно описывает здесь, как производятся различные взломы, как нужно подбирать ключ, как надо пользоваться отмычками, какие способы применяются для взлома дверей, окон, детально описывает устройство специальных приспособлений для взлома несгораемых шкафов и технику пользования этими приспособлениями, но почти вовсе упускает из виду самое главное — работу следователя на месте происшествия по таким случаям.

В разделе о судебной экспертизе документов автор отводит целых четыре страницы рассмотрению буржуазных направлений в области судебного почерковедения, но очень кратко излагает советскую методику графического отождествления. Говоря о признаках почерка, проф. Винберг оставляет без внимания весьма важные для отождествления частные признаки почерка. Исследование документов при технических подделках изложено недостаточно. И здесь, как и в разделе о следах взлома, много говорится о технике совершения преступлений (например, о способах подделки печатей), в то время как почти ничего не говорится о вопросах, в первую очередь интересующих будущих следователей и судей, — о раскрытии этих преступлений.

Неправильным с методической точки зрения представляется применение в учебнике ряда ссылок на различные специальные методы без их разъяснения. На стр. 37 автор упоминает о переносе опыленных следов пальцев на фотопленку и фотобумагу, но не сообщает, каким образом это делается. На стр. 54—55 говорится, что одним из наиболее распространенных способов изготовления слепков со следов взлома является копирование их при помощи массы «стеас», но не рассказывается, как нужно изготовлять эти слепки. В разделе о технике криминалистических исследований автор ссылается на микрофотографию в поляризованном свете, на использование стереофотографического метода для исследования последовательности пересечения штрихов, совершенно не объясняя сущности этих методов.

В учебниках необходимо соблюдать выдержанную терминологию, называя одни и те же объекты всегда одинаковыми терминами. В рецензируемой книге это правило нередко нарушается. На стр. 32 говорится об опылении следов пальцев аргенторатом; на стр. 35 сообщается об опылении следов пальцев порошком алюминия, причем и не разъясняется, что этот порошок и аргенторат — одно и то же вещество.

Насколько небрежно отредактирована книга, видно из следующих примеров. На стр. 40 мы читаем, что ломаная линия, соединяющая центры пяток следов ног, называется «линией ходьбы, изображающая походку человека». На стр. 44—45, говоря о следах от подков, автор пишет, что «у нижней поверхности подошвы имеются углубления для помещения шляпок гвоздей» (очевидно, что эти углубления делаются не на подошвах, а на подковах). На стр. 53 можно прочесть, что мотыга относится к «шахтерскому инструменту». На стр. 55, в разделе о пыли и грязи как вещественных доказательствах, написано, что исследование пыли, извлеченной из одежды, «способствует обнаружению трупа» (вместо «опознанию трупа»). На стр. 91 сказано, что «Репродукционная фотография применяется при фотосъемках

штриховой репродукции документов» (очевидно, что репродукционная фотография не состоит в фотографировании репродукции).

В итоге следует прийти к выводу, что необходимо расширить круг авторов, выступающих в печати с работами по криминалистике, смелее продвигать вперед молодые силы, организовать конкурс на новый учебник.

Ю. Кубицкий

Обсуждение учебника криминалистики для юридических школ во Всесоюзном научно-исследовательском институте криминалистики Прокуратуры СССР

Участие в создании учебников и учебных пособий по криминалистике — одна из важных задач Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР. Задача эта может осуществляться как путем подготовки учебников силами научных сотрудников института, так и путем привлечения к этой работе сил иных научных организаций. На в обоих случаях совершенно необходимым условием является изучение существующей учебно-методической литературы по криминалистике с целью выявления имеющихся в ней недостатков и обсуждение этой литературы на широких собраниях криминалистов, конкретные указания которых должны помочь улучшению тех или иных пособий по криминалистике. Развернутая большевистская критика и самокритика — необходимое условие для создания полноценных учебников, столь необходимых для высших и средних юридических учебных заведений и практических работников, повышающих свою квалификацию.

Исходя из этих соображений, дирекция института криминалистики включила в план работ института организацию широкого обсуждения учебников и учебных пособий по криминалистике. В исполнение этого плана на специальном расширенном заседании совета института, состоявшемся 21 декабря прошлого года, обсуждался учебник криминалистики для юридических школ¹.

Этот учебник получил широкое распространение и сыграл положительную роль в повышении квалификации юридических кадров. Почти десять лет он является учебным пособием по криминалистике не только в юридических школах, но и на семинарских занятиях практических прокурорско-следственных работников. Однако этот учебник не лишен существенных недостатков.

С целью всестороннего обсуждения учебника на расширенное заседание совета института были приглашены работники и иных научно-исследовательских организаций, соприкасающихся с проблемами криминалистики.

¹ А. И. Винберг и Б. М. Шавер. Криминалистика, Госюриздат, изд. 4-е, дополненное, 1950 г., стр. 272.

Обсужд
Высказы
Выступав
тодологии
так и о
грубых о
ника.

Большо
вопрос о
предназна
учебных
дических
лагают,
ставятся
ших учеб
точки зре
чать в уч
учебных
нии все
высших у

— В э
юридичес
тут крими
пропорцио
лов учебн
стает отве
к вузовск
специальн
удовлетвор
специальн
юридическ
практическ
кации. Эт
школьной
практическ
дать им
она должн
выкам, не
боты. Уче
в частнос
должен н
работника
решать тс
учебник д
обосновыв
ботник в
показать
практическ
Этим треб
не отвечает
авторов б
объема уч
завского.

Ту же м
нии проф.
криминали
ческих шко
ное значен
кадров пр
ставлении
шена мето
ток относи
юридически
чается в т
лись как
учебников.
юридически
подав иная

Обсуждение носило активный характер. Высказывания были весьма разнообразны. Выступавшие касались как вопросов методологии и системы подачи материала, так и отдельных недочетов изложения и грубых ошибок, снижающих ценность учебника.

Большое внимание собравшихся привлек вопрос о характере построения учебников, предназначенных для специальных средних учебных заведений, в том числе и для юридических школ. Некоторые неправильно полагают, что такие учебники должны составлять по образцу учебников для высших учебных заведений. Сторонники такой точки зрения полагают возможным включать в учебники для специальных средних учебных заведений в сокращенном изложении все разделы таких же учебников для высших учебных заведений.

— В этих случаях, — отметил кандидат юридических наук Г. Б. Карнович (Институт криминалистики), — происходит как бы пропорциональное сокращение всех разделов учебника. В результате учебник перестает отвечать требованиям, предъявляемым к вузовским учебникам, но и учащихся специальных средних учебных заведений он удовлетворить не может. Как и другие специальные средние учебные заведения, юридические школы призваны готовить практических работников средней квалификации. Эти работники непосредственно со школьной скамьи должны окунуться в практическую деятельность. Школа должна дать им максимум практических сведений, она должна научить их практическим навыкам, необходимым для повседневной работы. Учебник для юридической школы, в частности учебник по криминалистике, должен научить будущего практического работника тому, как он может на деле решать тот или иной вопрос. Поэтому учебник должен не столько теоретически обосновывать то, что должен делать работник в том или ином случае, сколько показать на ярких примерах, как следует практически решать тот или иной вопрос. Этим требованиям обсуждаемый учебник не отвечает, так как основное внимание авторов было направлено на сокращение объема учебника, построенного по типу вузовского.

Ту же мысль высказал в своем выступлении проф. А. А. Пионтковский (Институт криминалистики). — Учебники для юридических школ, — отметил он, — имеют огромное значение для подготовки полноценных кадров практических работников. При составлении обсуждаемого учебника допущена методическая ошибка. Этот недостаток относится и к другим учебникам для юридических школ. Ошибка эта заключается в том, что учебники эти составлялись как сокращенное издание «больших» учебников. Между тем в учебниках для юридических школ материал должен быть изложен иначе, должен освещаться иной круг

вопросов. Учебники для юридических школ должны быть написаны популярнее.

При обсуждении был затронут весьма важный вопрос о необходимости при преподавании криминалистики — в вузе ли, в юридической ли школе — уделять большее внимание строжайшему соблюдению норм социалистической законности. Оусуществляя любое следственное действие, следователь обязан свято придерживаться закона, не преступая его. Это требование должно находить отражение в любом учебнике по криминалистике, в том числе в учебнике по этой дисциплине и для юридических школ.

Об этом говорили в своих выступлениях практические работники следствия Л. И. Мариупольский (прокуратура Ярославской ж. д.), кандидат юридических наук С. Я. Розенблит (Институт криминалистики) и др.

— Требование строжайшего соблюдения социалистической законности, — сказал Л. И. Мариупольский, — недостаточно точно выражено в обсуждаемом учебнике; в разделах об обыске, борьбе с хищениями и других даются неверные рекомендации.

— Более ясно, — отметил С. Я. Розенблит, — надо излагать вопросы тактики расследования и более четко показывать связь этих вопросов с уголовным процессом.

В выступлениях подчеркивалась необходимость в учебниках по криминалистике при изложении материала не отрываться от действительности, быть ближе к жизни. В учебнике криминалистики для юридических школ такой отрыв от действительности есть в том разделе, где говорится о применении следователем научно-технических средств. В учебнике говорится о таких средствах, которые для нашего следствия являются давно пройденным этапом. В то же время отмечалась некоторая чрезмерность показа в учебнике экспертной техники.

Об этом говорил в своем выступлении С. С. Степичев (Институт криминалистики). — В учебнике, — сказал он, — было бы целесообразнее сделать упор не на проблемы техники, применяемой при производстве экспертиз, а на те вопросы, с которыми непосредственно столкнутся будущие практические работники следствия. Им нужно показать приемы обнаружения, собирания и закрепления доказательств. Давая описание научно-технических средств, никак нельзя было обойти молчанием того, что все прокуратуры снабжены следственными чемоданами. Учебник не учел нынешней вооруженности следователя техническими средствами. В частности, мало внимания уделяется в учебнике судебно-оперативной фотографии, которая получает все более широкое применение.

Недостаточное отражение требований повседневной действительности сказывается не только в этом. В учебнике мало внимания уделено вопросам методики расследо-

вания отдельных видов преступлений. Об этого рода недочетах говорил в своем выступлении В. А. Долицкий (Институт криминалистики). — В учебнике, — подчеркнул он, — должна быть более широко показана методика расследования таких преступлений, как хищения социалистической собственности, выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, преступные аборты, нарушения правил техники безопасности, поджоги. Необходимо дифференцировать методические указания по расследованию преступлений.

Ряд выступавших отмечал нецелесообразность публикации в учебниках такого рода научно-технических сведений, которые являются неясными или спорными. Это, в частности, относится к вопросу о возможности использования в криминалистике метода люминесценции. Советские ученые внесли ценный вклад в разработку проблемы люминесценции и сделали в этой области выдающиеся открытия, которые, вполне возможно, в будущем найдут применение и в криминалистике, но сейчас этот вопрос недостаточно еще разработан. В обсуждаемом же учебнике вопрос об использовании для целей криминалистики свечения изложен так, что он не оставляет сомнений в возможности уже теперь использовать люминесценцию для того, чтобы отличить кровь человека от крови животных и чтобы установить, какому именно животному эта кровь принадлежит (стр. 92 учебника).

— Такое категорическое заявление, — отметил Г. Б. Карнович, — не обосновано, поскольку и квалифицированные специалисты еще не разобрались в этом вопросе. Поэтому помещение в учебнике сведений о применении люминесценции для определения крови является грубой ошибкой.

Эту точку зрения разделили и другие участники обсуждения, причем кандидат медицинских наук Ю. М. Кубицкий (Институт судебной медицины) назвал упомянутое выше утверждение учебника (о возможности исследования крови с помощью люминесценции) антинаучным, делающим невозможным пользование учебником, помещающим непроверенные данные. Не следовало писать и о возможности использования в криминалистике следов зубов с целью различить пол человека, оставившего эти следы. В учебнике по этому поводу (стр. 60) сказано, что «на основании исследования зубов могут быть установлены с известной степенью вероятности возраст, пол человека и некоторые заболевания». Пол человека, — заявил Ю. Б. Кубицкий, — нельзя установить ни на основании изучения зубов, ни на основании изучения их следов.

Доктор медицинских наук проф. В. Ф. Черваков (1-й Московский медицинский институт) упрекал авторов учебника за то, что они уделили мало внимания такому важному, с его точки зрения, моменту, как осмотр трупа. Этому, — сказал проф. В. Ф. Чер-

ваков, — в учебнике отведено всего три страницы, что явно мало. Для пользы криминалистического образования необходимо расширить этот раздел.

В учебнике немало погрешностей как в части изложения текста, так и в части характеристики тех или иных фактов.

Много таких недочетов указал в своем выступлении доктор юридических наук проф. Н. В. Терзиев (ВЮЗИ). В частности, он указал на неточности в датах, касающихся истории криминалистики. Ошибки есть в главе, излагающей основы дактилоскопии, что дезориентирует учащихся.

Ю. М. Кубицкий указал на ряд ошибок, в том числе на ошибку, имеющуюся на стр. 43, где авторы учебника говорят о возможности установить по следам ног непропорциональное сложение человека; утверждают, что у лиц небольшого роста длина стопы может быть вчетверо меньше роста. Это утверждение приводит к абсурдному выводу о том, что длина стопы может достигнуть 38—45 см.

— Неясности, — сказал М. П. Калядинцев, — имеются в § 8 главы X («Допрос»): о каких выводах свидетеля при записях показаний там говорится, непонятно.

— Сомнительна правильность классификации в учебнике признаков почерка, — заявил ст. научный сотрудник Института криминалистики Н. А. Селиванов.

В заключение обсуждения выступил один из авторов учебника доктор юридических наук проф. А. И. Винберг. В основном он согласился с правильностью большинства сделанных замечаний и поблагодарил выступавших за товарищескую критику, которая является полезной при подготовке нового издания учебника.

Широкое обсуждение учебника криминалистики для юридических школ позволило выявить очень существенные недостатки учебника. Это обсуждение сделало более ясным путь для криминалистов, которые возьмутся за написание нового учебника и которые, учтя критику в адрес учебника криминалистики для юридических школ, сумеют благодаря этому избежать ошибок, вкравшихся в указанную книгу. Однако наличие в учебнике по криминалистике для юридических школ отмеченных недостатков не дает оснований говорить о полной непригодности этого учебника.

От редакции. Совет Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР в своем решении от 23 декабря 1951 г. отметил, что, несмотря на имеющиеся в учебнике по криминалистике для юридических школ (А. Винберг и Б. Шавер) серьезные недостатки и ошибки, этот учебник не может быть характеризован как непригодный для использования в качестве учебника для юридических школ; учебник должен быть в ближайшее время переиздан и все отмеченные в нем недостатки и ошибки должны быть устранены.

Ответ получен

Приказ: Министр предприятия миссии г. неустановленного приказа к. ние сроки и предъявлять треб в хране ствующег чение к его разу

Прокур каз Глав соображен ством п кранение щего обо ра, главн и начала тельства преследуе должность руководст ремонтм ствие неу оборудова начальник стоянные полномочи тельными хранности ного обор дают дире ного меха тального ного руко дело.

Начальн Прокурату нение при миссии на техниче ско приятий п установлен что все а ректором комиссий ко его пр пути подче ной комисс главного и начальника

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

Ответственность за сохранность неустановленного и бездействующего оборудования.

Приказом Главсевморпути при Совете Министров СССР на всех подчиненных ему предприятиях учреждены постоянные комиссии по учету и надзору за хранением неустановленного и бездействующего оборудования. Наряду с этими обязанностями, приказ возложил на комиссии установление сроков ввода в действие неустановленного и бездействующего оборудования, предъявление всем работникам предприятия требований об устранении недочетов в хранении неустановленного и бездействующего оборудования, а также привлечение к ответственности лиц, виновных в его разукрупнении и порче.

Прокуратура СССР опротестовала приказ Главсевморпути, исходя из следующих соображений: Действующим законодательством персональная ответственность за хранение неустановленного и бездействующего оборудования возложена на директора, главного инженера, главного механика и начальника отдела капитального строительства предприятия. Тем самым закон преследует цель побудить именно этих должностных лиц обеспечить повседневное руководство и контроль над хранением, ремонтом и своевременным вводом в действие неустановленного и бездействующего оборудования. Организованные по приказу начальника Главсевморпути особые постоянные комиссии, обладающие всеми полномочиями (в том числе и распорядительными функциями) по обеспечению сохранности бездействующего и неустановленного оборудования, фактически освобождают директора, главного инженера, главного механика и начальника отдела капитального строительства от непосредственного руководства и ответственности за это дело.

Начальник Главсевморпути с протестом Прокуратуры СССР согласился и во изменение приказа ограничил деятельность комиссии на предприятиях лишь оказанием технической помощи руководителям предприятий по обеспечению сохранности неустановленного оборудования, установив, что все акты комиссии утверждаются директором предприятия, а предложенные комиссией меры проводятся в жизнь только его приказом. Начальник Главсевморпути подчеркнул, что организация указанной комиссии не освобождает директора, главного инженера, главного механика и начальника отдела капитального строитель-

ства предприятия непосредственно и повседневно заниматься вопросами сохранности оборудования, за что они по закону несут персональную ответственность.

Изъятие рыболовных участков у колхозов с целью передачи другим организациям является незаконным

Министерство рыбной промышленности СССР своим приказом обязало Главное управление рыбоохраны и рыбоводства произвести в сибирских бассейнах перераспределение рыболовных участков: изъять их от тех организаций, которые не обеспечивают рациональную эксплуатацию угодий, и передать в фонд рыболовных участков, используемых непосредственно предприятиями Министерства (рыбозаводами и рыбокомбинатами). Согласно этому приказу подлежали изъятию с передачей в пользование рыбозаводам также те рыболовные участки, которые закреплены за рыбацкими колхозами, но нерационально ими использовались.

Ввиду этого приказ Министерства был опротестован Прокуратурой СССР. Примерный устав рыбацкой артели предусматривает, что рыболовные участки предоставляются в бесплатное и бессрочное пользование артели по договору, заключаемому с органами рыбоохраны и рыбоводства. Договором предусматриваются размеры и точные границы рыболовного участка, а также обязанности артели по правильному его использованию. Изъятие рыболовных участков у колхозов допускается уставом рыбацкой артели лишь как исключительная мера, которая может применяться не в целях перераспределения рыболовных участков между колхозами и рыбозаводами, а только в случаях, когда колхоз вовсе не использует рыболовного участка, либо систематически нарушает договор и производит хищнический лов рыбы. С целью всемерного ограждения прав колхозов закон предусматривает, что в указанных выше случаях расторжение договора и изъятие рыболовного участка производится только по суду. Общее перераспределение рыболовных участков, поскольку оно касается рыбацких колхозов, противоречит установленному законом принципу бессрочного закрепления рыболовных участков за колхозами. Кроме того, самый признак, по которому должно производиться изъятие участков у колхозов, — нерациональное их использование, — является крайне неопределенным и находится в противоречии со ст. 2 Примерного устава рыбацкой артели. Нерациональное использование рыболовных участков рыбацкими колхозами, если это не связано с систематическими и суще-

ственными нарушениями договора или с хищническим ловом рыбы, не может служить поводом для расторжения договора и изъятия участков, а обязывает моторно-рыболовные станции Министерства рыбной промышленности СССР и рыбколхозсоюзы организовать более рациональное использование этих участков соответствующими колхозами.

Согласившись с точкой зрения Прокуратуры СССР, Министр рыбной промышленности СССР разъяснил начальнику Главрыбвода и начальнику Главсибрыбпрома, что предусмотренное указанным приказом перераспределение рыбоугодий не относится к рыболовным участкам, закрепленным за колхозами.

Незаконное смещение с должности

Начальник Волжского грузового пароходства за невыполнение своего приказа сместил с должности капитана парохода младшего лейтенанта речного флота М. и назначил его рядовым матросом.

По жалобе М. этот приказ был опротестован Прокуратурой СССР по следующим основаниям. Занимая должность капитана, М. является специалистом-судоводителем, что подтверждено присвоением ему специального звания младшего лейтенанта речного флота. Статья 36 Кодекса законов о труде запрещает администрации требовать от нанявшегося работника, не относящегося к тому роду деятельности, для которой последний был нанят. Предусмотренное уставом о дисциплине право смещать нарушителей дисциплины на низшую должность не представляет изъятия из ст. 36 Кодекса законов о труде, и поэтому при смещении М. с должности ему должна быть предоставлена работа судоводителя, а не рядового матроса. Кроме того, следует признать явным извращением дисциплинарной практики смещение работника, которому присвоено звание среднего начальствующего состава речного флота, на должность рядового матроса.

Министерство речного флота СССР с протестом Прокуратуры согласилось и отменило приказ начальника пароходства о переводе М. на должность матроса, предложив сместить его на должность 2-го штурмана.

Установление работнику заработной платы ниже должностного оклада, предусмотренного штатным расписанием, является незаконным

Главморпром Министерства морского флота разъяснил директору завода имени Парижской коммуны, что он имеет право устанавливать инженерно-техническим работникам и служащим завода заработную плату ниже оклада, предусмотренного штатным расписанием, зарегистрированным в финансовых органах. На этом основании директор завода при назначении на должность работников, как правило, устанавли-

вал им заработную плату ниже должностного оклада, как, например, начальнику лаборатории — на 220 руб. ниже, заместителю главного технолога — на 100 руб., инженеру производственного отдела — на 100 руб. и т. д.

Разъяснение Главморпрома было опротестовано Прокуратурой СССР по следующим мотивам. Постановлением СНК СССР от 7 декабря 1929 г. «о государственном нормировании заработной платы служащих в государственных учреждениях и предприятиях» (см. «Известия» 18 декабря 1929 г.) установлено, что государственное нормирование заработной платы проводится на основе твердых должностных окладов. Категорически запрещено всякое изменение установленных должностных окладов без разрешения Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР. Поэтому разъяснение Главморпрома является незаконным. Поскольку должностные оклады устанавливаются в зависимости от объема и сложности работы по данной должности, установление директором предприятий произвольных пониженных окладов ни в какой мере не способствует подбору для предприятий кадров должной квалификации.

Министерство морского флота СССР с протестом Прокуратуры согласилось и дало указания директору завода строго соблюдать действующий порядок государственного нормирования зарплат работникам заводоуправления, не допуская установления пониженной заработной платы против должностных окладов, предусмотренных штатным расписанием.

Незаконное наложение штрафа

Помощник санитарного врача отдела здравоохранения Печорского бассейна составил протокол, что заведующая магазином отдела рабочего снабжения пароходства Б. отпустила детскому саду и яслям муку первого сорта, в то время как в магазине имелась мука высшего сорта, которая продавалась населению. На основании этого протокола главный санитарный врач Печорского бассейна вынес постановление о наложении на заведующую магазином Б. штрафа в размере 50 руб. Протест прокурора на это постановление удовлетворен не был.

Прокуратура СССР опротестовала постановление главного санитарного врача бассейна по следующим основаниям. Положение о санитарно-противоэпидемической службе СССР предоставляет органам этой службы право налагать штраф на лиц, виновных в нарушении санитарно-гигиенических правил и норм или в невыполнении законных требований органов санитарно-противоэпидемической службы. Б. отпустила детским учреждениям доброкачественные пищевые продукты, и поэтому главный санитарный врач бассейна не имел никаких законных оснований подвергать ее штрафу. Если бы было установле-

но, что высшего детского дисциплинарного наказания установлено или к по постановлению инспекции ской слу воду дей явно вып полномоч жение с службе (Минист с протес лось и п врача ба что в слу при нало нут дисц

ПО
Неоснова
повлекше
о

Голик, в суд с Голик, М временны условия одной кв Подольск нием в и имено у, лик, М., лую плод делением ние народ тест Про мене ука Верховны нен.

Считая ление неп рор СССР коллегиио ного суда Судебная казывая чины, сос живала н его семьи право на являются лик, М., В 1945 г. цей истц разрешени леп. Исте дей. Восп жеением к семьи, отв щадь Голи ва. То ос жилиу пл

но, что Б. при наличии в продаже муки высшего сорта отказалась отпускать ее детским учреждениям, то за этот проступок она подлежала бы привлечению к дисциплинарной ответственности в порядке, установленном трудовым законодательством, или к административной ответственности по постановлению государственной торговой инспекции. Органы санитарно-эпидемической службы, составляя протокол по поводу действий Б. и налагая на нее штраф, явно вышли за пределы своих служебных полномочий и тем самым нарушили положение о санитарно-противоэпидемической службе СССР.

Министерство здравоохранения СССР с протестом Прокуратуры СССР согласилось и постановление главного санитарного врача бассейна отменило, предупредив его, что в случае повторения нарушений закона при наложении штрафов он будет подвергнут дисциплинарному взысканию.

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Неосновательное признание членом семьи, повлекшее неправильное разрешение спора о праве на жилую площадь

Голик, А., в марте 1950 года обратился в суд с иском заявлением о выселении Голик, М., по тем основаниям, что она временный жилец и создает невозможные условия для совместного проживания в одной квартире. Народный суд 5-го участка Подольского района г. Киева своим решением в иске о выселении отказал, одновременно удовлетворив встречный иск Голик, М., о признании за ней права на жилую площадь наравне с Голик, А. Определением Киевского областного суда решение народного суда оставлено в силе. Протест Прокурора Украинской ССР об отмене указанных решения и определения Верховным судом Украинской ССР отклонен.

Считая состоявшееся решение и определение неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР. Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия указала, что суд, отказывая в иске Голик о выселении ответчицы, сослался на то, что Голик, М., проживала на жилой площади истца как член его семьи и поэтому имеет самостоятельное право на жилую площадь. Эти доводы являются необоснованными. Ответчица Голик, М., членом семьи истца не была. В 1945 году, будучи дальней родственницей истца, Голик, М., поселилась с его разрешения в квартире как временный жилец. Истец является ее двоюродным дядей. Воспользовавшись хорошим расположением к ней со стороны истца и его семьи, ответчица претендует на жилую площадь Голик, на которую она не имеет права. То обстоятельство, что ответчица на жилую площадь истца не имеет права,

видно также из того, что она, выйдя замуж, с 1945 по 1947 год проживала с мужем и ребенком у сестры своего мужа. Ответчица, как видно из ее объяснений, платила истцу квартирную плату. Все эти обстоятельства, несомненно, свидетельствуют о том, что ответчица права на жилую площадь истца приобрести не могла. Признавая за ответчицей право на жилую площадь, суд исходил из произвольного толкования понятия члена семьи, что и повлекло нарушение жилищных прав семьи истца Голик и п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила все решения и определения, обратив дело на новое рассмотрение в Киевский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

В случае невыполнения колхозом обязательств по госпоставкам суд не может уменьшить штраф, наложенный в соответствии с законом

Колхоз «Ленинский путь» Кондопожского района Карело-Финской ССР по состоянию на 1 июня 1951 г. имел недоимку по обязательным поставкам государству молока. Народный суд 1-го участка Кондопожского района своим решением взыскал с колхоза «Ленинский путь» недоимку по госпоставкам молока и за невыполнение в срок поставки наложил на колхоз штраф в размере стоимости недоимки молока по государственным закупочным ценам. Верховный суд Карело-Финской ССР изменил решение народного суда в части наложения штрафа на колхоз, снизив штраф до 294 руб., а в части взыскания недоимки молока оставил решение в силе.

Генеральный Прокурор СССР, считая неправильным определение Верховного суда Карело-Финской ССР в части изменения решения народного суда о снижении штрафа, принес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР. Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что в соответствии с п. 56 инструкции Министерства заготовок «О порядке проведения обязательных поставок молока и масла государству», утвержденной Министерством заготовок СССР 10 мая 1950 г. за № 708, за невыполнение колхозами обязательств по госпоставкам молока в срок налагается штраф в размере стоимости невыполненной части обязательства по государственной закупочной цене. Народный суд правильно разрешил дело. Верховный суд Карело-Финской ССР, вопреки закону, снизил размер штрафа, наложенного на колхоз в связи с невыполнением обязательств по госпоставкам молока, мотивируя снижение штрафа тем, что несвоевременная сдача молока колхозом произошла из-за использования большей части молока на выпойку телят. Мотивы, положенные в основу опре-

деления Верховного суда Карело-Финской ССР о снижении штрафа за невыполнение обязательств, противоречат инструкции «О порядке проведения обязательных поставок молока и масла государству».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Карело-Финской ССР и оставила в силе решение народного суда.

Дети обязаны доставлять содержание своим нуждающимся нетрудоспособным родителям

Решением народного суда I-го участка г. Лиепая отказано в иске Ваксман, Х. Г., об алиментах с Давыдова, Ф. И. Верховный суд Латвийской ССР это решение народного суда оставил в силе. Генеральный Прокурор СССР, считая решение и определение судебных органов неправильными, опротестовал их в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР. Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что Ваксман, как больная и нетрудоспособная, нуждается в средствах на содержание, предъявила иск к своему сыну Давыдову о взыскании алиментов, ссылаясь на то, что он добровольно не оказывает ей материальной помощи. Ответчик, возражая против иска, ссылаясь на то, что его родители брак расторгли и не стали проживать совместно, когда ему было пять лет, с тех пор он проживает у отца и мачехи и поэтому не обязан платить алименты своей родной матери. Народный суд отказал в иске об алиментах, мотивируя свое решение тем, что Ваксман своего сына, ответчика по делу, не воспитывала, так как он проживал с отцом и находился на его содержании. В определении Верховного суда Латвийской ССР указано, что суд правильно отказал Ваксман в иске, поскольку она не доказала, что воспитывала сына в течение десяти лет. Доводы, изложенные в решении народного суда и определении Верховного суда Латвийской ССР, не могут быть признаны правильными. Законом предусмотрено, что родители обязаны заботиться о несовершеннолетних детях, доставлять им содержание и готовить их к общественно-полезной деятельности. В силу ст. 49 Кодекса законов о браке, семье и опеке дети обязаны доставлять содержание своим нуждающимся нетрудоспособным родителям. Если родители не живут вместе, то от их согласия зависит, при ком должны проживать несовершеннолетние дети. При отсутствии соглашения между родителями вопрос этот решается в общественном порядке. Из материалов дела видно, что между родителями ответчика судом в свое время были разрешены все вопросы, связанные с тем, у кого из них и какие дети будут воспитываться и как родители будут их содержать. Как вытекает из закона, все вопросы, связанные с содержанием и воспитанием детей, имеют отношение только к

спорам между родителями. Между тем, суд именно эти обстоятельства положил в основу своего решения по иску матери к сыну об алиментах, что следует признать неправильным. Не могут быть признаны правильными и указания Верховного суда Латвийской ССР, так как доказывать, что она, истица, содержала ответчика в течение десяти лет, ей необходимо было бы, если бы она была ему не родной матерью, а мачехой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение Верховного суда Латвийской ССР и передала дело на новое рассмотрение.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Необоснованное обвинение в присвоении государственных средств

По приговору линейного суда Омской ж. д., оставленному в силе определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, бывший ст. бухгалтер 8-й дистанции пути Колесников был осужден по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы со взысканием с него солидарно с другими осужденными 21 688 руб. Колесников признан виновным в том, что он, войдя в преступную связь с кассиром Бондаревым, также осужденным по делу, за период ноябрь 1946 — март 1947 года из бухгалтерских документов, принятых в списанных с кассы, изымал оплаченные счета и ведомости, передавал их кассиру Бондареву и последний ими вторично отчитывался. Всего Бондарев совместно с Колесниковым присвоили и растратили 21 688 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор суда и определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, считая, что обвинение Колесникова в совместном присвоении денег с Бондаревым основано на предположениях и на противоречивых показаниях заинтересованного в исходе дела Бондарева, и просил квалифицировать действия Колесникова по ст. 111 УК РСФСР.

Пленум Верховного суда СССР 7 декабря 1951 г. протест удовлетворил и в своем постановлении № 08/35 указал:

«Как видно из материалов дела, Колесников, обрабатывая в апреле 1947 г. кассовый отчет, обнаружил, что кассир Бондарев платежную ведомость № 210 на сумму 412 руб. провел дважды. Об этом он доложил гл. бухгалтеру Литвинову, бывшему гл. бухгалтеру Манько и поставил эту сумму в начет Бондареву. Этот факт послужил поводом к проверке всей деятельности Бондарева. Литвинов и Колесников 12 и 14 апреля 1947 г. проверили кассовые отчеты Бондарева за 1946—1947 гг. и установили, что он путем представления одних и тех же платежных документов дважды изъясил из кассы 21 688 руб. Обвинение Ко-

леснико
своил с
оговоре
ниях, в
Плавски
пали: э
тем экс
Плавски
свидетел
Рябко
компете
«прямых
ных ср
считать
ником
средств
ко К.
ва Д. 4

Когда
ли допр
дали по
чекнях:
лать та
не мину
ко пока
посторо
как док
Плавски
ги не м
которые
зом, из
гл. бух
ко и П
дистанци
что им
леснико
расхище
чал полс

Сам Е
показани
именно
объяснен
Глебову,
(л. д. 7
обязател
жен вне
лил похи
экспертн
Бондарев
денег Ко
его след
дарев по
тил один
бухгалте
На вопро
творечи
Колесник
лесников
тал, что
будет у
ственность
кабря 19
ла Бонда
21 668 р
вал. На
нении пи
ву, Бонд
писал по
Свидетел

лесникова в том, что он эту сумму присвоил совместно с Бондаревым, основано на сговоре его Бондаревым и на предположениях, высказанных Литвиновым, Рябко и Плавским, которые в данном деле выступали: Литвинов — вначале ревизором, затем экспертом и впоследствии свидетелем, Плавский и Рябко — экспертами, а затем свидетелями. В акте экспертизы Литвинов, Рябко и Плавский, выходя за пределы компетенции экспертов, констатировали, что «прямым виновником в присвоении денежных средств в сумме 21 667 руб. 34 коп. считать бывшего кассира Бондарева, пособником допущения хищения денежных средств считать главного бухгалтера Манько К. Ф. и ст. бухгалтера Колесникова Д. Ф.».

Когда Литвинов, Рябко и Плавский были допрошены в качестве свидетелей, они дали показания, основанные на умозаключениях: Литвинов показал, что «кассир делать такие операции один не мог, это дело не минуло рук старшего бухгалтера»; Рябко показал, что «кассир мошенничать без посторонней помощи никак не мог, так как документы хранились у бухгалтера»; Плавский — что «Бондарев сам брать деньги не мог, а ему способствовали те лица, которые принимали отчеты». Таким образом, из показаний Литвинова, назначенного гл. бухгалтером 8-й дистанции пути, Рябко и Плавского, не работавших на этой дистанции, вовсе нельзя прийти к выводу, что им что-либо известно о том, что Колесников оказывал помощь Бондареву в расхищении средств, а затем от него получал половину похищенного.

Сам Бондарев неоднократно менял свои показания. Еще до возбуждения дела, а именно 15 апреля 1947 г., Бондарев, давая объяснения начальнику дистанции пути Гасову, ничего о Колесникове не писал (л. д. 71), 16 апреля 1947 г. он, давая обязательство, пишет, что 11 000 руб. должен внести Колесников, с которым он делил похищенное (л. д. 72); в объяснении экспертной комиссии 9 сентября 1947 г. Бондарев пишет, что организовал хищение денег Колесников (л. д. 77); на допросе его следователем 23 сентября 1947 г. Бондарев показал, что 21 688 руб. он растратил один, а ст. бухгалтер Колесников и гл. бухгалтер Манько об этом ничего не знали. На вопрос следователя, чем объяснить противоречие в его показаниях в отношении Колесникова, Бондарев ответил, что на Колесникова он показал ложно, так как считал, что с уменьшением суммы растраты будет уменьшена его, Бондарева, ответственность. В судебном заседании от 25 декабря 1947 г. при первом рассмотрении дела Бондарев показал, что он сам присвоил 21 668 руб. и ничего Колесникову не давал. На вопрос суда, почему он в объяснении писал, что 11 тыс. отдал Колесникову, Бондарев ответил, что он об этом написал по настоянию других лиц (л. д. 133). Свидетель Литвинов на суде подтвердил,

что при разговоре с ним Бондарев заявил, что он деньги присвоил и пропил. В ходе допроса Литвинова суд снова обратился к Бондареву с вопросами о Колесникове, причем Бондарев вновь подтвердил, что деньги взял сам и денег Колесникову не давал. После всех этих показаний Бондарев в том же судебном заседании вновь стал утверждать, что он дал 11 000 руб. Колесникову. Колесников как на предварительном следствии, так и на суде категорически отрицал получение денег от Бондарева, но подтвердил объяснения Бондарева о том, что Колесников просил, чтобы он его не путал в это дело. На основе этих показаний суд вынес определение о привлечении Колесникова к ответственности по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР. На втором судебном заседании от 6 февраля 1948 г. Бондарев показал, что 11 000 руб. дал Колесникову, причем, если он в первом судебном заседании показал, что Колесникову он дал в ноябре 1946 г. 2000 руб., в декабре того же года 4000 руб. и в январе 1947 г. 5000 руб., то в заседании 6 февраля 1948 г. он изменил эти показания и объяснил, что в декабре 1946 г. он Колесникову дал не 4, а 6 тыс. руб., в январе 1947 г. не 6, а 3 тыс. руб., и добавил, что Колесников еще у него брал на мелкие суммы без учета.

Из приведенного видно, что Бондарев давал разноречивые показания, которые не могут быть положены в основу обвинения Колесникова. Версия, выдвинутая свидетелем Литвиновым, что Колесников и Бондарев согласились погасить сумму в 21 тыс. руб., подтверждения в других материалах дела не находит. Обязательства Колесникова в материалах дела нет, а имеется лишь обязательство Бондарева, никто больше об обязательстве Колесникова погасить половину похищенной суммы ни на предварительном следствии, ни в суде не показывал.

Таким образом, следует признать, что по делу не собрано достаточных доказательств вины Колесникова в присвоении денег, так как показания Бондарева противоречивы, причем это — показания лица, заинтересованного в исходе дела, показания же Литвинова, Рябко и Плавского построены на предположениях, а факт просьбы Колесникова «не путать его в это дело» сам по себе не может быть расценен как доказательство, что Бондарев похищал деньги совместно с Колесниковым. Вина Колесникова состоит в том, что он разрешил подшивку уже оплаченных документов кассиру Бондареву, а также в том, что при принятии кассовых отчетов он по своей преступной халатности не проверил приложенные к ним платежные документы, чем воспользовался Бондарев в своих преступных целях. Эти действия Колесникова должны быть квалифицированы по ст. 111 УК РСФСР.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет: Переква-

лиффицировать действия Колесникова, Д. Ф., с ч. 2 ст. 116 на ст. 111 УК РСФСР, определить ему наказание в три года лишения свободы без поражения в правах, а за отбытием этого срока Колесникова из-под стражи освободить; солидарную ответственность Колесникова по взысканию материального ущерба из приговора исключить».

Необоснованное смягчение наказания взяточнику

По приговору линейного суда Ярославской ж. д. от 20 октября 1951 г. Молчанов был осужден по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР к лишению свободы на два года условно с испытательным сроком в течение одного года. Молчанов признан виновным в том, что он, работая ревизором-контролером пассажирских поездов, в августе 1951 года при проверке билетов в поезде № 43 обнаружил безбилетных пассажиров супругов Ефремовых и предложил им уплатить штраф в сумме 150 руб., но, получив от них взятку, от уплаты штрафа их освободил. 18 мая 1951 г. при проведении ревизии в поезде № 81 Молчанов обнаружил у пассажиров Васиной, Андреюшкиной и Бедняковкиной бесплатный провоз багажа сверх установленной нормы и предложил им каждой уплатить штраф по 22 руб., изъяв при этом у них проездные билеты, а затем, получив взятку, разрешил им ехать без оплаты штрафа за провоз излишнего багажа.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор суда, как находящийся в противоречии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 24 июня 1949 г. № 7/2/у. Линейный суд, переквалифицируя действия Молчанова со ст. 117, ч. 2, УК РСФСР на ч. 1 той же статьи, не учел его ответственного должностного положения и того, что он получил взятки в двух случаях, и определил ему наказание, по своей мягкости явно не соответствующее содеянному.

Железнодорожная коллегия Верховного

суда СССР удовлетворила протест и в своем определении от 15 декабря 1951 г. № 05/5707-51 указала: Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что протест прокурора подлежит удовлетворению, а приговор линейного суда — отмене по следующим основаниям. По делу установлено, и это не оспаривается самим осужденным Молчановым, получение им взятки с пассажиров в двух случаях: в первом случае с супругов Ефремовых — 10 руб., и во втором с Васиной, Андреюшкиной и Бедняковкиной 25 руб. Однако, вопреки постановлению Пленума Верховного суда СССР от 24 июня 1949 г. за № 7/2/у, которым указывалось судам на недопустимость применения ст. 117, ч. 1, УК РСФСР при наличии квалифицирующих признаков ч. 2 этой статьи УК, линейный суд неосновательно переквалифицировал действия Молчанова с ч. 2 на ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, мотивируя тем, что он не применял вымогательства, не настаивал на уплате сумм штрафа, которые предусмотрены по уставу, а согласился принять от пассажиров, «что они в состоянии были ему дать». Приведенные судом мотивы являются несостоятельными, так как Молчанов являлся ревизором-контролером пассажирских поездов и ответственное положение его, как должностного лица, а равно и неоднократность получения им взятки с пассажиров составляют квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, по которой он и был предан суду. Кроме того, применение к Молчанову меры наказания в виде условного осуждения не обеспечивает решительной борьбы с этим опасным видом преступления.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: Приговор линейного суда Ярославской ж. д. от 20 сентября 1951 г. по делу Молчанова Ивана Ивановича отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение в тот же линейный суд, но в ином составе, со стадии судебного разбирательства.

Ю Р

Прот

На ос. Верховно в тех сл колхозу равной и скота, пр за ущерб, присужда ха. Если ма ниже в пользу ченная и между ст мой при Справки и лучены в

Прокурат

На осно нума Вер: 1950 г. в: лезни и по времен в других без работ том случа: щество, н: обращено в этих сл: жен исчис к заработ: лучал до занным ос: сумме, оп: дельном с: ального по

Нар

1. Вопрос: должност: мя и взыс: жен разре: и 16 пост: суда СССР не иначе, себе факт: были прис: освобождас: вавшейся

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ НА ЗАПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Прокуратуре Цесвайского района Латвийской ССР

На основании постановления Пленума Верховного суда СССР от 27 июля 1946 г. в тех случаях, когда Госстрах выплатил колхозу страховое возмещение в сумме равной или более высокой, чем стоимость скота, предусмотренная законом, взыскание за ущерб, причиненный гибелью животного, присуждается полностью в пользу Госстраха. Если же выплаченная Госстрахом сумма ниже указанной стоимости животного, в пользу Госстраха присуждается выплаченная им колхозам сумма, а разница между стоимостью животного и этой суммой присуждается в пользу колхоза. Справки о стоимости скота могут быть получены в исполкоме местного Совета.

Прокуратуре Орджоникидзевского района г. Керчи

На основании п. 16 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. взыскание алиментов за время болезни и неполучения ответчиком пособия по временной нетрудоспособности, а также в других случаях нахождения ответчика без работы может производиться только в том случае, если у ответчика имеется имущество, на которое по закону может быть обращено взыскание. Размер подлежащих в этих случаях взысканию алиментов должен исчисляться не в долевом отношении к заработной плате, которую ответчик получал до прекращения им работы по указанным основаниям, а в твердой денежной сумме, определяемой судом в каждом отдельном случае в зависимости от материального положения ответчика.

Народному суду 2-го участка Искитимского района Новосибирской области

1. Вопрос об установлении размера задолженности по алиментам за прошлое время и взыскании этой задолженности должен разрешаться в соответствии с п.п. 15 и 16 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. № 14-10-У, и иначе, как по решению суда. Сам по себе факт передачи ребенка, на которого были присуждены алименты ответчику, не освобождает последнего от уплаты образовавшейся за ним задолженности по али-

ментам за время проживания ребенка у матери, но при разрешении вопроса о взыскании этой задолженности суд должен исходить из конкретных обстоятельств дела, уважительности причин, вызвавших образование задолженности, и имущественного положения сторон.

2. При неявке стороны в судебное заседание суд обязан поставить вопрос о том, возможно ли по данному делу в отсутствие неявившейся стороны выяснить действительные права и взаимоотношения сторон, и только после утвердительного разрешения этого вопроса рассматривать дело без истца или ответчика (инструктивное письмо ГЖК Верховного суда РСФСР 1926 г. № 1).

3. Хотя постановление Пленума Верховного суда СССР от 9 февраля 1951 г. № 2-6-У предусматривает ответственность по ст. 75 УК РСФСР за незаконное использование транспорта только шоферами, ст. 75-1 может быть применена и к другим работникам автотранспорта.

Прокуратуре Неклиновского района Ростовской области

Следователи при допросах могут печатать на машинке показания свидетелей и других лиц. Нарушений норм УПК РСФСР при этом не усматривается.

Прокуратуре Умарского района Чувашской АССР

Согласно Уставу сельскохозяйственной артели колхозники не могут иметь в своем личном хозяйстве скот в количестве, превышающем нормы, установленные Уставом сельскохозяйственной артели. Если член колхоза имеет в своем хозяйстве поголовье скота, превышающее количество, предусмотренное Уставом сельскохозяйственной артели, он обязан сдать или продать его по своему усмотрению. Продажная цена действующим законодательством не установлена. Обобществление рабочего скота членов сельскохозяйственной артели производится добровольно, что вытекает из сущности ст. 1 Устава сельскохозяйственной артели. В случае нежелания члена колхоза передать колхозу рабочий скот, подлежащий обобществлению, общее собрание членов колхоза вправе применить к нему все меры воздействия, предусмотренные Уставом сельскохозяйственной артели, вплоть до исключения из членов артели.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. Бордонов — Улучшить работу народных судов по охране социалистической собственности	1
А. Кукаров — Понятие материальной истины в советском уголовном процессе	7
И. Малхазов — Понятие материальной истины в советском уголовном процессе	12
П. Ставский — Обязательство из предотвращения вреда	16
М. Чельцов — Неправильное понимание задач судебно-медицинского эксперта	23
В. Колмаков — Преодолеть отставание в разработке вопросов советской криминалистики	29
Д. Голубовский — Консультационная работа адвокатуры	37
С. Бырдина — О методике проведения спецсеминаров по гражданскому процессу	45
В ПОМОЩЬ СУДЬЕ	
Судебное рассмотрение дел о выселении	49
ОБМЕН ОПЫТОМ	
А. Меркушев — Заметки ревизора об опыте работы	57
Н. Светозаров — Организация борьбы с выпуском недоброкачественной, неплеменной и нестандартной продукции	62
СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА	
Никулин — Ключки бумаги	66
НАМ ПИШУТ	
И. Барсуков — Неправильная практика одного судебного состава	69
В. Пчелин — Недооценка работы по уголовно-судебному надзору прокуратуры	71
М. Кораблинов — Новшество, не заслуживающее подражания	73
И. Максимов — О протоколе судебного заседания	73
ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ	
В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
П. Бурдин, П. Романов — А. С. Федосеев, Творческая роль Советского государства и права в построении социалистического и коммунистического общества	78
Ю. Кубицкий — А. И. Винберг и Б. М. Шавер, Криминалистика, учебник для юридических школ	83
— Обсуждение учебника криминалистики для юридических школ во Всесоюзном научно-исследовательском институте криминалистики и Прокуратуры СССР	86
ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ	
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ	

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

С. И. Зайцев (и. о. редактора), С. В. Бакшеев,
С. А. Бордонов, А. Ф. Волчков, Д. С. Карев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян, Д. Ф. Татаркин

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-94-50.
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А-00119. Сдано в производство 17/1 1952 г. Подписано к печати 9/II 1952 г. Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 34 250 экз. Бумага 70×108¹/₁₆ = 3 бумажных—8,22 печатных листов Заказ 888. Цена 3 руб.

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 3 руб.

С
З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

Орган Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР
и Верховного суда СССР

на 1952 год

Цена одного номера — 3 руб.

Подписка принимается **ТОЛЬКО** с очередного
подписного месяца

Подписка принимается **ТОЛЬКО** в городских
и районных отделениях Союзпечати

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТ